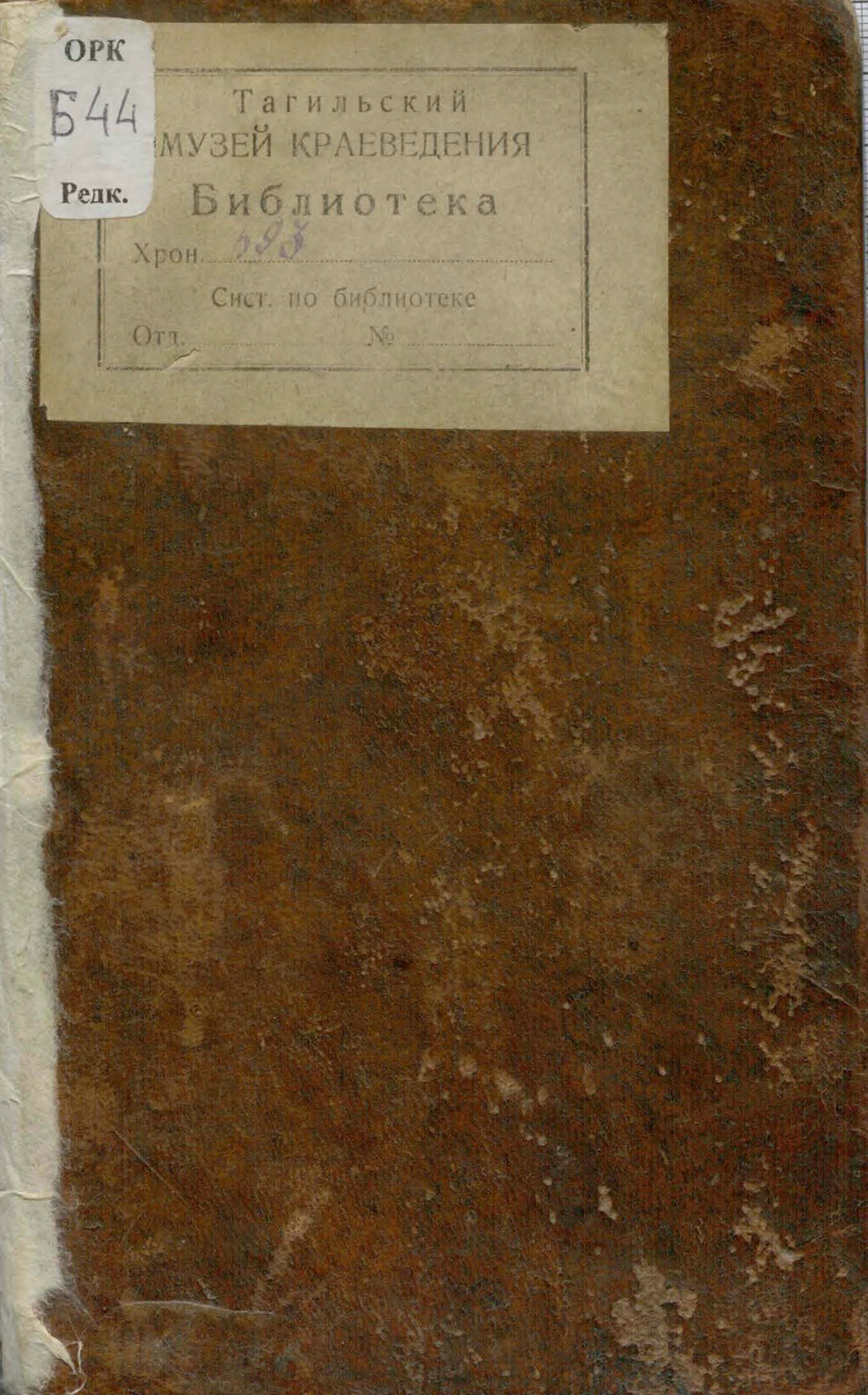
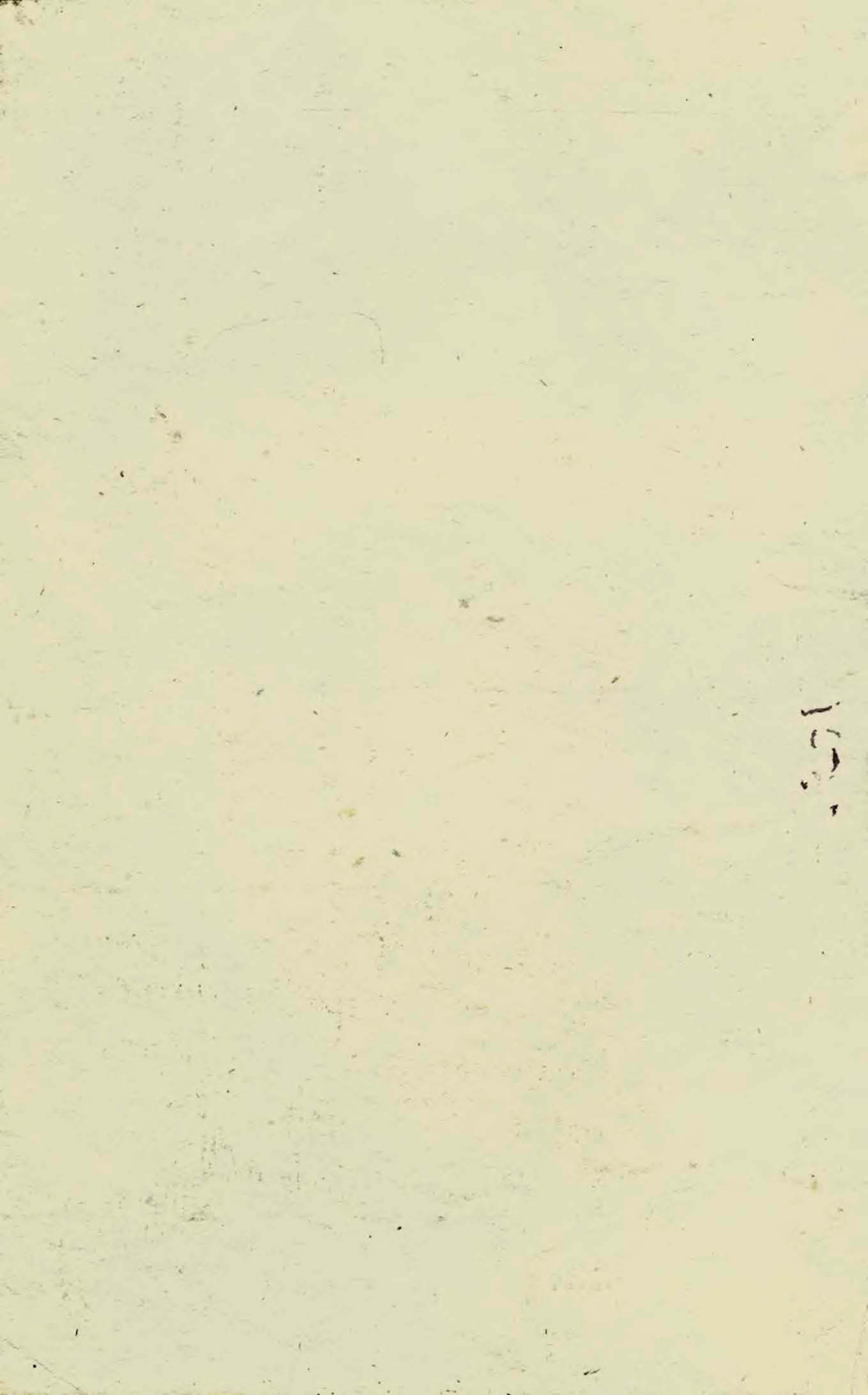


ОРК
Б44
Редк.
Тагильский
МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ
Библиотека
Хрон. 593
Сист. по библиотеке
Отд. №

Егора Плаутина



СОВЕРШЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ

содержащее въ себѣ;
молодымъ знатнаго рода,
и
шляхетнаго достоинства
людямъ,
благопристойные маніры;
и приличныя поведеніи
со многими къ поспѣшествованію
щастія ихъ
способными правилами,
и нравоучительными
разсужденіями;
изданное
отъ
Абата Белегарда.
А съ францускаго
на Россійской языкъ перевелъ
сію книгу,
канцеляріи академіи наукъ
секретарь Сергѣй Волчковъ.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1747 года.

СОВЕРШЕННОЕ

ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

Воспитаніе застарѣлымъ мнѣніямъ и обычаямъ мать, такъ много участія во всѣхъ нашихъ дѣлахъ имѣетъ; что ко исполненію того великое раченіе надобно, чего оно отъ насъ требуетъ. Благовоспитанной человѣкъ почти во всю свою жизнь то помнитъ, какіе о воспитаніи его труды приложены. Собственная должность ему пріятна, а въ добродѣтельныхъ его предпріятіяхъ и дѣлахъ случающіяся трудности, только для того его удерживаютъ, дабы ему на зрѣлое о томъ разсужденіе время дать, какими способы тѣ трудности преодолѣть? А посему; о изрядномъ воспитаніи принятое намѣреніе должно болѣе къ пользѣ ума, нежели тѣла клониться. Тѣло получаетъ отъ добраго воспитанія стройность и здоровье, а умъ отъ изряднаго воспитанія заимствуетъ разумъ и проворство, съ способностію къ

пред-

предпріятіямъ и произведенію добрыхъ и знатныхъ дѣлъ; притомже отъ него беретъ воздержаніе и умѣренность, къ сохраненію щастіемъ и службами полученной чести, съ своимъ и родительскимъ имѣніемъ. Сіе побудило меня къ собранію разныхъ въ сей книгѣ содержащихся совѣтовъ, съ твердою надеждою; что оные способны будутъ такимъ людямъ, которыхъ воспитанію знатнаго рода дѣти ввѣрены и поручены. Хотя изовсѣхъ до воспитанія касающихся обстоятельствъ, отъ святыя вѣры предписанная должность главнѣйшей пунктъ, однако я о семъ столько намѣренъ писать, сколько матерія моего дѣла потпребуетъ, но предаю сіе тѣмъ, кому дѣти въ смотрѣніе поручены, и у кого въ воспитаніи находятся, также тѣмъ церьковнымъ пастырямъ и учителямъ вручаю, которымъ о насажденіи и возращеніи сѣменъ слова божія въ нѣжныя души и деликатныя сердца молодыхъ людей, трудиться надлежитъ; а мое стараніе будетъ наиболѣе касаться до ума, и о собраніи совѣтовъ наполняющихъ человѣка разумомъ и другими добрыми свойствами, такъ что онъ не только всѣмъ добрымъ и честнымъ людямъ полезенъ и пріятенъ, но къ повышенію чести и къ сохраненію щастія своего способенъ будетъ.

ЩАСТІЕ И НЕЩАСТІЕ ЧЕЛОВѢКА: ОТЪ СОБСТВЕННЫХЪ ЕВО ПОСТУПОКЪ ЗАВИСИТЪ.

Видится: что языческая ревность во всей своей многобожной службѣ то хуже всего дѣлала, что фортунѣ особливой храмъ построила. Чего было отъ такой мнимой богини ждать, которая приносимыхъ жертвъ не видѣла, молитвъ не слышала, и все на удачу дѣлала? разумнѣйшіе изъ язычниковъ всегда ее неправедною и непостоянною называли, а потомъ выборъ и рассужденіе у нее отъимая признались: бутто и мы не очень умны, что о нападкахъ и обидахъ ея приносимъ жалобы, а дарами и благодѣяніями оныя хвалимся; однакожъ фортуна больше всѣхъ языческихъ боговъ и богинь храмовъ на свѣтѣ имѣла, и понеже власть ея на все въ свѣтѣ распространяется, то большая часть людей фортунѣ молилисъ; а хотя малая часть Філософовъ стоїческой секты всегда ее за своенравную почитали, однакожъ все сіе для одного только опыту или пробы силъ своихъ дѣлали. Всѣ нравоучительныя правила здѣланы для обороны отъ нея, и для наученія людей тому, что хотя щастіе сильнѣйшія въ свѣтѣ Монархіи опровергаетъ, однакожъ душй мудраго человѣка поколебать не можетъ. Брутусъ во всю

свою жизнь ученїю и правиламъ сея секты послѣдовалъ, а при смерти своей власть и силу щастїя узнавши сказалъ; что выше всего любимая имъ добродѣтель противъ фортуны весьма безсильна, также что фортуна обыкновенною своею неправдою всѣ ево великїя намѣренїи опровергала, и оныхъ ему въ дѣйство произвесть не допускала. Онже не смѣлъ похвалиться, что ево храбростїю Римъ отъ свирѣпаго тирана свобожденъ: но втомъ вторично фортуну обвинялъ, что она другова тирана наслѣдникомъ и преемникомъ Брутусовой славы, еще при жизни ево учинила. Такїе великїе примѣры почти всякаго человѣка во удивленїе приводятъ потому, что весьма чрезвычайны кажутся, и больше разсужденїя великихъ Прїнцовъ, нежели партикулярныхъ людей достойны: а мы на свѣтѣ такъ живемъ, какъ на великомъ морѣ въ малой лодкѣ плаваемъ, которую вѣтеръ подхватя по своей волѣ носить можетъ. Однакожъ всякой человѣкъ на свѣтѣ особливое намѣренїе, и отмѣнную поступку имѣетъ.

Кому сїя фортуна не опредѣлила дома жить, и чрезъ то всѣ свои добрыя свойства погасить, тѣмъ въ своихъ дѣлахъ отчаяваться не должно; только бы они

состо-

состоянїе сея баснословной богини знали, которой такая тиранская власть надъ особливыми и общими вещми въ свѣтѣ приписывается. По моему мнѣнїю она никакова обоженїя не имѣетъ, и весьма безсильна; а хотя сїе предложенїе странно и многимъ чрезвычайно покажется, только я безъ всякаго труда докажу, что оно съ разумомъ сходно. Вопервыхъ должно вѣдать, что между дѣйствующими причинами одни опредѣленныя, и для того по неволѣ дѣйствуютъ: а другїя неопредѣленныя и случайныя причины, которыя дѣйствовать могутъ и не могутъ, но дѣйство свое силою другихъ причинъ производятъ. Первыя названы нужныя или неминуемыя; а другїя припадочныя или случайныя. Отъ сего выдумали себѣ древнїе язычники двухъ богинь, изъ которыхъ одна надъ богами, а другая надовсѣмъ свѣтскимъ власть имѣла, то есть Фортуну, и Долю. По сему можно сказать, что Фортуна ничто иное, какъ противъ человѣческаго чаянїя и выше рассужденїя ево учинившейся случай. Ежели сїе вторая причина, то надобно ей зависѣть отъ перьвой; а понеже сїя перьвая подлинно опредѣленная, то заключаю: что въ свѣтѣ ничего случайнаго и припадочнаго нѣтъ, для того что ничего такого не дѣлается, и не

произходитЪ, чтобЪ отЪ нужной и опредѣленной причины не зависѣло. На семЪ основанiи утвердившись, лутче свою слабость вЪ томЪ обвинимЪ, которая причину случаямЪ понять и постигнуть не могши, припадкомЪ или случаемЪ називаетЪ. ТѣмЪ то лутчiя и высочайшiя умы неразумiе свое прикрыть, а невѣденiе извинить старалисЪ. Великiе полководцы потерянiе баталiи сему причитали, а Iсторiографы описывая пользу сЪ изряднымЪ положенiемЪ избранныхЪ ими мѣстЪ, доброй порядокЪ армеи, крѣпость ретраншаментовЪ, западное войско, и многiя такiя обстоятельства выхваляя, которыхЪ военному человѣку не достаетЪ: также о великихЪ ихЪ военныхЪ дѣлахЪ и славныхЪ побѣдахЪ со удивленiемЪ говоря, наконецЪ все ихЪ худое щастiе вЪ такой неудачѣ обвиняютЪ, которой никакая человѣческая мудрость миновать, а предосторожность убѣжать не могла. Лутче сами про себя скажемЪ, что знанiе наше коротко, умЪ у насЪ слабЪ, глаза наши вЪ рассмотрѣнiи будущаго ничего видѣть не могутЪ, а разуму нашему такой предѣлЪ положенЪ, котораго онЪ перейти не можетЪ; но понеже умЪ человѣческой природныя свои слабости и недостатки имѣетЪ, то напротивЪ

тивъ сего все свѣтское обыкновенной перемѣнѣ подвержено. Я не уничтожая нечаянные случаи, нижѐ такъ нужными ихъ учинить стараюсь, чтобъ всю мудрость изъ общества и сожитія человѣческаго выгнать. Сіе бы смѣшное и грубое предложеніе было, ежелибы мнѣ сказать, чтобъ человѣку безъ всякаго труда и движенія того дожидаться, чему на него притти; напротивъ тому говорю, что мы своему щастію сами художники и мастерà, и часто случается, что щастіе или нещастіе наше, собственному нашему благу или злу причина и начáло; а далѣе никакой тому причины искать не надобно. Самые разумнѣйшіе люди, которые по видимому всякую вещь съ корени знаютъ, а въ собственныхъ дѣлахъ невеликой успѣхъ имѣютъ, для того что дѣлà ихъ отъ многихъ и такихъ причинъ зависятъ, которые уму и рассужденію нашему непонятны. Но понеже человѣкъ ничево кромѣ посредства чувствъ своихъ не знаетъ, а они ево всякой часъ обманываютъ, то какъ человѣку о томъ рассуждать, что ему случиться можетъ, и какое подлинное извѣстіе, отъ такой неизвѣстности получить? Пирронцы о чувствахъ такое худое мнѣніе имѣли, что ученикамъ своимъ сказывали, коимъ

образомъ чувства человѣческія всего знать и понять не могутъ. Не все то подлинно такъ: какъ глаза наши видятъ, уши слышатъ, а разговоры и рассужденіи наши на тѣхъ только образованіяхъ основаны, которые отъ бесчисленнаго множества и различія вещей чувствамъ представляются, но все сіе обманъ и привидѣніе, а потому и дивиться не надобно, что нечаянные случаи насъ обманываютъ, для того что мы имъ ни причины ни начала не знали. Но то еще основательно сказать можно, что хотя чувства насъ временемъ и прельщаютъ, толькожъ невсегда обманываютъ; а разумнѣйшіе передъ другими люди, какъ чувствами такъ и другими расположеніями нрава несравненно одарены; чего ради отмѣнное передъ другими знаніе, также вышшей смыслъ, чистѣйшее рассужденіе, и здравѣйшей умъ имѣя въ разговорахъ своихъ тѣмъ меньше обманываются, и тѣмъ нечаяннымъ случаямъ не такъ подвержены, которые отъ древнихъ Фортуною названы.

Сіе по моему мнѣнію принудило стихотворца сказать, что тѣ подлинно щастливы, которые вещамъ причину и начало знаютъ. Кто причину знаетъ: тому начало, состояніе, и движеніе вещи извѣстно, а отъ сего движенія тѣ нечаянные

чаянные случаи зависятъ, отъ которыхъ человѣческое щастіе или нещастіе происходитъ. Я съ помянутымъ стихотворцомъ признаваюсь, чтобъ сіе отъ него предлагаемое благополучіе неоцѣненнымъ назвать надлежало, ежелибъ оно въ самомъ дѣлѣ было; только его нѣтъ, такъ что онаго болѣе желать, нежели уповать надлежитъ. Я же человѣка въ такомъ состояніи отнюдь не представляю, будто бы онъ ни вчемъ погрѣшить и обмануться не могъ, вѣдая что такова человѣка никогда не бывало: а ежелибъ я такое мнѣніе имѣлъ, тобы самъ въ тоже погрѣшеніе впалъ, отъ котораго другихъ хранить стараюсь; но такого токмо человѣка представляю, которой обыкновеннымъ слабостямъ и погрѣшеніямъ меньше другихъ подверженъ, и собственною практикою искусившись, могъ бы намъ такія наставленіи и совѣты подáть, которыми бы мы щастіе жизни нашей утвердить могли, ни въ чемъ упрямству и своенравію фортуны себя не подвергая, у которой умные люди ни о чемъ милости не просятъ, а Філософы ни малымъ отъ нея одолжены быть не хотятъ.

знатнаго рода людямъ, надобно своего щастія при дворѣ искать.

Всякъ за честью гоняется, а за богатствомъ всѣ мы бѣгаемъ. Сими двумя великими колесами, весь свѣтъ обращается. Они два главные источника, всему безпокойству рода человѣческаго. Тѣ то два летучїе или земляные огня, насъ къ заблужденїю въ дѣлахъ и предпрїятїяхъ нашихъ, такъ часто приводятъ. Честь и богатство почитаетъ человѣкъ за конецъ всей своей надеждѣ и желанїямъ, а на снисканїе оныхъ всю свою силу и горячесть со усердїемъ употребляетъ, но того не смотритъ, что пути и способы къ полученїю обѣихъ помянутыхъ вещей, такими трудами, болѣзньми, и неизвѣстностьми наполнены, которые человѣка на всякой часъ живота лишить могутъ; а какъ человѣкъ честь и богатство получа обѣими наслаждаться начнетъ, то ясно увидитъ, что жизнь свою въ суетѣ и въ попеченїи препроводилъ. Сему непорядку двѣ причины, 1. Что человѣкъ много на себя беретъ, а 2. Что худо предпринимаетъ.

Перьвой порокъ касается до такихъ людей, которыхъ высокоумство рассужденїя лишило, такъ что они о себѣ надмѣру много думаютъ, а о мерїтахъ

[заслуги]

[заслуги] своихъ чрезвычайное мнѣніе имѣютъ, и наподобіе Іксіона ни за что кромѣ облаковъ не хватаются. Такіе люди лутче годятся въ спальники къ Цесарю луны, а при дворахъ Европейскихъ государей быть не способны. Токмо мое намѣреніе нетакое, чтобъ ихъ обличать или исправлять; но болѣе къ такимъ людямъ клонится, которые выше силы ничего на себя не берутъ, и больше въ выборѣ способовъ къ произведенію своего дѣла, нежели въ томъ намѣреніи обманываются, къ которому всѣ желаніи и дѣйства ихъ склоняться должны.

Никогда и ни о чемъ столько споровъ и рассужденія не было, какъ на вопросъ касающейся до крайняго и верьхняго блага. Стоической секты Философы инаго блага, кромѣ душевнаго спокойства не признаваютъ; токмо сего спокойства или мира душевнаго повидимому до тѣхъ поръ имѣть не возможно, пока страсти совершенно укрощены, и духу въ покореніе приведены не будутъ.

Эпікуры, которыхъ весь свѣтъ бранитъ, а ученія ихъ немногіе разумѣютъ, поставляли сіе благо въ роскоши. Я [говоритъ авторъ] сіе мнѣніе съ состояніемъ душй и тѣла такъ сходно признаваю, что прямо - разумѣющему - отбросить

бросить ево трудно, для того что въ немъ ничего святой вѣрѣ противнаго нѣтъ; ибо кто можетъ противное сему сказать, чтобъ добродѣтельной и набожной человѣкъ [каковы всѣ святые и богу угодные му́жи были] особливымъ вдохновенiемъ, и великою ко Творцу своему горячестiю се́рдце свое отъ всего свѣтскаго отвлекши, въ единомъ любленiи Создателя, и во всегдашнемъ богомыслiи, крайняго себѣ блага не находилъ? А и то небезъизвѣстно, что жесточайшее житiе въ дебряхъ провождавшiе, и богу посвятившiе себя отшельники больше сему резоновъ въ пустынѣ нашли, нежели въ мирѣ видѣли. На семъ основанiи подлинно, что человѣческое благо и зло отъ собственнаго ево мнѣнiя зависитъ, и всякая вещь для него такова̀, каковой онъ ей быть желаетъ.

Къ наукамъ рожденной человѣкъ: любитъ книги, писанiе, и кабiнетъ. Охотникъ и ловчей, хочетъ всегда на полѣ быть. Военному человѣку то забава, чтобъ салдатами командовать. Купецъ любитъ торги и домашней покой; излишество вина̀ трезвому человѣку му́ка, а пьяницѣ рай. Можно бы наутвержденiе и доказательство сего мнѣнiя множество примѣровъ привесть, однако до-

вольно будетъ съ Філософомъ сказать: что имѣніе и забава, причиною и началомъ человѣческаго благополучія. Сказанное мною, душѣ человѣческой свойственно и природно; а притомъ признаваюсь, что неизвѣстность чувствъ часто человѣка къ худому выбору по неволѣ приводитъ. Во всемъ великое излишество Марка Антонія, также мнѣ кажется неправедно, какъ безмѣрная бережливость стараго Катона не умна. Крезусъ по моему разсужденію во владѣніи всѣми своими сокровищи такъ равно неискусенъ, какъ Діогенъ въ своей бочкѣ смѣшонъ. Имѣніе человѣку въ жизни ево надобно: а когда ужѐ подлинно такъ, то должно ево безъ грѣха и безъ излишества искать, вѣдая что бѣдность всѣмъ печалямъ и беспокойствамъ мать, а щедротѣ и подаянію главной врагъ, котораго всею возможностію убѣгать надлежитъ. Я о такой бещестной бѣдности говорю, которая у человѣка способы къ произведенію себя въ люди отнимаетъ, сердце уныніемъ; а веселой нравъ печалью подавляетъ, добрые въ шляхтичѣ нравы, и изрядное воспитаніе съ грубостью подлаго народа мѣшаетъ, и ево къ исполненію добродѣтели не допускаетъ.

Вѣдаю: что есть духовная, то есть

Евангель-

Евангельская добродѣтельная нищета, которая за любовь и во угожденїе богу, ничемъ кромѣ вещей божественныхъ не довольствуется.

богъ человѣку далъ душу и жизнь; но понеже природа [натура] вторая тому причина, то она къ душѣ, а особливо къ тѣлу такїя беспокойства привязала, которыя человѣкъ для собственнаго сохраненїя преодолѣвать принужденъ.

Жажда и голодъ; двѣ смертельныя болѣзни, а мы ихъ пищею и питьемъ какъ обыкновенными лѣкарствы съ охотою пользуемъ. Стужа, природной нашей теплотѣ непрїятель, отъ котораго человѣкъ теплою избою и платьемъ боронится.

Ежели кто скажетъ, что дикїе люди въ лѣсахъ еще долѣ, и можетъ быть лутче насъ живутъ, не требуя столько вещей, сколько намъ надобно: я то признаваю, и ихъ не хулю.

Ежелибъ я такойже дикой человѣкъ былъ какъ они, тобъ состоянїе ихъ еще больше похвалилъ; а сїе бы крайнее безумїе было, ежелибъ посреди умнаго свѣта одному человѣку лѣшимъ, то есть дикимъ мужикомъ здѣлаться.

Я бы самъ себя за сумозброда призналъ,

зналъ, ежелибы между одѣтыми нагъ ходилъ; и въ нынѣшнемъ бы вѣку никто Діогена Філософомъ не назвалъ, ежелибы увидѣлъ, что онъ въ полдни съ засвѣченою въ фонарѣ свѣчою, по торгу ходя человѣка искалъ.

Не мы законы, прáвила и уставы здѣлали, не намъ ихъ и перемѣнять; да токмо имъ повиноваться. Всякъ про себя свой умъ и собственныя поступки имѣетъ, а у всякаго народа свой обычай и обряды. Лутче одному со многими согласовать, нежели нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ на одного смотря поступать.

Умному не запрещено: отъ подлаго народа отмѣнное и различное мнѣніе имѣть, толькобы сей умной отъ общихъ прáвилъ и обычаевъ не удалился. У дикихъ людей такойже умъ какъ и у насъ; а можетъ быть, что у нихъ еще и особливая політіка есть, по которой думаютъ, что они хорошо живутъ, для того что иной жизни не знаютъ, и другимъ образомъ жить не умѣютъ. Имъ кажется убожество, а намъ богатство нравно; ихъ то щастіе, чтобъ безъ богатства пробавляться, намже то благополучіе, дабы оное на нужду и услугу себѣ употреблять; но можетъ статься, что мы правы, а и они невиноваты.

Я общему и всенародному мнѣнію послѣдуя: тѣхъ щастливыми почитаю, которые отъ знатныхъ родителей и предковъ, съ наслѣднымъ и довольнымъ имѣніемъ родились; а ежели притомъ имѣютъ склонность быть добрыми и честными людьми, то къ достиженію сего всегда предводителей и проводниковъ имѣютъ. Одно имя съ прозваніемъ; Королевскія палаты и кабінеты имъ отворяетъ, а одна ихъ добродѣтель сама себя производитъ. Они то весьма легко дѣлаютъ, что бѣдному дворянину съ крайнимъ трудомъ въ дѣиство произвесть почти не возможно; а хотя они и не очень умны, однако для знатнаго и высокаго рода всякъ ихъ почитаетъ, а богатству многіе послѣдуютъ, и сему златому тельцу весь подлой народъ покланяется. Хотя они не къ добродѣтели родились, однакожъ добродѣтельнымъ людямъ благодѣяніе показывать, и онымъ различными о́бразы помогать могутъ. Рѣдко такого человѣка при дворѣ изъ знатныхъ, а особливо изъ шляхетства увидишъ: которой бы добродѣтеленъ и богатъ былъ, а притомбы великой чести или великихъ чиновъ не имѣлъ

Какова фортуна ни зла, однако возвышенію ево мало противиться, ежели только

только человѣкъ имѣетъ чемъ вышнимъ властямъ угодить. Знаю, что къ сему великія свойства надобны; однако я ненамѣренъ здѣсь добраго и честнаго человѣка въ надлежащее совершенство приводить, да надѣюсь, что онъ со всемъ ужѐ таковъ, какову ему быть, и токмо такихъ поступокъ требуетъ, которыми бы онъ къ намѣренному своему концу достигнуть, то есть желанiе свое получить могъ. Я только хочу показать: что фамiлiя съ имѣнiемъ весьма способна къ учиненiю человѣка добродѣтельнымъ, и къ принесенiю ему по шляхетству ево приличной чести.

Ежели кто скажетъ, что богатство можетъ человѣку вредъ здѣлать; тому отвѣчаю. Что богатство собою не вредитъ, да человѣкъ употребленiемъ богатства на зло, самъ себѣ вредъ и пагубу дѣлаетъ. богатство въ родѣ и веществѣ своемъ изрядно, и тѣмъ полезно, кто ево на добрѡ употребляетъ.

Во многихъ книгахъ и письмахъ древнихъ Фiлософовъ находящаяся похвала убожеству, болѣе способна къ показанiю остроты ума ихъ, нежели къ увѣренiю отомъ, что они писали. Платонъ и Арiстотель по своему произволенiю фiлософствовали. Оба они природою и

чинами знатные люди въ Грецїи были. Сенека посреди богатства и всякаго изобилїя о убожествѣ преизрядно витийвствуетъ; и хотя умѣренностїю своего ума въ собственныхъ книгахъ очень хвалится, однакожъ со всѣми своими похвалами въ такомъ подозрѣнїи умеръ, бутто на тронѣ своего Монарха и благодѣтеля посидѣть желалъ.

Знатнаго рода и богатой дворянинъ, никакой причины къ жалобѣ на фортуну не имѣетъ. Ежели онъ въ деревняхъ своихъ живетъ, то щастїе тамъ ево искать не обязано.

Ему надобно при дворѣ Монаршемъ быть, и тамъ живучи стараться, чтобъ передъ другими честью и чиномъ возвышенїе получить, толькобъ онъ двѣ вещи зналъ: 1. Нравъ и склонность государя своего; а 2. собственной нравъ, и къ чему самъ съ природы склоненъ.

ДВА ПУТИ ИЛИ СПОСОБА КЪ ЩАСТІЮ: НА ВОЙНѢ СЛУЖИТЬ, И ПРИ ЛИЦѢ САМОГО ГОСУДАРЯ БЫТЬ.

Правда, что военная шляхтичу служба знатнѣе и почтеннѣе другихъ чиновъ, однако Монархи всѣ человѣческїя немощи въ себѣ имѣя, по природной склонности поступаютъ; и тѣхъ больше участни-

ками милости своей дѣлаютъ, кто при высокомъ лицѣ ихъ будучи угождаетъ, нежели такихъ, которые въ отсутствіи имъ служатъ.

Во Франціи такой примѣръ былъ, что небогатой шляхтичь за то отъ Короля конетабелемъ пожалованъ, что ястребца самъ на рукѣ выносивши, а потóмъ къ ловленію воробьевъ и малыхъ птицъ способнымъ учиня Королю поднесъ; а другіе изъ Пажей прямо въ Герцоги произведены. Я сіе для того пишу, что щасті при дворѣ желающему шляхтичу, надобно во первыхъ нравъ своего Государя, а потóмъ и собственную склонность знать, ибо безъ того Монарху своему угодить не можетъ, ежели самъ не знаетъ что дѣлаетъ. Кто охоты не любитъ, тому командіромъ надъ охотниками или ловчимъ быть стыдно. Человѣкъ все то непріятно дѣлаетъ чего не любитъ, а для того: что душа̀ къ однимъ только любимымъ вещамъ совершенно склоняется, и ихъ съ охотою дѣлаетъ, а тотъ никогда пріятнымъ себя не учинитъ, кто по неволѣ и противъ склонности что предпринимаетъ. Ни ученіе, ни умной разговоръ, сего порока исправить не можетъ, но человѣкъ въ семъ природномъ движеніи самъ не властенъ, и какъбы

онъ ево ни преодолѣвалъ, однако печаль временемъ на ружу вышедши, всю нашу учтивость потритъ. И о войнѣ тожъ, что про охоту сказать можно. Къ презрѣнію страховъ надобно храброе сердце; къ ношенію военныхъ трудовъ потребна сила; къ полученію великихъ чиновъ любленіе чести необходимо, а безъ сихъ обстоятельствъ отъ такой трудной службы ждать нѣчего. Сей путь тѣмъ честнѣе другихъ, что человѣкъ кромѣ снисканія притомъ имѣнія и пожитку, получаетъ добродѣтелямъ своимъ славу и вѣчную въ людяхъ память; только сія сла́ва премногими трудностьми наполнена, и между желающими быть Маршаломъ Франціи, многіе на дорогѣ такъ остаются, что до намѣряемаго мѣста во вѣки не доходятъ.

Но все бы сіе еще малое дѣло было, ежелибъ притомъ кромѣ отвагъ, другихъ препятствъ не находилось. Того человѣка не жаль, кто въ своей должности умеръ: смерть нетолько жизнь прекращаетъ, но всѣ намѣренія, желанія, и самое ево щастіе погашаетъ. Еще двѣ вещи хуже и беспокойнѣе прежнихъ. 1. что произведеніе въ чинъ военнаго человѣка, зависитъ отъ щастливаго успѣху храбрыхъ ево дѣлъ на баталіяхъ, и не-

и небоязливости въ бояхъ, чего никакая человѣческая мудрость подлиннымъ и извѣстнымъ учинить не можетъ. 2. Что службы ево требуютъ сильнаго помощника въ Монаршемъ кабінетѣ, безъ чего онъ надлежащую по заслугамъ своимъ честь, едва получитли? Оба сіи препятства тѣмъ труднѣе преодолѣть, что они къ великимъ честямъ ведущей военной путь весьма неизвѣстнымъ творятъ; а надъ вся сія награжденіе сими честьми, въ рукахъ самаго Монарха. Ежели онъ къ войнѣ склоненъ, то при знатныхъ баталіяхъ самъ своею арміею командуетъ, и всѣ щасливые успѣхи своей персональной командѣ причитаетъ; а буде нещастіе случится, то Генераламъ и Офіцерамъ ево арміи отъ неминуемаго Монарша гнѣва, или по крайней мѣрѣ отъ жестокихъ выговоровъ и нареканій убѣжать трудно. Ежелиже Монархъ къ войнѣ склонности не имѣетъ, то всѣ военныя дѣла̀ черезъ ру́ки Міністровъ ево идутъ. Въ тото ужѐ время дворянину всю своѝ мудрость и політіку надобно употребить, дабы служба ево чрезъ Міністровъ самому Монарху извѣстна была; а ежели иначе поступитъ, то по долголѣтной службѣ и безчисленныхъ трудахъ, за всѣ свой раны и болѣзни, кромѣ оттертой

 руки

рукѝ или ногѝ съ костьми, другое награжденіе кромѣ обыкновенной отставки едва получитъ ли? Я сіе о такихъ говорю, которые знатныхъ чиновъ и высокихъ достоинствъ ищутъ, а притомъ вѣдая что и такихъ людей много, которые на войну для полученія одной чести [волонтеры и вольные] и на показаніе природной своей храбрости ѣздятъ; ибо сіе всякому дворянину такъ нужно, что ему безъ обученія въ ружьѣ и невидавъ войны, съ равными себѣ обходиться стыдно. Вѣдаю; что военная служба прямое и подлинное дворянскаго чина и должности дѣло. Емужъ надобно въ показаніе своей храбрости, такой славы и всегдашней памяти достойной опытъ своею рукою показать, котораго бъ не только на войнѣ съ нимъ бывшіе, но и внучатыбы ихъ не забыли. Недовольно того, что онъ трусомъ и бѣглецомъ никогда не бывалъ, но свѣтъ того еще требуетъ, чтобъ про великодушныя дѣла и храбрость свою, безъ всякаго баснословнаго примѣсу говорить.

ПРИМѢРЪ МУДРАГО ФАВОРІТА.

Примѣры, по моему мнѣнію великую силу въ нравоученіи имѣютъ, ежели на правилахъ разума и політіки основаны.

Перь-

Перьвымъ сему примѣромъ можно представить Французскаго Маршала де Рецъ, на показанїе того, какъ разумно и умѣренно онъ собственное щастїе и милость Короля своего Государя, употреблялъ. Сей мудрый придворный человѣкъ во угожденїи всѣмъ, особливое искусство имѣлъ. Учинившись самому себѣ полезенъ, крайнее старанїе отомъ прилагать на́чалъ, какъ бы друзьямъ своимъ всякую возможную пользу и услугу оказать; ежели Королю объ нихъ представлялъ, или отъ Его Величества какой милости имъ желалъ, то просилъ; чтобъ Король сїю милость персонально имъ учинить изволилъ, дабы они сїю щедроту прямо изъ Королевскихъ рукъ получили, а пото́мъ бы сїю Монаршу милость чувствуя и помня, вѣрностью и усердїемъ заслужить могли. Такимъ способомъ Король ни чьими прозьбами утружденъ не былъ, а сїя реченнаго Маршала покорность, тѣмъ прїятнѣе Королю была, когда ужѐ Его Величество подлинно узналъ, что Маршалъ все сїе въ такомъ только добромъ намѣренїи дѣлалъ, дабы сердца̀ подданныхъ въ большую вѣрность и любовь къ законному и природному своему Государю привлечь, а своихъ собственныхъ дѣлъ или пользы, отнюдь притомъ не мѣшать.

Между тѣмъ друзья ево за такого себѣ благодѣтеля по справедливости признавали, чрезъ котораго вся Королевская милость съ ними дѣлалась. Доступъ къ нему былъ легкой, нравъ ево пріятенъ, а лицо веселое; ежели нужда дѣлъ или какія обстоятельства принуждали ево въ чемъ нибудь кому отказать, то сей ево учтивой отказъ или больше извиненіе въ невозможности, печаль и горесть безщастныхъ всегда услаждало. Никто такъ знатнаго чина и высокаго достоинства своего безъ гордости и тщеславія не содержалъ какъ онъ; а въ учтивствѣ и въ снисхожденіи ко всякому, ни равнаго ни подобнаго ему не было; чего ради завидящихъ и тайныхъ гонителей себѣ не имѣлъ. Правда что разумъ и практіка [искусство дѣломъ] такіе изрядные человѣку свѣтильники въ дѣлахъ ево, съ которыми онъ черезъ многія пропасти безопасно переходитъ, однако надобно признаться, что собственной нравъ съ природною склонностію къ учиненію себя добрымъ и честнымъ человѣкомъ, много помогаетъ. Съ природы сердитаго и гордаго человѣка, разумъ хотя и убѣдитъ, тихимъ и учтивымъ казаться; только человѣку всякой часъ самому себя беречся весьма трудно, а къ

поко-

покоренію страстей, многова времени и долголѣтной практіки требуется. Древніе люди не безъ причины говаривали, что съ добронравіемъ родившіеся [то есть благорожденные] щасливѣе всѣхъ. Ежелибъ выборъ на мою волю отдать, тобъ я лутче сей бесцѣнной даръ природы, нежели награжденіе наукъ со всею філософіею взялъ.

Добронравной человѣкъ въ себѣ всегда спокоенъ, а другимъ пріятенъ. Добрó дѣлаетъ безъ принужденія, а злу противится безъ всякаго труда.

Какъ съ друзьями своими при дворѣ жить?

НИ вышеозначенная мудрость, ни природныя дарованіи втомъ ручаться не могутъ, чтобъ придворной человѣкъ въ неотмѣнномъ и постоянномъ щастіи у двора остался. Понеже дворъ изъ множества такихъ людей состоитъ, которые одного щастія желаютъ; то они главное свое стараніе втомъ полагаютъ, дабы одному нещастіемъ другова пользоваться. Мудрой человѣкъ одно только наружнее кажетъ, вѣдая что никто тайны своей безъ того не открывалъ, чтобъ напослѣдокъ самъ отомъ не каялся, а хотя ему за сіе никакого зла не здѣлалось, однакожъ беспокойство было.

Италіанецъ здѣлалъ про Папу Сикста порицательное письмо, за которое его святѣйшество прогнѣвавшись знатное тому награжденіе обѣщалъ, кто издателя сему письму приведетъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, явилась внизу Пасквина [розбитая статуа въ Римѣ на углу подлѣ славныхъ Урсінскихъ палатъ] цыдулка: а на ней написаны слѣдующія слова. *Не пропѣдаешъ, святѣйшій отецъ! когда я это писалъ, то при мнѣ ни одного топарища не было.*

Паленгінъ пишетъ: которые скоро дружатся и тайну свою открываютъ, тѣ къ обратному розрыву и къ непостоянству склонны. Ежели кто по нраву своему друга сыщетъ, то не совѣтую такія вещи ему открывать, которыя могутъ вредъ принести ежели ихъ узнаютъ, а отъ тогобы никакой опасности не было, ежелибъ люди объ нихъ не вѣдали. Будеже кто иначе поступитъ, тотъ больше неразуміе свое окажетъ, нежели знакъ дружбы подастъ. Человѣкъ откровеніемъ таинъ больше свою легкомышленность исполняетъ, нежели другу удовольствіе приноситъ. Довольно того; чтобъ ему всякую услугу и возможную пользу показывать, а не такъ съ нимъ обходиться, чтобъ онъ напослѣдокъ зло-

словить тебя сталъ. Ежели другъ опасныхъ пороковъ въ себѣ не имѣетъ, то твоя воздержность языка дружбы съ нимъ не умалитъ; а буде онъ въ бесчестные пороки впадетъ и дружбу твою разорвавши язвить тебя похочетъ, то ты не будешъ ево бояться.

Такое житїе и обходительство тѣмъ лутче и умнѣе мнѣ кажется, что твои дѣла̀ и интересы въ безопасность приводитъ, а дружеской пользы не ущербляетъ.

Мудрость; откровенной дружбѣ не противна, да одному только вертопрашеству и непостоянству досадна.

Друга можно къ себѣ пригласить для увеселенїя въ печаляхъ своихъ, совѣтовать съ нимъ о взаимныхъ нуждахъ и дѣлахъ, о случившемся намъ благополучїи обще съ нимъ веселиться, въ дѣлахъ ихъ помогать, въ нуждахъ не только чемъ домашнимъ, но и деньгами имъ служить, во отсутствїи своемъ: домъ, деревни и пожитки въ охраненїе имъ отдать, или ихъ имѣнїе подъ свою опеку взять, ихъ къ себѣ звать, а самому къ нимъ обѣдать и ужинать ходить, часто посѣщать, въ обидахъ и нападкахъ до пролитїя своей крови за нихъ стоять. Въ томъ то прямые знаки истиннаго дружества и добро-

сердечнаго

сердечнаго обхожденія состоятъ, и сего у́зла любви никогда розвязывать ненадобно; а тайностямъ должно въ нашей головѣ да въ сердцѣ вѣчно остаться, и никогда изъ сихъ двухъ кабінетовъ не выходить.

Истинное дружество на бескорыстномъ и высокомъ основаніи дѣлается; а для полученія большаго себѣ совершенства, на щедрости и великодушіи утверждается. Я долженъ друга моего чисто и безкорыстно любить за одно то, что онъ любленія достоинъ, не думая того что онъ меня изъ тюрьмы свободитъ ежели попадусь, но когда онъ по особливому и нечаянному нещастію въ желѣза посаженъ будетъ, то мнѣ оковы съ него снять должно.

Я ево не за такова чедовѣка признаваю, которойбы въ нуждѣ моей или на оплату долговъ деньгами меня ссудилъ; но за такую персону почитаю, которому все въ моей жизни уповаемое благополучіе въ ру́ки предаю. Посему я самъ себя и дру́га моего люблю, а не онъ меня любитъ. Арістотель пишетъ, чтобъ такую дружбу, которая для дѣлъ и времени бываетъ; недружбою, да однимъ обхожденіемъ называть. Такимъ то образомъ подлой народъ друзей своихъ любитъ. Всѣ ево

мнѣніи

мнѣніи на самаго себя клонятся, а понеже подлые добродѣтели не знаютъ, то и ни во что ея не употребляютъ. Въ истинномъ дружествѣ одинъ только інтересъ или съ великодушіемъ согласная польза, состоящая въ томъ желаніи, дабы другъ мой за усердіе и доброхотство мое къ себѣ такжебы меня любилъ, какимъ истиннымъ сердцемъ я ево люблю.

КАКЪ СЪ НЕДРУГАМИ, И СЪ НЕНАВИДЯЩИМИ СВОИМИ ОБХОДИТЬСЯ?

Съ тѣми въ согласіи жить не трудно, которые насъ любятъ, ибо природа и разумъ ктому приводитъ; а съ непрїятельми и ненавидящими, весьма иное дѣло. Для приведенія враговъ своихъ въ отчаяніе: лутче того способу нѣтъ, какъ великою искренностію съ ними поступать, а притомъ не только гордости имъ не показывать, но временемъ благодѣяніе имъ являть, и милость имъ изходатайствовать, вѣдая что благодѣяніе сердца перемѣняетъ. Ревность въ душу человѣческую войти можетъ, токмо безъ подавленія въ ней сѣмянъ добродѣтели. Между ревностью и зависпью, такое различіе: что ревность имѣетъ наисильнѣйшее желаніе, дабы человѣку въ заслугахъ и въ щастіи равну съ дру-

гими

гими быть, которое его інтересамъ одно противится: а въ зависти такое особливое обстоятельство, что сіе безмѣрное желаніе, производитъ въ человѣкѣ болѣзнь о благополучіи другова, и принуждаетъ насъ къ возможному умаленію того ево щастія. Сей порокъ подобенъ стѣни, которая ежечасно за добродѣтелью ходитъ, и всегда человѣку больше зла желаетъ, нежели дѣлаетъ. Этотъ злой хозяинъ всегда свой домъ зажигаетъ, и самъ съ нимъ згараетъ, когда ужѐ другому ничего здѣлать не можетъ. Другіе непріятели страшнѣе первыхъ; то есть тайные.

Явныхъ надобно отгонять щедростью и великодушіемъ. Имъ вольно на насъ находить, а намъ незапрещено отъ нихъ обороняться. Предписанное терпѣніе не такъ человѣку ру́ки связало, чтобъ ево по щекамъ били, а онъ бы глаза̀ зажмурилъ. Природа учитъ насъ защищать свою̀ жизнь, а разумъ велитъ охранять нашу честь. Іюлій Цесарь говаривалъ: самъ ты никого не обидь, а отъ другова обидъ не терпи. Честь, у знатныхъ людей весьма нѣжное и чувствительное мѣсто; ежели въ сію болячку одиножды уколютъ, то исцѣлить ее трудно.

КАКЪ СЪ ПОТАЕННЫМИ НЕПРІЯТЕЛЬМИ ЖИТЬ?

Что о явныхъ непріятеляхъ сказано, тожъ самое и на потаенныхъ клонится; токмо придворному на отогнаніе скрытныхъ своихъ непріятелей, всякіе способы въ дѣйство произвесть: а притомъ правила хитрѣйшей политики употребить надлежитъ. Понеже они разными образы на человѣка нападаютъ, то къ оборонѣ отъ нихъ чрезвычайной способъ употребить должно. Ружье ихъ лукавство, лесть, и трусость; они подобны подъ цвѣтами скрывшейся змеѣ. Главная тайность втомъ состоитъ, чтобъ ихъ знать, а потомъ уже отъ нихъ уклоняться; токмо тѣмъ больше ихъ бояться надобно, чемъ узнаваніе ихъ труднѣе.

Езопова басня о томъ дикомъ мужикѣ [сатиръ] весьма хитро вымышлена, которой увидя, что у человѣка изъ одного рта и теплота и холодъ выходитъ, тотчасъ отъ людей въ лѣсъ ушолъ. Поистиннѣ узнать ихъ трудно. Другу никто такъ не подобенъ какъ уклончивой ласкатель, потому что оба они человѣческой пріязни однимъ способомъ ищутъ, только въ намѣреніяхъ различны. Оба тебѣ кланяются, услуги свои представляютъ, и о вѣрности своей обнадеживаютъ; однако

однако, по дѣламъ какъ по истинной пробѣ разность между ими увидишъ, и худое съ добрымъ золотомъ распознаешъ; а того ужѐ дожидаться очень худо, чтобы плутъ давно намѣренное свое противъ тебя злодѣйство, дѣйствительно и публично оказалъ.

Къ оборонѣ отъ сего наилутчей способъ то: дабы поступки всѣхъ прибѣгающихъ къ тебѣ, и около тебя ласкающихся, прилѣжно рассматривать. Ежели посторонніе люди кого хвалятъ и добрò про него говорятъ, того бояться нѣчего. Будеже они мóты и невоздержные, также надмѣру хвастливы и великіе самолюбы, то ихъ беречся надлежитъ. Поклоны ихъ, обратными поклонами платить, а потóмъ хитро притворенньмъ ласканіемъ въ ту я́му самихъ препроводить, которую они про тебя изготовили. Італіанцы совѣтуютъ; ежели непріятель твой по пóясъ въ водѣ, тобъ ево оттуда вынуть, вѣдая что и безъ тебя вытти можетъ; а ежели по бóроду въ водѣ, то пригонариваютъ что нибудь потяжелѣ на голову ему наложить, чтобы поскорѣе утонулъ. Вѣдаю; что такіе совѣты съ заповѣдьми Хрїста Спасителя нашего не сходны. Ктомужъ и то знаю, что повелѣнїи святыя вѣры съ свѣтскими,

а особливо

а особливо съ придворными пра́вилами соединить весьма трудно. Для сего то по моему мнѣнію [авторъ о себѣ говоритъ] СПАСЪ и ИЗБАВИТЕЛЬ МІРА, желающимъ совершенными быть, повелѣваетъ для Себя все свѣтское оставить, и взявъ крестъ свой Себѣ послѣдовать приказываетъ. И по истиннѣ: кто въ будущемъ вѣкѣ все получить уповаетъ, тотъ на семъ свѣтѣ ничего требовать не будетъ.

Посему не дивно, что святые и мученики всегда въ печали; а для того что у нихъ такое пра́вило, дабы ни отъ какихъ бѣдъ и ругательствъ не обороняться; и понеже они ничего свѣтскаго не желаютъ, то ни о чемъ не пекутся и ничего себѣ не оставляютъ. Притомже всегда усердное желаніе имѣя, отъ тѣла разлучитися и со Хрістомъ быти; ту ру́ку благословляютъ, которая временную жизнь и теченіе ихъ прекращаетъ. Я сіе не для такихъ святыхъ и избранныхъ божіихъ пишу; но объ одной свѣтской и такой нравоучительной поступкѣ говорю, которая человѣка отъ обыкновенныхъ, и неразуміемъ причиняемыхъ бѣдъ и паденія охраняетъ. Я бы поступку добрыхъ людей весьма щастливою почиталъ; ежелибъ они злобу съ пороками одною добродѣтелью побѣдить могли, токмо

сила и власть добродѣтели, до непрїятелей нашихъ не распространяется. Искренность и усердїе наше злыхъ не исправляетъ, а добрыя дѣла̀ твои врага̀ лутчимъ въ твою пользу не учиняютъ. Или злобу съ ненавистью ихъ разрушить, или ужѐ отъ своего уповаемаго благополучїя отказаться надобно.

Намъ святая и православная вѣра ненавидѣть ихъ запрещаетъ, токможъ насъ въ рўки злобѣ и ненависти ихъ не предаетъ. буде намъ зло дѣлаютъ, то они грѣшатъ; а ежели мы ихъ безъ злобы и рвенїя отъ себя отгоняемъ, то справедливость дѣлаемъ. Ежели кто скажетъ что судьею и исцомъ по своему дѣлу быть не льзя; я на то согласуюсъ, только не всегда. Есть такїя злыя дѣла̀, которыя строгости законовъ не подвержены. Поступки тайныхъ непрїятелей нашихъ изъ сего числа̀; и тѣмъ страшняе, что закрыты. Гдѣжъ и у кого намъ суда искать; и чемъ такїя злости обвинить, которыхъ мы доказать не можемъ? Непрїятель мой станетъ про меня злыя вѣсти и слухи разсѣвать, а у властей моихъ начнетъ меня облыгать, и тѣмъ весь мой кредитъ у нихъ испортитъ. безъ тайнаго скрежетанїя зубовъ видѣть меня не можетъ, рўку

мнѣ

мнѣ для того цѣлуетъ, чтобъ ее отсѣчь, а обнимаетъ съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ меня поскорѣе задушить. Злое ево намѣренїе, фатою или платомъ такъ закрыто, что никто видѣть не можетъ; будеже я какъ больше всѣхъ нужды втомъ имѣющей разгляжу, и послѣ того какъ каменная статуа безъ движенїя останусь, то всѣ меня дуракомъ и бѣднымъ человѣкомъ назовутъ. То нашимъ дѣламъ конечная причина, что ихъ добрыми или злыми творитъ: а на злыя за то казнь положена, что отъ нихъ страшныя и губительныя слѣдства происходятъ. Ежели непрїятель имѣнїе у меня отъиметъ, или изъ дому меня выгонитъ, то весь свѣтъ скажетъ, что ево за такую злость наказать, а взятое имъ у меня, по прежнему мнѣ возвратить надлежитъ. А лишенїе Монаршей милости съ отнятїемъ чести, по моему мнѣнїю больше имѣнїя и дому. Хотя вѣра и церьковь моя, ближняго ненавидѣть запрещаетъ, однако мнѣ самого себя любить и пользы моей искать позволяетъ: а какже мнѣ себя и пользу свою зберечь, ежели тѣхъ не отогнать, которые меня губить хотятъ? Посему принужденъ я обороняться, и въ моемъ собственномъ дѣлѣ судьею быть. Хрїстїанская должность то, чтобы никому

и ничего по злобѣ или съ ненависти не дѣлать, ежели еще способъ имѣю отъ того зла убѣжать, которое непріятель мнѣ приготовляетъ.

Святое писаніе Мардохея за то не хулитъ, что онъ притомъ былъ, какъ Амана на тотъ высокой глаголь повѣсили, которой было онъ Мардохею со всѣмъ ево родомъ приготовилъ. Богъ повелѣлъ намъ ближняго какъ себя любить, только мнѣ для сея любви самого себя губить или ненавидѣть не должно. Человѣкъ самъ себѣ милѣе и ближе всѣхъ. Которой законъ запрещаетъ намъ самимъ на себя руки положить, тотже повелѣваетъ намъ жизнь свою отъ тѣхъ насильственныхъ рукъ избавлять, которые человѣка сей жизни лишить намѣряются.

О мудрости и экономіи молодаго человѣка при дворѣ.

Недостатокъ мудрости какъ видно; болѣе въ военныхъ, нежели другихъ чиновъ въ людяхъ бываетъ. По обычаю ли сіе или по нуждѣ въ нихъ сноснѣе иныхъ кажется, того не знаю. Смѣлость и проворство въ молодомъ человѣкѣ я не хулю, только бы онъ не наглецъ и не забіяка былъ. Которая мудрость все

по компасу дѣлаетъ, грознымъ или скучнымъ видомъ на всѣхъ смотритъ, ко всякому слову лобъ морщитъ, въ притчахъ и гаданіяхъ высокопарно говоритъ, та по моему мнѣнію для практики придворному человѣку не годится. Виды лица, и поступки; должны быть по лѣтамъ. Молодому человѣку ничто строгое или надъ мѣру постоянное не прилично: веселость лица, учтивство, опрятность и чистота одежды, ему свойственны, и въ числѣ добродѣтелей ево быть должны. благопристойность съ добрыми манірами, въ привлеченіи сердецъ великую силу имѣетъ. Трудно къ такому человѣку съ перваго виду склонности не имѣть, которой пріятнымъ лицомъ и съ добрыми манірами въ компанію придетъ. Одинъ видъ обнадеживаетъ о добродѣтеляхъ ево, а вольныя поступки и умныя слова ево засвидѣтельствуютъ, что онъ добраго рода и честной человѣкъ. Знаніе въ платьѣ и уборахъ, непослѣднее искуство; а отъ излишняго щегольства и роскошей, всегда худыя слѣдства бываютъ. Надлежитъ желать; чтобъ у придворнаго больше посредственнаго и чистаго, нежели золотомъ и серебромъ сіяющаго платья было. Старомоднаго и весьма новоманернаго платья, такъ же бы

ему носить, а чрезъ то притчею или смѣшною баснею у другихъ себя здѣлать, равнымъ бы образомъ я ему не совѣтовалъ. Ежели онъ около себя чистъ и опрятенъ, то конечно и экипажъ [каляски, лошади, конскіе уборы, и платье на служителяхъ] ево съ симъ сходенъ, и кіному приличенъ будетъ.

Ево должность съ шкатулою своею справиться, надобно ли ему сего экіпажу прибавить или убавить? Ябъ ему совѣтовалъ; больше добродѣтелей и заслугъ имѣть, а лакѣевъ и скороходовъ поменьше держать.

Умному человѣку надобно такое начáло житію и поведенію своему здѣлать, которое бы долговѣчно и такъ постоянно было; чтобъ движимое и недвижимое проживши, напослѣдокъ дней своихъ за долги въ бастіліи [тюрьма] не сидѣть. Что о экіпажѣ сказано, тожъ власно и о столѣ [пища и напитки] разумѣть надлежитъ.

Кто изрядной столъ имѣть желаетъ; у тогобъ изобильная поварьня, и всѣмъ питейнымъ наполненной погребъ былъ; а на погребъ и поварню много денегъ и провізіи въ годъ надобно. Симъ способомъ много пріятелей нажить можно; только изъ тысячи такихъ обѣда и ужины участниковъ

стниковъ, и заздравныхъ чашъ выпивателей, едва одинъ доброй и истинной другъ сыщется. Въ Парижѣ было три богатыхъ купца, а всѣхъ трехъ Мартынами звали. Они себѣ тѣмъ особливую честь и славу получить надѣялись, что всегда богатой и такой открытой столъ имѣли, за которой всякъ безъ разбору садился, ктобъ ни пришолъ; только за всѣ такіе раззорительные и вседневные пиры, слѣдующія прозвища въ награжденіе себѣ получили.

1. Мартынъ ѣдунъ. 2. Съѣденной Мартынъ; а 3. Мартынъ, что доѣдаютъ Хотя первой Мартынъ умнѣе другихъ, только я придворному человѣку ни однимъ изъ сихъ Мартыновъ быть не желаю.

Довольно того: чтобъ про него съ фаміліею [ежели имѣетъ] въ двѣ перемѣны по 3 блюда всякой день на столъ ставили; а смотря по гостямъ до 8, и до 10 блюдъ прибавить можно.

Сей молодому придворному данной отъ меня совѣтъ; для статскаго Министра, или великому господину не годится. У такихъ знатныхъ особъ богатая трапеза, есть знакомъ изобилія дому, и славы чина ихъ. Сіе привлекаетъ къ нимъ пріятелей и такихъ небеззнатныхъ людей, которые пріязни и милости въ нихъ ищутъ.

великое различие между тѣми: кто щастія ищетъ, и кто ужè ево нашолъ. Сіе молодому придворному всегда помнить, и разность между житіемъ обоихъ зная, самому на то смотрѣть, и потому жизнь свою учреждать должно. Что человѣкъ безъ разсужденія дѣлаетъ, тому нельзя хорошому быть. У кого разсужденія нѣтъ, тотъ подобенъ такому кораблю; которой ни снастей съ парусами, ни руля не имѣетъ.

ИМѢТЬ НЕВѢДОМЫХЪ ДРУЗЕЙ: И БЕРЕЧСЯ ПРОСТУПОКЪ.

Какъ незнаемые при дворѣ враги страшны, такъ невѣдомые и тайные друзья надобны и полезны: токмо ихъ не между знатными и чиновными людьми искать. Ежели кто лутчихъ и умнѣйшихъ изъ нихъ выбрать знаетъ, и къ статѣ наградить умѣетъ; тотъ о щедрости своей никогда не раскается. Великіе Министры для государственной пользы симъ способомъ великія дѣлà дѣлаютъ, и важныя намѣренiи въ дѣйство производятъ.

Ежели придворной увидитъ, что ему отъ подкоповъ непріятелей своихъ не устоять; то не худо, чтобъ онъ маску съ лица у нихъ сорвавши въ глазà

сказалъ,

сказалъ, что онъ имъ непріятель. Симъ способомъ по крайней мѣрѣ то здѣлаетъ, что Монархъ лживымъ и лестнымъ наносамъ ихъ не столько будетъ вѣрить, но за такихъ корыстью зараженыхъ людей станетъ признавать, у которыхъ больше злобы и мщенія въ сердцѣ, нежели правды на языкѣ. Тотже придворной имъ покажетъ, что онъ ихъ не боится; а сію небоязнь открoетъ жалобами всему двору, и показаніемъ всему свѣту ихъ злобы, а своей неповинности. Сей способъ всегда полезенъ, ежели его съ разумомъ и рассужденіемъ употреблять. Я лутче сею прямою дорогою итти, и всѣ отъ того происходящіе страхи претерпѣть хочу, нежели безщисленными предосторожностьми мучиться, которыхъ исполненіе великодушному и добросердому человѣку скучно и несносно. Лутче явно дратися львомъ, нежели изподтиха лисицою кусать. Временемъ притворство изъ опасныхъ обстоятельствъ человѣка выводитъ, только поистиннѣ великая глупость поступки свои на такомъ худомъ основаніи утверждать. Ложъ сама собою всегда безсильна, и никакою хитростью долго держаться не можетъ. Въ какое хорошее и богатое платье обезьяну ни наряди; только она всегда

 мартыш-

мартышка будетъ. Долго или коротко, а наконецъ люди узнаютъ, что и каковъ ты. Умному человѣку къ принятію и храненію добродѣтели столько причинъ: что онъ сего никакъ миновать не можетъ. Ежели сего для почтенія и щастья у свѣта не зделать, то конечно для душевнаго спасенія и собственной славы учинить долженъ. Никто на свѣтѣ злымъ прослыть не хочетъ. И самые беззаконники того терпѣть не могутъ, ежели кто пороками ихъ упрекнетъ. Хотя они такія злыя дѣла очень съ малымъ угрызеніемъ совѣсти дѣлаютъ, однако въ крайней страхъ и отчаяніе приходятъ, ежели люди про то узнаютъ, а для того что всякой человѣкъ съ природы славу любитъ, и она душѣ нашей свойственна, и потому ея безъ крайней печали потерять и лишиться не можно. И то видимъ; что презрѣніе не меньше озлобленія человѣка уязвляетъ, а отъ того заключать надлежитъ, что истиннаго и постояннаго почтенія, ничемъ кромѣ добродѣтели получить невозможно. Она сама собою и безъ всякой трудности желаемыя нами дѣйства производитъ, а притворствующіе; всегда въ страхѣ и въ беспокойствѣ. Добродѣтель съ праводушіемъ ту силу въ себѣ заключаетъ,

что

что живущей ею всегда спокойной духъ и чистую душу имѣетъ, а тѣхъ золъ и страховъ отнюдь не боится, отъ которыхъ злые всечасно трепещутъ.

Поистиннѣ: святая православная во Христа Господа и Спаса нашего вѣра, нетолько міру и спокойству душевному полезна, но и къ спасенію нашему нужна. Ежели человѣкъ сію вѣру крѣпко содержа, несумѣнно на бога уповаетъ, то отъ многихъ бѣдъ и напастей избавляется; а когда крѣпко и усердно ей послѣдуетъ, то она ево въ сей временной жизни щастливымъ, а въ вѣчной блаженнымъ учинитъ, и путь къ некончаемому сожитію и радости со святыми покажетъ. Ежели прямо и здраво рассудить, то набожность житію придворнаго человѣка нимало не мѣшаетъ; токмо должно оную съ немалымъ рассужденіемъ употреблять. Что схимонахъ или пустынникъ по званію своему дѣлать долженъ, то придворному не прилично. Набожности нашей должно быть истинной и дѣйствительной; а нелицемѣрной. Въ истинномъ набожествѣ главное совершенство Христіанина. Человѣку можно и подъ золотымъ платьемъ волосеницу носить. Желающему душевную свѣтлость и тѣлесную чистоту хранить, отъ виду женскаго пола бѣгать

не надобно,

не надобно. Всѣ придворному станутъ смѣяться, ежели онъ такихъ забавъ станетъ убѣгать, которые весь дворъ апробуетъ. Сей способъ къ полученію щастія весьма развращенной, ежели придворной въ каморахъ своихъ тогда на молитвѣ стоитъ, какъ Монархъ ево со всемъ своимъ дворомъ въ оперѣ или въ комедіи; также оставя балъ или знатныя при дворѣ веселіи, въ чтеніе углубится. О такихъ публічныхъ забавахъ сумнѣвающемуся: или всего щастія отрещись, или отъ двора отстать должно. Ему надобно то рассудить: что онъ для двора здѣланъ, а не дворъ для него. Ежели ему придворные обычаи и поведеніи съ набожностію ево несходны кажутся; то лутче ему совѣсть и состояніе свое апробовавъ, въ монастырь итти. Желающему добрымъ монахомъ быть, надобно монашескія пра́вила и уставы прилѣжно наблюдать; а и о придворномъ житьѣ, тожъ разумѣется. Какъ во всякомъ чину особливыя намѣреніи и отмѣнныя должности, такъ и къ полученію намѣренія, разные притомъ способы. Что въ одномъ чинѣ умно и изрядно, то въ другомъ смѣшно и не прилично будетъ. Ежели Офціеръ салдата наряжать, а притомъ ему по Капуцінскому обычаю:

молютися,

молютися, или помилуй мя, станетъ говорить; то самъ рассуди не смѣшноли это будетъ? На тожъ похоже: ежели Капуцінъ передъ дамою станетъ свѣтскія пѣсни пѣть или амурныя басни ей сказывать, а придворной отважится дамскихъ персонъ строгимъ нравоученіемъ къ пустынному житью увѣщавать. Человѣку здравое рассужденіе во всякихъ дѣлахъ и чрезъ всю жизнь ево надобно. Добродѣтель ни въ чемъ добромъ не сумнительна, а въ исполненіи умнаго и справедливаго, долго не медлитъ и много не думаетъ. Она правила свои отъ посредства беретъ, а ежели прямо объ ней рассудить; то добродѣтель ничто иное какъ самая посредственность.

Скупость и излишество, суть между собою двѣ противныя крайности: а посредственная щедрость, добродѣтель. Трусость и забіячество: два такіе порока, которыхъ дворянину убѣгать; а храбрость съ великодушіемъ какъ одну посредственную между означенными пороками дорогу хранить, и ея держаться должно. Напослѣдокъ уповаю, отъ многихъ согласіе съ моимъ мнѣніемъ имѣть; что въ монастырѣ придворнымъ, а при дворѣ монахомъ быть не льзя; но живущему у двора друзей своихъ вѣрно и искренно

любить,

любить, а злыхъ и нападающихъ на себя; сильно и съ разумомъ отгонять надлежитъ. Въ сихъ случаяхъ: надобно придворному умъ и руки свои съ пользою употребить, а всякому надлежащее почтенiе отдавать, и справедливость дѣлать. Зла убѣгать, а добра держаться и всегда ко оному чувствительнымъ быть: на всякой часъ правдѣ учиться; а познавъ, ея и здраваго разума слушаться. безпристрастныхъ совѣтовъ такъ на свѣтѣ мало, что всегда и всякiя предложенiи рассматривать, очень не худо. Умной человѣкъ за горящее уголье или за каленое желѣзо голою рукою не скоро хватится; а страстей своихъ въ жару, конечно не послушаетъ.

Которой Генералъ хочетъ добрую баталiю дать, тому надлежащее о семъ расположенiе, беспристрастно и свѣжимъ умомъ дѣлать должно; а къ полученiю побѣды нѣкоторая часть жару надобна. Царствующей Пророкъ и Псалмiстъ гнѣваться позволяетъ, только грѣшить притомъ не велитъ; а думаю что и о другихъ страстяхъ тоже разумѣетъ, то есть: дабы ихъ воздержанiемъ обуздовать, и въ покоренiе духу приводить.

ПОНЕЖЕ БРАКЪ ЩАСТІЕ ПОСПѢШЕСТВУЕТЪ; ТО ЛУЧЕ ЛИ ШЛЯХТИЧУ ЗНАТНУЮ ЗА СЕБЯ НЕВѢСТУ, ВЗЯТЬ ИЛИ НА РАВНОЙ СЕБѢ ЖЕНИТЬСЯ?

Домъ свой возвысить желающему благородному человѣку, того по мнѣнію многихъ не довольно, дабы объ одномъ только полученіи милости у Монарха своего стараться, а прочее къ щастію ево служащее все позабыть. Я не думаю чтобъ ему такіе союзы противны, или ненадобны были: ежели только рассмотритъ, какъ они къ основанію ево житія нужны, а ко утвержденію благополучія полезны. Иноземцамъ о семъ дѣлѣ совѣту не надобно, для того что у нихъ такіе законы: ежели Імперской Графъ ниже своего чина жену за себя возьметъ, то ужѐ рожденные отъ нея дѣти, Рейхсъ-Графы не будутъ. Во Франціи такъ много разныхъ обычаевъ; что почти всѣ не изъ лутчихъ. Но понеже я симъ узаконеніямъ неотмѣнятель, то много не распространяя, о нѣкоторыхъ изъ сего происходящихъ пользахъ упомяну. При вступленіи въ бракъ, три главныя и дѣйствительныя обстоятельства, въ рассужденіе принимать надлежитъ. 1. Родъ или фамилію, 2. Персону или лицо; а 3. Приданое невѣсты.

Фамі-

Фамилію: кладу я въ первой классъ, для того что она великой важности, и подаетъ мнѣ причину къ такому вопросу. Лутче ли великому господину Прінцессу взять, или на равной себѣ жениться? Сіе предложеніе тотчасъ въ глаза мечется, и надъ мнѣніемъ человѣческимъ полную власть беретъ. Иной скажетъ: хотя отъ Прінцессы рожденные дѣти и не Прінцы, однакожъ больше обыкновеннаго шляхетства будутъ, а знатной союзъ ихъ съ великими Прінцами и высокими домами, у всякаго въ почтеніе приведетъ, а оные высокіе сродники по близости крови, о поспѣшествованіи благополучія у природнаго ихъ Монарха, для собственной своей пользы, и чести стараться не преминутъ.

Ежелижъ сія Прінцесса вмѣсто уповаемаго герцогства, нетолько знатныхъ вотчинъ, но и дому гдѣбъ жить, въ приданые за собою не принесетъ; Ктомужъ вмѣсто ожидаемыхъ Прінцовъ дочерей народитъ, то гдѣ отцу приданое взять, и чемъ сіе тяжкое тѣло содержать будетъ? А хотябъ и Прінцы родились, да нѣчемъ будетъ высокаго чина своего содержать и надлежащимъ образомъ въ свѣтѣ показаться; такъ имже большая тягость и скорѣйшей способъ

къ забве-

къ забвенію ихъ у двора произойдетъ. Такимъ небогатымъ Прінцамъ къ приведенію себя въ милость у Монарха, также къ полученію у двора и во всѣхъ чинахъ по своему роду щастія, чрезвычайные случаи надобны.

Бѣдность; человѣка нетолько высокой родъ свой забывать, но и во многія преступленіи входить принуждаетъ. Въ нещастіи бѣдному друзей и помощниковъ весьма мало, какъ бы они на свѣтѣ велики, а ему блискимъ родствомъ обязаны ни были.

НАДОБНОЛЬ ПО ЛЮБВИ ЖЕНИТЬСЯ?

После фамиліи невѣсты; въ разсужденіи о персонѣ ея, второй и главной пунктъ брака. Понеже сіе таинство неразрѣшимой союзъ; то я такого человѣка за щастливаго на свѣтѣ почитаю, которой лицомъ красную, а умомъ и добродѣтельми краснѣйшую жену за себя получитъ. Я ко мнѣнію тѣхъ людей пристать не могу, которые говорятъ; бутто къ заключенію и крѣпости сего союза любви не надобно, а для того де, что при полученіи нашего спокойства и щастія, любви: какъ сильной, мучительной, и ослѣпляющей страсти,

 чело-

человѣку не надобно. Она какъ первой непріятель премудрости: ни здраваго совѣту, ни постояннаго удовольствія во все время супружества подать не можетъ, для того что въ наслажденіи погашается, а самая практіка учитъ: что владѣніе со временемъ и за обыкновенностію всякимъ вещамъ въ свѣтѣ много цѣны убавляетъ.

На семъ некрѣпкомъ основаніи тотъ обычай хвалятъ; чтобъ родителямъ, сродникамъ, и опекунамъ, для молодыхъ свойственниковъ своихъ невѣстъ выбирать, а для того что они любовью не мучатся, да одной только пользы и щастія жениху ищутъ.

Въ отвѣтъ на такія предложеніи объявляю. Какъ человѣку сего мучительнѣе, ежели ево принудить съ такою женою жить и умереть, щастіе и нещастіе, радость и печаль нести, которой онъ въ глаза не видалъ, и любленія къ ней не имѣетъ? Ежели наслажденіе любовь погашаетъ, то человѣку получа нелюбимую жену, какъ можно безъ омерзѣнія и ненависти долго имѣть? Молодой человѣкъ легко тому повѣритъ, ежели ему родители и сродники невѣсту выхвалять станутъ; а какъ самъ женившись увидитъ, что вмѣсто алмаза

кирпичь

кирпичъ, или камень называемой Чортовъ палецъ взялъ, въ тѣ поры ему бѣдному что дѣлать будетъ? Кто симъ образомъ въ женидьбѣ поступитъ, тотъ въ вѣчную тюрьму, и въ такія кандалы попадется, отъ которыхъ ево одна смерть избавитъ.

Весьма несправедливо: чтобъ къ браку необходимо нужное доброе произволенie, выборомъ родителей и сродниковъ принуждать; ибо сie само въ себѣ такое свободное дѣло, къ которому человѣка и злѣйшie тираны привлечь не могутъ. Ежели краснаго лица дѣвица, будучи за мужемъ отъ болѣзненныхъ припадковъ похудѣетъ, однако по любви все еще сносно; а то ужѐ подлинно, что мерзская харя ни отъ чего въ свѣтѣ Ангельскою персоною не здѣлается. Перьвое мнѣнie къ утвержденiю щастiя и къ безпечному провожденiю дней способно, только спокойству весьма страшно; а другое мнѣнie хотя не столько человѣку богатства приноситъ, да больше веселiя, радости, и удовольства обѣщаетъ. Лутчее изъ того, самъ изволь выбрать.

богатствомъ; или знатная фамилія лутче!

Въ разсужденіяхъ о бракѣ, имѣніе последнее дѣло. О количествѣ онаго всякъ скажетъ, что больше то лутче; а по моему разсужденію, качество выше количества почитать надлежитъ. Веспасіанъ Цесарь римской говаривалъ, что для него: съ нужниковъ зборныя деньги тотже запахъ имѣютъ, чемъ съ садовъ и овощей въ платежъ пошлинъ принесенные талеры пахнутъ. По сему и живодерову дочь взять можно, только бы за нею много денегъ было. Такую жену имѣющей; только на одни мѣшки съ деньгами и на приданое ея смотрѣть долженъ, а на отца съ матерью и сродниками супруги своей, взглянуть не смѣетъ. Я нетого мнѣнія. Такіе союзы тѣмъ незнатнымъ людямъ приличны, которые боятся чтобъ за долги съ тюрьмою не побраниться. И подлинно: что имъ отъ сей жестокой горячки, кромѣ такого лѣкарства исцѣлить себя нѣчемъ. За симъ непорядкомъ еще большее зло слѣдуетъ; то есть народное ругательство дѣтямъ, и упреканіе дѣдомъ или прадѣдомъ ихъ съ матерней стороны. На такихъ невѣстахъ женящіеся знатныхъ родовъ великодушные и щедрые люди; подобны чистой и сладкой водѣ,

которая отъ того портится, горкнетъ и худой запахъ получаетъ, что отъ своего источника удалившись, чрезъ болота и худыя мѣста пойдетъ. Італіанца спросили? Какая тому причина, что Римляне къ войнѣ весьма неспособными учинились; а прежде сего такіе великіе воины были, что отъ храбрости ихъ весь свѣтъ дрожалъ? До тѣхъ поръ [сказалъ Італіанецъ] Римляне наши добрые салдаты и храбрые люди были, пока салдацкіе дѣти отъ законныхъ своихъ отцовъ родилисъ; а какъ штатскіе въ умноженіи потомковъ военнымъ помогать стали, съ того времени Римляне трусами и тунеядцами здѣлалисъ.

Я бы никому въ такіе союзы вступать не совѣтовалъ, кто безъ нихъ обойтись и пробавиться можетъ.

Шляхетной фамиліи, а притомъ добраго воспитанія жена; и съ небольшимъ приданымъ честь своего рода, и супружескую вѣрность весьма инымъ образомъ хранить будетъ; а происходящимъ отъ такого супружества дѣтямъ, крайняя честь и польза; что они отъ равныхъ шляхетствомъ персонъ, и отъ честныхъ родителей жизнь получили. Но понеже они въ чести и въ добродѣтеляхъ воспитаны, то обыкновенно такіе великодуш-

ные люди бываютъ, которые славы рода и чести предковъ своихъ, ни для чего не потеряютъ.

Придворному стараться о полученіи вѣрнаго друга; и не отчаяваться въ нещастіи.

Разумной человѣкъ, никогда всего себя собственнымъ поступкамъ не предастъ. Ежели мы умъ свой за такой совершенной почитаемъ, будто въ немъ никакого недостатку и заблужденія нѣтъ; то сами себя обманываемъ, и умъ свой очень худо знаемъ. Кто уму своему надъ мѣру угождаетъ, тотъ ево и самъ себя портитъ, наподобіе обезьяны; которая крѣпкимъ отъ неразсудительной любви объятіемъ, и прижиманіемъ дѣтей своихъ удушаетъ. Такъ человѣкъ съ умомъ своимъ поступаетъ, не опасаяся того: что умъ ево въ высокоуміе и гордость обратиться можетъ. Человѣческое любленіе себя и інтересовъ своихъ, разуму непреодолимое препятство. Страсти съ надеждою, для поиманія ума на всякой часъ сѣти ставятъ, и въ такіе переулки заводятъ, какъ имъ угодно. Но понеже страсти гораздо сильнѣе надежды, то они съ такою бурею въ умѣ человѣческомъ

скомъ дѣиствуютъ, что онъ всегда любимому послѣдуетъ, а желаемому вѣритъ. Никакая болѣзнь такъ излѣченія не требуетъ, какъ высокоумство; для того что она никакихъ умныхъ совѣтовъ не слушаетъ, и мудрости не покаряется. Все доброе о себѣ мнѣніе отнять, такойже порокъ и безумная крайность; отъ которой худыя слѣдства происходятъ. Смиреніе; храбраго человѣка не обязываетъ трусомъ себя называть. Доктору или учителю, не знающимъ себя почитать не велитъ; а придворному того про себя думать не приказываетъ, бутто онъ въ свѣтѣ жить не умѣетъ.

Добродѣтельному того довольно: дабы въ своихъ собственныхъ порокахъ такимже строгимъ судьею, какъ въ чужихъ преступленіяхъ быть.

Человѣкъ самъ себя въ тайнѣ и безъ всякаго стыда, такъ власно какъ при свидѣтеляхъ допросить; и совѣсть свою изслѣдовать можетъ. Въ то время страстямъ своимъ ротъ зажми, и до тѣхъ поръ говорить имъ не давай, пока собственной разумъ тебѣ не скажетъ: что ты, и чего стоишъ? А по сему ево приговору самъ себя подлинно узнаешъ. буде такія разсужденіи молодымъ людямъ въ голову нейдутъ, и ежели они

 своего

своего разума не послушаютъ, то имъ по крайней мѣрѣ съ друзьями своими совѣтовать, и ихъ спроситься должно; вѣдая, что дружеское разсужденіе здравѣйшее, и безпристрастнѣе твоего мнѣнія. Человѣческой разумъ противъ будущихъ случаевъ никакой предосторожности, а на оборону отъ нихъ, ни одного способу нынѣ еще не сыскалъ; но тѣмъ должность свою исполняетъ, ежели все то дѣлаетъ что ему возможно, а провидѣніе божіе достальное по своему произволенію доканчиваетъ. Оно непостижимыми разуму нашему способами дѣйствуетъ, и все по бесконечной премудрости Создателя, а не на удачу дѣлаетъ.

Мудрой и отважной человѣкъ: всего того постоянно на себя ожидаетъ, что провидѣніе божіе о щастіи ево опредѣлило. Ежели ево отъ двора отлучатъ: то онъ сіе безъ печали принимая, собственной домъ и деревни за тюрьму не признаваетъ, вѣдая что многіе изъ такихъ нещастіе свое терпѣливно несутъ, у которыхъ ни двора ни деревень не бывало. Что умаляетъ надежды, то прибавляетъ спокойства. Кой часъ человѣкъ изъ царства фортуны выдетъ, то въ объятіе Философіи и любомудрія попадется.

дется. Доброе ево житіе, и всегда храненная добродѣтель, ни о чемъ не упрекаетъ; но въ нещастіи твердое утѣшеніе подаетъ. Ежели онъ не Дюкъ и Перъ, или не Маршалъ Франціи; то тѣмъ довольствуется что доброй дворянинъ, и по милости Монарха ево, тотъ насущной хлѣбъ у него еще остался, о которомъ Хрістіане въ повседневной своей молитвѣ у бога просятъ. бѣдность; и у Героевъ большую часть храбрости отнимаетъ, а філософскія разсужденіи о презрѣніи вещей тлѣнныхъ и преходящихъ, весьма уничтожатъ: для того что человѣкъ сею монетою, ни копѣйки долговъ своихъ заплатить не въ состояніи. Никто меня вѣрить не принудитъ, бутто бы Денісу также весело было школу учить, какъ цѣлой Сіракузской области владѣтелемъ быть. Человѣку изъ третьева жилья въ окно на землю упасть, а притомъ себѣ члена не повредить, или по крайней мѣрѣ безъ болѣзни остаться; весьма трудно, и почти невозможно. Въ крайнемъ нещастіи; одно только имѣніе человѣка утѣшаетъ, и содержитъ. Оно избавляетъ отъ бѣдъ, и несносныхъ безпокойствъ крайней бѣдности; да притомъ отъ презрѣнія равныхъ, а отъ сожалѣнія подлыхъ охраняетъ.

Ежели лутчїе мерїты съ добродѣтелью, подъ тягостью бѣдности скрыты; то они такой золотой жилѣ подобны, которой никто не нахаживалъ, а для того сїе сокровище въ землѣ напрасно лежитъ, что никто про него не спрашиваетъ, и цѣны ему не знаетъ. Я тому легко повѣрю, что мудрой человѣкъ ума̀ своего съ печали о томъ не потеряетъ, ежели ему той чести не дадутъ, которую онъ заслужилъ; но то ужѐ мнѣ не понятно, какими онъ пра́вилами Арїстотелїческой фїлософїи ду́шу свою̀ въ то время успокоитъ, какъ крайняя бѣдность ево мучитъ? Худое то предложенїе: бутто лѣтней да ктомужъ еще разодраной кафтанъ, человѣка въ Декабрѣ или въ Генварѣ отъ жестокихъ морозовъ оборонитъ, или бы человѣку въ то время не печалиться, какъ ѣсть нѣчего.

Всѣми вышеозначенными разсужденїями заключаю; что умной и по своему чину имѣнїемъ снабдѣнной дворянинъ, всегда доволенъ и въ покоѣ жить можетъ, чтобъ ему ни случилось. Ему больше и прежде всего надлежитъ стараться о полученїи милости и благоволенїя Монарха своего, и къ персональнымъ Его Величества услугамъ всею своею крѣпостїю прилѣпиться; а потомъ знатнаго чина

изъ

изъ штатскихъ, или изъ военныхъ достоинствъ искать. Ежели щастіе по желанію своему получитъ, то симъ благополучіемъ наслаждаться, и оное всѣми силами, а больше добродѣтелью хранитъ долженъ: а ежели ему въ желаніяхъ ево успѣху не будетъ, то въ отчаяніе приходить ненадобно, вѣдая что у него еще тожъ имѣніе осталось, чемъ отцы и дѣды ево жили.

Статской чинъ, къ полученію щастія способнѣе военнаго: и какія отъ сего шляхетству пользы произойти могутъ?

Статскимъ чиномъ обязанной шляхтичъ; многихъ такихъ поступокъ имѣть не долженъ, которыя военному приличны. Чинъ ево приводитъ къ большей скромности, къ воздержнѣйшему обходительству, къ набоженству примѣрному, и къ чистѣйшему добронравію обязуетъ.

Хотя ему до Кавалерскихъ экзерцицей дѣла нѣтъ, однакожъ науки знать надобно; а незнаніе оныхъ стыдъ. Наука ни въ комъ такъ не видна какъ въ шляхтичѣ, которой симъ способомъ весь свѣтъ къ любленію себя привлекаетъ, и въ знатные чины происходитъ; ибо сіе крайняя справедливость, дабы зря-

чему

чему у слѣпыхъ предводителемъ быть. Наука готовитъ ему и усыпаетъ цвѣтами тотъ путь, по которому къ щастїю приходятъ: даетъ ему доступъ въ Королевской совѣтъ; производитъ ево на знатнѣйшїе степени церьковнаго пастырства; или статскаго мінїстерства. Видите ль благосклонный читатель! какъ велика наука, и какъ щастливъ чинъ статской? Сколько бы тысячь персонъ изъ шляхетства или изъ военныхъ во оной пошли, ежели бы всѣ произходящїя отъ того пользы знали! Только правду сказать: невсѣ ученые такой высокой чести достигаютъ; и невсякому старцу въ Iгумнахъ быть.

Я въ прежнемъ моемъ мнѣнїи остаюсъ: что къ сему чину и къ наукамъ, природная склонность необходима, ибо до тѣхъ поръ много труда и времени надобно, пока человѣкъ ученымъ, полїрованымъ, и свѣту прїятнымъ учинится. Кто безъ наукъ уменъ и премудръ, тому надобно святому быть. Стїхотворцы не безъ ума̀ сїе здѣлали; что мѣсто и жилище наукамъ, на самомъ верьху Парнасской горы опредѣлили, а для тово что до того верьху гдѣ всѣмъ наукамъ зборъ, за чрезвычайною высотою дойти весьма трудно. Живущїя тамъ науки такихъ людей

любятъ.

любятъ, которые къ нимъ на поклонъ ходятъ; но тотъ щастливѣе другихъ, кто у нихъ въ милости.

Однихъ наукъ сїе дѣло: чтобъ духъ человѣческой довольствовать, а слѣпымъ прозрѣнїе давать.

Мы бы про Александра великаго и не слыхали, ежелибъ намъ історїя про него не сказала. Всѣ бы славныя дѣла Іюлїя Цесаря и Ксенофонта въ вѣчномъ забвенїи остались, ежелибъ они сами о себѣ не писали. Какова велика, славна, и честна добродѣтель ни есть; только и она безъ наукъ пробавиться не можетъ, ибо истинное добродѣтели воздаянїе въ славѣ и въ безсмертїи состоитъ, а обѣихъ сихъ должностей отправленїе, на їсторїю положено.

Кому будущїе роды больше чести припишутъ: Кардїналу ль Рїшелїе, или при жизни ево бывшимъ Французскимъ Генераламъ? Голова сего великаго Мїнїстра, всѣхъ Генераловъ руки въ движенїе приводила; и ежели въ дѣлахъ своихъ доброй успѣхъ имѣли, то оной ему причитать должны были. Посыланные отъ него изъ Кабїнета ордеры, всю Европу къ осторожности побуждали. Онъ своею мудростїю худые случаи упреждалъ: а разговорами наитемнѣйшїя

вещи

вещи изъяснялъ. Разумъ ево былъ безъ заблужденія, а поступки такъ изрядныя имѣлъ; что о величествѣ и славѣ Короля, безъ похвалы заслугъ и добродѣтелей сего славнаго Міністра ево, говорить было не льзя. Трудно тому статься; чтобъ высокаго ума и отмѣнныхъ поступокъ шляхтичъ, со временемъ отмѣннаго щастія не получилъ, а природному своему Монарху въ правленіи дѣлъ ево, нужнымъ не учинился. Нещастіе молодыхъ людей втомъ состоитъ: что кипящая кровь ихъ до вкушенія тѣхъ разсужденій не допускаетъ, которыя бы ихъ къ принятію сего чина привесть могли. Они только тѣмъ мнѣніемъ напрасно питаются, бутто въ свѣтѣ лутче того нѣтъ какъ въ салдатствѣ служить, и черезъ десять лѣтъ Маршаломъ Франціи, или ужѐ по крайней мѣрѣ Генералъ-Аншефомъ быть. Только многіе изъ нихъ на деревяницѣ безъ ногѝ, и на костыляхъ безъ рукѝ ходя сказываютъ: что они на десяти сухопутныхъ и трехъ морскихъ баталіяхъ, да на пяти приступахъ были, и 35. лѣтъ Королю служили; но напослѣдокъ за ранами и болѣзньми въ одинъ выпускъ семдесятъ человѣкъ изъ шляхетства отставлено, и въ домы свой отпущены, только изо-

всѣхъ

всѣхъ изъ нихъ при отставкѣ, выше Маэора чиномъ не было.

Такіе Самсоны и Геркулесы, подобны болящимъ; которые отъ лѣкаря убѣгаютъ, или такимъ слѣпцамъ кои того не хотятъ, чтобы ихъ кто за руку велъ; но удаляясь отъ большей дороги къ щастію, въ дебри роскошей и въ дубровы всякихъ невоздержностей забродятъ; токмо за сіе какому ужѐ отъ бога благословенію, отъ Монарха милости, а отъ людей щастію быть?

НИКТО СВОИМЪ ЩАСТІЕМЪ НЕ ДОВОЛЕНЪ.

Долголѣтнаго и постояннаго щастія всякъ изъ насъ желаетъ; только срочнаго сему щастію дня никто не знаетъ, и угадать не можетъ. Всякъ о своемъ щастіи старается; а получа никто тѣмъ чиномъ и состояніемъ недоволенъ, котораго съ крайнею горячестію искалъ.

Которую статуу человѣкъ своими руками здѣлалъ, ту скоро пóслѣ того самже розбиваетъ: и потомъ съ воздыханіемъ проситъ, чего у него нѣтъ. Токмо смерть: и къ прекращенію человѣческой жизни, и къ пресѣченію нашихъ желаній съ прихотьми, равно и необходимо надобна.

Ничто

Ничто такъ слабости естества человѣческаго не оказываетъ, какъ сïе непостоянство въ воли и желанïяхъ, которые отъ человѣка по смерть ево не отходятъ.

Воздержнѣйшïе люди желаютъ такого имѣнïя, которое бы по мѣрѣ чина и заслугъ ихъ было, чего и самой разумъ съ справедливостью требовать позволяетъ; но получа признаваютъ сïе имѣнïе за первую степень той лѣсницы, по которой къ вышшему щастïю всходятъ: а какъ на половину лѣсницы взойдутъ, тогда то ужѐ желанïе ихъ загорится, надежда умножится, а беспокойство; двери въ прихожую къ нимъ запретъ.

Прïнцы для того себя безщестными называютъ, что они не Короли; а Короли тѣмъ не довольны, что равные имъ Короли и Монархи на свѣтѣ есть.

Про Iюлïя сказываютъ, что онъ ни у кого подъ властïю быть не хотѣлъ; а Помпей, равнаго себѣ видѣть не могъ.

Поистиннѣ: великую мы неправду дѣлаемъ, что фортунѣ слѣпоту и непостоянство приписываемъ.

Можетъ ли большее сего непостоянство быть, что человѣкъ никогда и ничемъ недоволенъ: и сыщется ль слѣпота больше сего ослѣпленïя, когда ужѐ

человѣкъ

человѣкъ того не знаетъ, что ему свойственно, и того не вѣдаетъ, когда волю съ прихотьми своими остановить? Мы всю свою жизнь въ желаніи имѣнія, и въ бѣганіи за нимъ провождаемъ; а старость умножаетъ въ человѣкѣ желаніе, чтобъ сего имѣнія не потерять.

Я ужè выше сего довольно писалъ, чтобъ богатому дворянину оставя деревни свои, ѣхать ко двору. Домъ и вотчина какъ природнаго господина всегда ево съ радостью приметъ, ежели надежда вездѣ ево оставитъ; а буде съ вышшимъ чиномъ возвратится, то емуже лутче, честнѣе, и полезнѣе будетъ.

Единаго бога сіе дѣло, чтобъ изъ ничего вся производить. Никакой помощи кромѣ одной своей добродѣтели не имѣющему простому человѣку; не только великаго, но и такъ посредственнаго щастія найти трудно, чтобъ онъ при старости себя съ своею фамиліею [жена и дѣти] въ покоѣ и безъ бѣдности содержать могъ. Сія матерія такъ обширна: что оную, не описавши всякаго на свѣтѣ чина, окончать невозможно; чтобы сверьхъ силы моей было, но съ меня довольно и того будетъ, ежели я равнымъ себѣ въ чинѣ и состояніи услужу, а главной мой трудъ для шляхетства употреблю;

которымъ въ пользу вся сія книга сочинена.

ЗАСЛУГИ ВСЯКОМУ ЧЕЛОВѢКУ СВОЙСТВЕННЫ, А ШЛЯХЕТСТВУ КРОМѢ САМОДЕРЖАВНАГО ГОСУДАРЯ НИКАКОГО НАДЪ СОБОЮ ВЛАДѢНІЯ ЖЕЛАТЬ НЕ НАДЛЕЖИТЪ; ДЛЯ ТОГО ЧТО ПОДЪ СКИПЕТРОМЪ САМОВЛАСТНАГО МОНАРХА, НАИБОЛЬШЕЕ ИМЪ ЩАСТІЕ.

Всякому отъ насъ извѣстно: что натура по лицу всея земли разсѣянныхъ людей въ одинъ родъ человѣчества заключила, и во время произведенія ихъ на свѣтъ, никакой разности между ими не дѣлаетъ. Королева; также своихъ Прінцовъ и Прінцессъ Королю, какъ крестьянка мужику своему робятъ приноситъ. Учредившее сей великой порядокъ божіе провидѣніе; уставу всемогущаго творца донынѣ не отмѣняетъ, но отъ начала свѣта по сей часъ, весь родъ человѣческой тоюже дорогою на свѣтъ выводитъ.

Но для учрежденія порядку въ обществѣ житія гражданскаго: надлежало человѣку собственное начало забыть, а основаніе натуры раззорить и опровергнуть. Для соединенія своихъ земель, раздѣлили мы свои чины; для распространенія народной свободы, убавили собственной

вольности ; а чтобы у непріятелей своихъ въ порабощеніи не быть, то нарочно для сего выбрали себѣ люди Царей и Монарховъ. Разумнѣйшіе писатели ; по многихъ о семъ важномъ пунктѣ рассужденіяхъ тѣмъ заключили , что самодержавное государство , лутче и безопаснѣе всѣхъ правительствъ въ свѣтѣ. Я при томже мнѣніи остаюсь ; что шляхетству въ такомъ государствѣ жить , и подъ державою самовластнаго государя большаго себѣ благополучія , безопасности , и лутчаго во всемъ удовольствія ожидать надлежитъ. Знаю , что и Арістократіческое правительство для шляхетстважъ здѣлано ; но ежели о такомъ правительствѣ прямо рассудить , то законы ихъ мужика и дворянина равно вяжутъ , також подданные Королю своему какъ помазаннику божію почтенія не очень много , а послушанія и того меньше отдаютъ ; въ чемъ собственное народа нещастіе ; и главное раззореніе состоитъ. А самодержавный государь , какъ самовластная государству своему глава ; кромѣ бога и правды ничего выше себя не признавая, волю и право имѣетъ всѣхъ тѣхъ возвышать , которые того достойны или ему угодны. Изъ подлости производитъ въ шляхетство , а изъ бѣднаго дворянства

 въ Міністры

въ Міністры и вельможи жалуетъ. Милость Его Величества побуждаетъ добродѣтель подданныхъ; и поощряетъ къ надеждѣ о повышеніи.

Шляхетскія титла и чины; давались издревле въ награжденіе за великодушныя дѣла, и знатныя заслуги на войнѣ. Симъ способомъ самодержавные Монархи, умныхъ и храбрѣйшихъ людей въ свои услуги привлекли.

Сіе праведное награжденіе чести; было сперьва персональное, а потомъ ужè на дѣтей получившихъ оное распространилось, и имъ въ разсужденіи малолѣтства ихъ изъ милости Монаршей оставлено. По сему никто сказать не можетъ, будто человѣку невеликая польза природнымъ дворяниномъ быть; и будто добродѣтель шляхтича нелутче и нескорѣе другихъ производитъ. Намъ все то вѣроятно что отцы наши вѣрили, и обычай такъ силенъ, что и самой умъ съ разсужденіемъ къ вѣроятности влечетъ. Хотя во всѣхъ людяхъ равная душа съ тѣломъ, однѣ чувства: одинъ умъ и языкъ, и слѣдственно бы всѣмъ намъ равнымъ быть надлежало, однако по истиннѣ сказать, природа въ шляхетствѣ не знаю что такое отмѣнное

здѣлала, которое глазъ нашъ видитъ, а языкъ сказать не можетъ. Ежели между стадомъ воронъ или галокъ одинъ соколъ замѣшается, то не всѣмиль обстоятельствы отъ другихъ отмѣненъ? буде между тысячью человѣкъ салдатъ, одинъ шляхтичь стоитъ, то острой глазъ ево увидитъ, а умная рука тотчасъ выберетъ. Чтожъ это такое что въ немъ съ отмѣною видно, и всѣмъ не въ очки смотрящимъ, пальцомъ на него указываетъ? Всякъ тебѣ скажетъ, не знаю что. Ежели ксему: дарованїемъ божїимъ и природною склонностїю добродѣтель присоединится, а тщанїемъ родителей или собственнымъ сниспканїемъ науки прибавятся: то какъ такому дворянину отмѣннаго передъ другими щастїя не уповать, а отъ Государя своего милости не надѣяться? Слухъ о ево добрыхъ поступкахъ, о разумѣ, о прїятныхъ манїрахъ, и о наукѣ съ благопристойностью въ обходительствѣ и во всѣхъ поведенїяхъ, черезъ уста великодушныхъ и справедливость любящихъ персонъ, до самаго Монарша Величества съ похвалою дойдетъ; а Монархъ какъ самой центръ правды и образъ правосуднаго бога на землѝ, заслугамъ такого изъ подданныхъ своихъ должное возда-

яніе, по своей крайней справедливости и превосходному великодушію, всеконечно учинить соизволитъ.

Правда: что всякой вѣкъ [сто лѣтъ] славнаго человѣка въ наукахъ и не изъ шляхетства производитъ, какъ то въ древнихъ временахъ у Римлянъ Цицеронъ, а у Грековъ Овідій былъ; и послѣ нихъ Европа многихъ и разными науками себя прославившихъ людей имѣла, токмо напротивъ того несравненно множайшее число великихъ Міністровъ и славныхъ Генераловъ у себя видѣла, и нынѣ въ нѣдрахъ своихъ имѣетъ; а что чего нужнѣе, Государю надобнѣе, и отечеству полезнѣе, то на разсужденіе беспристрастнаго свѣта предаю.

Между тѣмъ непротивъ быстрины рѣчной итти, но лехче по водѣ плыть, то есть всеобщему обычаю послѣдовать и признаться надлежитъ, что честному, умному, и заслуги имѣющему человѣку, великія въ произведеніи ево на вышшія степени препятства будутъ, ежели ему шляхетнаго достоинства не достаетъ. Какъ бы кто противъ застарѣлыхъ въ народѣ мнѣній и обычаевъ ни філософствовалъ, и за какія бы погрѣшности ихъ ни признавалъ, только со всѣмъ своимъ мудрованіемъ тысячу препятствъ и помѣхъ

мѣхъ себѣ увидитъ, а напослѣдокъ тѣмъ больше о себѣ жалѣть будетъ, что онъ умнѣе и ученѣе другихъ: ежели много мерїтовъ имѣетъ, довольно свѣту видѣлъ, и больше другихъ учился, то ему посредственные нравы противны будутъ, а по учтивости и наукѣ своей; съ неучеными и неучтивыми своего чина и состоянїя людьми не уживется. Между тѣмъ при дворѣ какъ въ лѣсу или въ пустынѣ будучи; больше презрѣнїя своему чину, нежели почтенїя собственнымъ заслугамъ получитъ; и такое гоненїе претерпитъ, что лутче въ монастырь или въ гражданской чинъ итти, нежели при дворѣ остаться пожелаетъ; а военная ему служба по моему мнѣнїю неприбыльнѣе придворной будетъ. Лутчїе въ Европѣ салдаты; такое только ярмо̀ или бремя носятъ, которое бы красками изрядно расписано, илибъ вызолочено было.

Салдаты шляхетству въ томъ мнѣнїи повинуются, что они на то и съ тѣмъ родились, дабы ими командовать. На равныхъ себѣ немного смотрятъ, а вышшимъ во всемъ и безпрекословно покаряются. Сїе мнѣнїе цѣлыхъ народовъ; между собою родившееся шляхетство издревле и всегда почитая, со временемъ честнымъ, и славнымъ въ свѣтѣ учинило.

 коро-

королевства французскаго соседи, больше заслугъ нежели фамилии смотрять; и какая польза отъ комерціи?

Въ Цесарской, и у Короля Гишпанскаго въ службѣ, такіе люди были; которые изъ подлости знатныхъ чиновъ дослужилисъ. Альдрінгеръ изъ писарей, въ Цесарской пѣхотѣ Генераломъ Аншефомъ; Яганъ Вертъ, изъ лакѣевъ Генераломъ Порутчикомъ у Цесарякъ въ конницѣ былъ; а бекъ изъ брюсельскихъ почтіліоновъ, первой штатской чинъ въ Нідерландахъ имѣлъ.

Такіе примѣры вездѣ очень рѣдки, а во Франціи почти не виданы; но хотябъ и случились, только умнаго человѣка съ болшой и прямой дороги не собьютъ. Симъ разумѣю то; чтобъ церьковныхъ и юстіцкихъ чиновъ искать третьяго въ государствѣ класса и такимъ персонамъ, которые умомъ и имѣніемъ равныхъ себѣ превосходятъ; а кому обѣихъ сихъ важныхъ пунктовъ не достаетъ, тотъ можетъ купечество за другой себѣ способъ къ щастію избрать. Многіе умные люди въ жизни своей примѣтили, и за правду сіе приняли; что рѣдко такихъ людей видно, которые бы мастерствомъ или художествомъ своимъ разбогатѣли. Лутчіе живописцы, и славнѣйшіе статуйщики

тущики, оніъ ремесла своего больше славы, нежели прибыли получили. Всеобщую похвалу имѣвшіе лютнисты, гарфисты, и славные музыканты съ оперистами, всю свою жизнь въ забавѣ и увеселеніи любопытныхъ, и охотниковъ до сего проводятъ; а случай къ щастію своему изъ рукъ упускаютъ.

Я сіе на показаніе того пишу; что иной подлой въ своемъ чинѣ небезщастенъ, а потому что они къ поправленію своего состоянія, премногіе способы имѣютъ.

Я о таможенныхъ, и камерныхъ служителяхъ не говорю; а хотя они несамою прямою дорогою идутъ, только и переулками къ наполненію баулы достигаютъ. Сихъ чиновъ люди подобны такимъ грибамъ, которые въ одну ночь поспѣваютъ, а въ разсужденіи богатства, дивной успѣхъ и чудное дѣйство имѣютъ. Шляхетство ихъ ненавидитъ, а народъ бранитъ и проклинаетъ; однакожъ они на все сіе несмотря, пространно и въ довольствѣ живутъ; да только того боятся, что на грибы холодныя и вредительныя росы упадаютъ, а полуденной жаръ часто ихъ сушитъ: но имъ сіе извѣстно, ежели горячкою болящей человѣкъ четверыть фунта крови изъ руки

выпустить, то еще во всемъ ево тѣлѣ шесть фунтовъ руды останется, только не ровна болѣзнь; временемъ и пусканіе крови не помогаетъ.

Ежели дѣти ихъ умны; то отцы ихъ съ разумомъ и справедливо стараться будутъ, чтобъ дѣтей своихъ въ добрые чины произвесть, а невѣстъ не такъ съ богатымъ приданымъ, какъ болѣе съ хорошими деревнями за нихъ взять. Время, пороки отцовъ заглаждаетъ, а народъ претерпѣнныя болѣзни, съ лѣтами и помалу забываетъ.

Я много сердился на поступки такого Францускаго шляхтича, которой какъ послѣдней сынъ у отца своего, принужденъ былъ щастія и пропитанія себѣ искать. Онъ будучи знатной фамиліи и добраго воспитанія, искалъ себѣ подлыхъ чиновъ а купечествомъ брезговалъ, и другимъ въ сей чинъ итти отговаривалъ. Ежели человѣкъ съ разумомъ какую вещь или дѣло запрещаетъ, то надобно чтобъ сіе запрещаемое отъ него, или зло было, илибы по крайней мѣрѣ худыя по себѣ слѣдства оставляло. Ктожъ можетъ комерцію злымъ или худымъ дѣломъ назвать, безъ оскорбленія всѣхъ народовъ въ свѣтѣ? Есть ли что между родомъ человѣческимъ, которое бы съ лутчимъ

осно-

основанїемъ, и съ большимъ передъ комерцїею отъ всѣхъ согласїемъ, учреждено было?

Происходящая свѣту отъ комерцїи польза такъ велика; что купечество безъ опровержения всего житїя гражданскаго, уничтожить не возможно. Комерцїя великїе города населяетъ, богатство и изобилїе въ государствахъ умножаетъ, между иностранными миръ содержитъ, и все нужное людямъ приноситъ.

Развѣ такїя дѣла шляхетскаго чина недостойны? Ежели шляхетство въ однѣ границы военной службы привести, то можетъ ли что ко оному приличнѣе и свойственнѣе комерцїи быть?

Приведенїемъ сихъ двухъ вещей въ одно мѣсто, многїе великїе люди прославились; и безсмертную о себѣ память на свѣтѣ оставили. Сыщется ли что отважнѣе морскихъ вояжей [походы] Павла Дервиса, Драка, и Магеллана? Можно ли въ їсторїи смѣлѣе Пашековыхъ, Альбукерковыхъ; и Зоаровыхъ въ Америкѣ предпрїятїй что найти? Ежелибъ сїи славные купцы; такой великой землй и четвертой части свѣта не нашли, то откуда бы мы золото и пряное зелье, съ бесчисленнымъ изъ западной и восточной Їндїи выходящимъ въ Европу богатствомъ

взяли?

взяли? Какъ бы имъ такія славныя дѣла безъ великодушія здѣлать, и въ предпріятіяхъ своихъ щастливой успѣхъ имѣть, ежелибъ они чрезвычайной отваги въ великихъ страхахъ, и удивительнаго постоянства въ крайнихъ трудностяхъ и бѣдахъ не имѣли? Кто можетъ къ пронесенію величества, славы, и имени Европскихъ Государей въ Африкѣ, и въ Америкѣ, лутче сего способу сыскать?

больше тысячи двухъ сотъ лѣтъ стоящая Венеціанская републіка, комерцію всегда за такое основаніе почитала; которое всю ея славу съ богатствомъ содержитъ. Хотя сія републіка шляхетствомъ управляется, однакожъ купечества отъ себя не выгоняетъ, а сія мудрая політіка такъ Венеціи удалась, что одна и безъ всякой помощи долговременную войну противъ Турецкой імперіи, симъ единымъ способомъ содержала. На томже основаніи Голанцы: малую свою землицу републікою учинили, а потомъ інтересы свои такъ защищали, что Австрійской домъ со всею своею нынѣшнею силою, съ сею републікою какъ съ самовластною областью поступать, и отъ всѣхъ правъ и преимуществъ отрещись принужденъ былъ. Сія добрыми купцами управляемая републіка, во многихъ мѣстахъ

завоеван-

завоеванными собственнымъ оружїемъ мѣстами; такїе опыты показала, что шляхтичу купцомъ быть можно, потому что и купецъ храбростью и добрыми своими дѣлами, съ дворяниномъ ровняется. Ежели Гїшпанское, Французское, и Нѣмецкое шляхетство купеческимъ чиномъ брезгуетъ, то для чего всѣхъ сихъ нацїй дворяне, къ Голанскимъ статамъ [кои самые купцы] въ службу идутъ, и жалованье у нихъ берутъ?

Сходство между купцомъ и продавцомъ, такъ велико и сильно; что ежели одного отнять, то другова потерять. Ежели барышникъ лошадь мнѣ продастъ; то ни я за покупку, ни онъ за продажу не купецкаго чина человѣкъ. буде я изъ деревни своей за домашнимъ росходомъ излишней хлѣбъ, овецъ, или другую не нужную животину продать велю; такъ развѣ я потому купецъ сталъ, что народъ тѣхъ, кои сей товаръ купятъ и продаютъ; купцами называетъ?

Но какъ бы то ни было; однако между Европейскимъ шляхетствомъ изстари такой обычай; какъ скоро дворянинъ въ публичную продажу и покупку вступитъ, то ужѐ ево за дворянина не почитаютъ. Только мнѣ Францускїе законы и обычаи удивительнѣе всѣхъ, потому что старшимъ

шимъ братьямъ почти все движимое и недвижимое отдаютъ; а у меньшова брата не только все отнимаютъ, но здѣлавши ево бѣднымъ; въ купечество ему итти не велятъ.

КАКЪ ПОСТУПАТЬ, И ЧТО ТАКОМУ ШЛЯХТИЧУ ДѢЛАТЬ: КОТОРОЙ СЕБѢ ЩАСТІЯ ВЪ ВОЙНѢ ИСКАТЬ НАМѢРЕНЪ.

СЕкретъ или тайность сего пункта: состоитъ въ крѣпкомъ прилѣжаніи къ исполненію должностей своего чина, и въ особливомъ усердіи къ своему дѣлу, а притомъ надѣяться, что по степенямъ до знатнаго чина дойти можно. Учиться генеральнымъ и партикулярнымъ порядкамъ. Прилѣжно примѣчать постановленія и снесенія лагеровъ, ордеровъ баталіи, или боевыхъ порядковъ и атаки крѣпостей; съ інженерами быть въ циркумвалаціонныхъ линѣяхъ при строеніи фортіновъ, [крѣпостцы] и при открытіи траншей: ходить въ подкопы, всему учиться что къ артілеріи принадлежитъ, слѣдовать за Генералами какъ поѣдутъ для осмотру того города которой осажать, или тѣхъ мѣстъ черезъ которыя армѣе итти; съ крайнимъ раченіемъ Геометріи и Фортіфикаціи учиться;

и къ

и къ Теоріи [наука изъ книгъ и отъ учителей] практику [исполненіе дѣломъ] присовокупить ; а для лутчаго сихъ наукъ употребленія надобно думать, что смерть такъ равно труса на постелѣ сыскать, какъ храбраго человѣка на бою обойти можетъ. Ежели дослужится Капитанства ; то долженъ уповать, что лѣтъ черезъ десять и Полковникомъ будетъ, только всю сію до высокихъ степеней идущую надежду по тѣмъ наукамъ размѣривать, которыя ужѐ дѣйствительно ево ; а притомъ такія поступки и мериты имѣть, съ которыми бы ему въ вышшемъ чинѣ стыда не было. Невѣденіе и задеревенѣлость ; у многихъ салдатъ надежду о произведеніи въ вышшей чинъ отнимаетъ. Всякому салдату не запрещено должность Капитанскую знать, чтобъ не напрасно и небезумно самому Капитанскаго чина желать. Когда человѣкъ силы свой чувствуетъ, то душа ево такую непостижимую крѣпость имѣетъ, которая всякіе къ повышенію служащіе способы легко принимаетъ ; такое смѣльство беретъ, которымъ всякія трудности преодолѣваетъ, а потомъ такою бодростію и постоянствомъ вооружается, которыя ей труды и страхи пренебрегать помогаютъ.

Силенъ

Силенъ сей путь къ труднымъ вещамъ; дабы человѣку въ предпріятіяхъ своихъ постоянную волю, и непреоборимое намѣреніе имѣть. Сей единой способъ; силы ума человѣческаго соединяетъ, и въ изобрѣтеніяхъ плодоноснымъ творитъ. Отъ сего приходитъ смѣлость; съ тою несумѣнною надеждою во исполненіи намѣренія и въ полученіи желанія нашего, которымъ люди на свѣтѣ чрезвычайныя и удивительныя дѣла дѣлаютъ. На семъ то крѣпкомъ основаніи славной Помпеи говаривалъ: ежели я только ногóю топну, то салдаты изъ земли выдутъ. А Іюлій первый въ Цесаряхъ Римскихъ; будучи на морѣ въ жестокую погоду, везущему себя кормщику сказалъ. Не бойся! Ты Цесаря со всѣмъ ево щастіемъ везешъ. Смѣлость и постоянство, военному человѣку надобны: одна не боится но ищетъ страховъ, а другое не унываетъ отъ гонящихъ себя худыхъ случаевъ. Великіе люди всегда смѣлы, и всѣ отважны были. Александръ; съ тритцетью тысячми человѣкъ весь свѣтъ завоевалъ. Цесарь Іулій съ сорокью тысячьми у древнихъ Галловъ городъ Алексію взялъ, которой восемдесятъ тысячъ добрыхъ салдатъ обороняли; а двѣсти тысячь человѣкъ тѣхже Галловъ

для обороны, и на помочь тому городу было. Эдуардъ Король Аглинской; съ семью тысячьми своихъ людей, Французскую въ сорокѣ тысячахъ человѣкъ состоявшую армію разбилъ; и Короля Іоанна въ полонъ взялъ, которой сею арміею командовалъ. Густавъ Адольфъ Король Шведской; съ восьмью тысячами салдатъ своихъ въ Померанію нарочно за тѣмъ пришолъ, чтобы всей Цесарской силѣ противиться; только такіе великіе успѣхи не всегда отъ щастія происходятъ, но добродѣтель предводителей, наибольшее въ томъ участіе имѣетъ.

Отъ множества такихъ всеобщихъ примѣровъ, можно къ партікулярному разсужденію пришедши сказать: что дворянину получивши потребныя чину своему науки, всегда вышшихъ степеней искать, и объ оныхъ стараться должно, а притомъ онъ больше къ удостоенію себя такихъ чиновъ ревности и искательства прилагать, нежели жизнь свою беречь будетъ.

ВЫСОКІЯ НАУКИ, ВОЕННАГО ЧИНА ШЛЯХТИЧУ БОЛЬШЕ ВРЕДА, НЕЖЕЛИ ПОЛЬЗЫ ПРИНОСЯТЪ, И ЧТО ЕМУ ЗНАТЬ: А РАЧЕНІЕ СЪ ПРИЛѢЖНОСТЬЮ, КЪ УСПѢХУ ВО ВСЕМЪ НЕОБХОДИМО.

Науки: нѣкоторымъ образомъ водяной болѣзни подобны. Любящихъ себя не только беспокоятъ, но и высокоумїемъ надымаютъ. Что больше человѣкъ знаетъ, то больше знать хочетъ; а знанїи на подобїе звеньевъ въ цепи такъ между собою сплелись, что первая влечетъ вторую, вторая третью, а за третьею и прочїя слѣдуютъ. Сїе отъ того приходитъ: что человѣкъ чрезъ одни только чувства, все познаваетъ. Во слѣдство сего Платонъ пишетъ, что душа человѣческая сама собою и съ природы умна, а вещи: кои представляютъ или посылаютъ намъ свои образы, способствуютъ къ разбору и узнаванїю тѣхъ вѣденїй, кои природа непорядочно въ человѣка влїяла. Ежели человѣку двѣ изъ одной матерїи, одною формою, и одного вѣсу здѣланныя вещи показать, то онъ скажетъ что обѣ ровны; а сїе между ими сходство приводитъ человѣка къ разсужденїю, что есть всеобщей терминъ называемой равность. Будеже что хорошее увидимъ, потому заключаемъ: что на свѣтѣ

хорош-

хорошство, красота, и изрядство есть. Такія слѣдства ведутъ человѣка по степенямъ, и отъ знанія одной, къ понятію другой науки привлекаютъ: и такъ далеко человѣческой умъ изъ своего природнаго мѣста выводятъ, что онъ своему любопытству ни конца ни предѣловъ не знаетъ.

По сему я часто разсуждалъ; что почти всѣ высокіе умы больше честью и славою, нежели имѣніемъ богаты: а по видимому для того, что силы великодушныхъ людей въ границы приведены, и ничего безконечнаго не имѣютъ. А ежели въ науку вступятъ, то съ такою горячестію за нее принимаются, что всю свою волю съ мысльми и силами душевными на оную устремляютъ, а нужнѣйшаго къ спасенію души, и къ сохраненію жизни не помнятъ. Статской чинъ такимъ высокимъ умамъ приличнѣе, нежели шпага; а для того что они къ показанію и прославленію себя, премногіе способы имѣютъ. Къ слушанію предики ихъ, великія тысячи людей собираются; а то весьма рѣдко бываетъ, чтобъ славной предикантъ безъ произведенія на высокія степени духовенства оставленъ былъ.

А военнаго человѣка: высокія науки ни къ чему другому кромѣ бѣдности не

приводятъ, и въ полученіи щастія крайнее препятство ему наносятъ. Отъ Арістотелической Філософіи, и отъ Квінтіліановой Реторіки, какая ему польза будетъ?

Я тому не противлюсь; чтобъ молодой человѣкъ лѣтъ до семнатцати учился, для того что онъ въ такія лѣта ни къ какой службѣ еще не способенъ; а на восьмнатцатомъ году надобно ужѐ за такія науки ему приниматься, которыя шляхтичу нужны, также государству пользу, а ему щастіе принесть могутъ. Вопервыхъ знать конную ѣзду и ружье, потомъ учиться Геометріи, Географіи, Історіи, рисованію, также по Латіни и по Французски: а къ сему Нѣмецкой, Італіанской, и Гішпанской языкъ, [ежели можно] прибавить не худо. Сего знанія военному человѣку на учиненіе себя пріятнымъ и полезнымъ, весьма довольно; а высокія науки нетолько далеки и трудны, но поистиннѣ шляхтичу больше вреда, нежели пользы приносятъ. Раченіе съ прилѣжностью, всякому въ своемъ чинѣ и по склонности его надобно. Въ примѣръ сему лутче такого съ посредственнымъ умомъ человѣка представить; которой кромѣ природнаго ума и добраго разсужденія, никакихъ

какихъ наукъ не имѣетъ. Ежели мѣщанинъ захочетъ купечествомъ набогатиться, то станетъ учиться щоту и цѣнѣ товаровъ: учнетъ навѣдоваться, въ какомъ мѣстѣ которой товаръ дешевле купить, и гдѣ дороже продать можно? Онъ ни о чемъ кромѣ сего думать, и ни съ кѣмъ кромѣ равныхъ себѣ говорить о томъ не станетъ: а до школьныхъ діскурсовъ и дѣла ему нѣтъ. У него вмѣсто бібліотеки; будутъ особливые часы на молитву, а вмѣсто множества книгъ одинъ Календарь для такого знанія; котораго мѣсяца и числа, въ какомъ городѣ или знатномъ мѣстѣ какая ярмонка будетъ? Начнетъ беречся отъ разбойниковъ, плутовъ и банкерутовъ. Для полученія кредіту; потщится хранить не поколѣбимую вѣрность, а симъ способомъ и безъ наукъ богатъ быть можетъ.

Мужикъ деревенской, еще и мѣщанина простѣе. Съ сохою родившисъ, а притомъ кромѣ пашни и кормленія животины ничему не учасъ: откупомъ землй, деревни, или другова, скорѣе себѣ щастія сыщетъ нежели Філософіею; и отъ приличныхъ чину своему промысловъ, больше нежели отъ наукъ пользы получитъ.

Высокіе умы, подобны алмазамъ: ко-

торые за рѣдкость и дорогую цѣну всякъ почитаетъ, только они къ одному украшенію способны.

Арістотель пишетъ: что такіе люди къ правленію народа неспособны, но только про себя хороши, для того что высокость ума ихъ, съ недостатками и съ слабостьми другихъ людей, ни равности ни снисхожденія къ нимъ имѣть не может; а мнѣ ужѐ во слѣдство Арістотелева мнѣнія съ бо́льшею справедливостью сказать можно, что тѣжъ высокіе умы къ повиновенію и къ покорности, того не способнѣе; и для того при великихъ господахъ быть имъ нельзя. Военнаго чина шляхтичъ, долженъ о своемъ чинѣ и о службѣ больше всего раченіе имѣть; повелѣнію вышнихъ своихъ съ почтеніемъ повиноваться; а за храненіе должной природному Государю своему вѣрности, живота своего не щадѣть; и службу Его Величества выше всего на свѣтѣ почитать.

Сіе по общему мнѣнію; нетолько Реторіки съ Філософіею сильнѣе, но и всей Поэзіи [стіхотворство] важнѣе. Понеже я во всемъ посредства ищу; то военной чинъ имѣющему дворянину не такъ въ высокія науки углублятьса совѣтую, чтобъ онъ съ нихъ какъ съ облаковъ на

зе́млю сойти не могъ. Сïе бы было смѣшное путешествïе въ царство луны, откуда люди кромѣ сонной грѣзы: и люнатичныхъ болѣзней ничего съ собою не вывозятъ; а напротивъ сего и то въ шляхтичѣ несносно, ежели онъ обыкновеннаго въ свѣтѣ не знаетъ, также будучи по своему роду и чину въ знатномъ обхожденïи и при великихъ господахъ, станетъ нелѣпую говорить. Не всѣмъ ли въ компанïи причину къ смѣху подастъ: ежели скажетъ что Лондонъ въ Италïи, Мадрïтъ Аглинская столица, Нïренбергъ во Францïи, а Францïя въ Нѣмецкой землѣ. Притомже станетъ увѣрять: буттто Iулïй съ Цесаремъ Карломъ великимъ, въ дружбѣ жилъ, а Александръ великой тѣмъ бещастенъ былъ, что безъ покаянïя умеръ? Когда случится говорить о войнѣ, также объ осадѣ го́рода, или о разныхъ обстоятельствахъ знатной баталïи сказывать: то не крайней ли салдату стыдъ, ежели онъ принадлежащихъ ктому словъ знать небудетъ? Сïе невѣденïе шляхтичу, тѣмъ непростительнѣе, что ему все до своего чина касающееся необходимо знать должно. И то нехудо; ежели шляхтичъ древнихъ и новыхъ стïхотворцовъ книги знаетъ, и при случаѣ на своемъ языкѣ

вирши здѣлать можетъ, только бы сія охота для забавы была, а въ слѣпую страсть не обратилась. Стіхотворство: втомъ особливое нещастіе имѣетъ, что всю свою красоту и почтеніе теряетъ; ежели человѣкъ публічнымъ ріѳмотворцомъ или явнымъ учителемъ Поэзіи здѣлается, а для того сей талантъ, съ великою осторожностію употреблять надобно. Съ незнающимъ о наукахъ говорить, подобно тому: какъ слѣпому разные цвѣты показывать, или предъ глухимъ на скрыпкѣ играть. Ври предъ нимъ, или умное ему сказывай; онъ ничего не знаетъ. Такъ шляхтичу надобно знать; съ кѣмъ и очемъ говорить? чтобъ вмѣсто уповаемой хвалы, посмѣянія не терпѣть.

ШЛЯХТИЧУ СТАРАТЬСЯ: ЧТОБЪ ВЪ ОТПРАВЛЕНІЕ ДѢЛЪ ГОСУДАРЯ СВОЕГО ПРИ ДВОРѢ УПОТРЕБЛЕНУ БЫТЬ, И ДЛЯ ЧЕГО?

Свѣтъ сей комедія. Лутчіе акторы [дѣйствующіе или игроки] тѣ; которые лутче другихъ персону свою представляютъ; только невсѣ тѣ искуснѣйшіе, которые въ комедіи Прінцами и Вельможами наряжены. Въ такихъ дѣйствіяхъ, нижнему труднѣе всѣхъ. Порокъ или проступка ево тотчасъ на негожъ обратится; а смотрители всегда больше

такого

такого намѣренія имѣютъ, чтобъ ему вредить, нежели погрѣшеніе ево исправить. Для сего то ему отъ неразумія своего, и отъ злости непріятелей; всегда беречся надлежитъ. Рѣдко такого служителя сыскать; которому бы сверстники не завидѣли и на ево мѣсто не желали. Не довольно того: чтобы чинъ по преимуществу надъ равными себѣ заслужить, да надобно съ покорностію объ немъ просить, или у друзей Государя своего милости искать, дабы они о заслугахъ такого человѣка прінціпалу ево при случаѣ напомянули. О чинѣ просить не стыдно и не бещестно: только бы человѣкъ въ себѣ чувствовалъ, что онъ того достоинъ, а получа сей чинъ снести, и должности ево исправить можетъ. Я всегда такого дворянина щастливымъ почитаю; которой въ отправленіе дѣлъ Монарха своего при дворѣ употребленъ. Ежели онъ уменъ, то при дѣлахъ Монаршихъ и собственныя свои нужды исправлять будетъ. Симъ способомъ подастъ знакъ и увѣреніе, какъ о разумѣ такъ и о способности своей къ дѣламъ; а притомже можетъ себѣ проложить дорогу къ дальнему повышенію. Многіе добрые и честные люди тѣмъ бесщастны, что никто ихъ не знаетъ,

 и за

и за нехожденіемъ никуды изъ двора, подобны такимъ душамъ; которые между раемъ и мукою сидятъ.

Начало къ произведенію себя; труднѣе всего. Уши и очи Монарши, для всего свѣта; а воля и склонность ихъ, не ко всѣмъ ровна. Государи временемъ и простова человѣка больше въ вельможи жалуютъ. Знатныя лица, получаютъ сей высокой даръ по преимуществу своего рода, а простой человѣкъ отъ своихъ добродѣтелей и заслугъ, а временемъ изъ одного благоволенія и милости Государя своего; въ чемъ провидѣніе Всемогущаго, и Царскія сердца держащая десница божія, наибольшее участіе имѣетъ. Природа; въ раздаяніи своихъ талантовъ справедлива. Она въ великомъ довольствѣ рожденному рѣдко чрезвычайной умъ даетъ, а небогатымъ отмѣнной умъ и искусство часто удѣляетъ; только сіе не природѣ, но единому дѣйству благодати и премудрости божіей приписывать надлежитъ.

Сія милость съ правосудіемъ Всесильнаго Творца въ раздѣленіи талантовъ или дарованій, во всѣхъ чинахъ и состояніяхъ рода человѣческаго видна. А хотя она всѣхъ совершенствъ одному человѣку не даетъ, однакожъ почти ни одного

ного такого человѣка на свѣтъ не производитъ; которой бы ни малаго понятія не имѣлъ, и ни къ какому ученію не способенъ былъ.

Греческой стіхотворецъ пишетъ: что нужда художества вымышляетъ, а бѣдность наибольшимъ інвенціамъ [изобрѣтеніямъ] мать; только видно что онъ, ума своего до первой причины сему дѣйству, никогда не возводилъ.

О НЕПРАВОМЪ МНѢНІИ ТѢХЪ: КОТОРЫЕ СЕКРЕТАРСКОЙ ЧИНЬ ПРЕЗИРАЮТЪ.

Удивително мученіе такого обычая: которое человѣка къ отверженію правды и здраваго ума, а вмѣсто того къ послѣдованію неосновательнаго мнѣнія, многихъ людей принуждаетъ. Почти все провінціальное шляхетство въ томъ мнѣніи остается: что партікулярному человѣку лутче и полезнѣе всего въ свѣтѣ, у Прінца или у статскаго Міністра быть, и по степенямъ приличнаго себѣ чина дослуживаться; а Секретаремъ шляхтичу быть, по ихъ разсужденію ниско и непристойно. Лутче де ему бѣлое перо [плюмажъ] на шляпѣ носить, нежели скрынку съ чернилами, перьемъ, съ сур-

съ сургучемъ и съ бумагою за собою таскать. Такїе податели совѣтовъ по сему дѣлу худые судьи, и честь съ пользою чина разбирать, какъ видно не горазди.

Тотъ очень худо пунктъ чести знаетъ, кто говоритъ: буттто честнѣе прїнцїпалу своему при столѣ пить подать, нежели изъ писемъ мнѣнїе, волю, и намѣренїе ево узнавать; и будто сїе почтеннѣе чтобъ лошадей чистить, и лакѣевъ съ конюхами бить, нежели отъ лица Монарха своего съ Послами обходиться, и секреты Государя своего хранить, также пользу съ дѣлами ево при чужихъ дворахъ престерегать.

Кто хочетъ истинную и важную пользу сего чина знать: тому надобно у тѣхъ спрашивать, кои дѣйствительно Секретарями были; а изъ нихъ ужѐ очень мало такихъ выберется, которые бы безъ щастїя и безъ выщшаго чина оставлены были. Въ дѣлахъ сего чина такїя тайности есть: которыхъ безъ оскорбленїя чести, и безъ нарушенїя совѣсти никому открыть нельзя.

Сей изрядной чинъ, къ полученїю друзей великой способъ подаетъ; а для того что всѣ Монаршии милости къ подданнымъ, чрезъ руки Секретаря ево текутъ

купѣ, а такія дѣла въ рукахъ своихъ хранящей къ одолженію друзей и шляхетства, и на услуги имъ всякой день случай имѣетъ; а они сего благодѣянія конечно не забудутъ. Я думаю: что трудное ношеніе должностей сего чина, многихъ дворянъ отъ секретарства выключило; но сія погрѣшность съ неправымъ мнѣніемъ отъ одного невѣденія между людей вошла.

Поистиннѣ: кто сей чинъ по достоинству ево снести и править можетъ, тотъ ко многому способенъ.

Ему въ своихъ поступкахъ нетолько правда и вѣрность надобна, но и науки необходимы.

Секретарь: долженъ вопервыхъ іностранныя языки знать, а на своемъ природномъ языкѣ чисто, и деликатно писать. Ему того недовольно; чтобъ легкое понятіе, твердую память, и здравое разсужденіе имѣть; да надобно чтобъ слогъ и штиль письма ево пріятенъ, простъ и вразумителенъ былъ. Никакихъ бы школьныхъ словъ, высокихъ терміновъ. и странныхъ рѣчей въ письмахъ ево не было.

Я признаваюсь: что письма писать труднѣе всего. Добрые знатоки за правду утвердили: что Ціцероновы письма

лутче

лутче всѣхъ ево книгъ; потому что письмо, истинное произведеніе человѣческаго разума, и живое изображеніе мнѣнія съ мысльми нашими, а что въ немъ изряднаго или несовершеннаго сыщется, то все уму человѣческому приписывать должно. О всегдашнихъ и обыкновенно между людьми бывающихъ разговорахъ, того сказать нельзя. Великимъ числомъ представляющіяся мнѣніи, на выборъ лутчихъ словъ человѣку времени не дають; а въ письмахъ сего порока нѣтъ. Человѣкъ письму своему надлежащую пріятность велерѣчія дать, а потомъ оное въ порядокъ привесть можетъ, и потребное кпому время имѣетъ. Публичныя рѣчи, и при знатныхъ случаяхъ бывающія ораціи, тогда хвалы и почтенія достойны, ежели по правиламъ Элоквенціи [краснорѣчіе] сочинены, достопамятными примѣрами наполнены, філософіческими разсужденіями украшены, на законахъ Реторіки основаны, и всѣми сея науки фігурами снабдѣны; а письмо ни одного изъ сихъ украшеній не требуетъ. Оно человѣку безо всего пріятно. Начинается безъ церемоніальнаго приступленія, теченіе свое имѣетъ безъ фігуральнаго расположенія, изъясняется безъ притвору, доказываетъ безъ книгъ и безъ

авторовъ,

авторовъ, разсуждаетъ безъ діалектіки, увѣряетъ безъ аргументовъ, услаждаетъ безъ вымысловъ; а окончавается рѣчьми ясными безъ всякихъ прикрасъ.

То письмо ужѐ все свое изрядство потеряетъ, которое учеными вещми наполнено. Для сего то весьма рѣдко случается: чтобы нетолько многія лѣта̀, но почти всю свою жизнь въ школахъ препроводившіе ученые люди, хорошее и пріятнымъ штілемъ письмо написать могли.

ДЛЯ ЧЕГО НЫНѢШНІЕ ЛЮДИ НЕСТОЛЬКО УЧЕНЫ, КАКЪ ДРЕВНІЕ?

Славной человѣкъ нынѣшняго вѣка, три причины тому объявилъ; токмо сего недостатка ни теченію лѣтъ, ни перемѣнѣ временъ не приписывалъ, вѣдая что всѣ люди равно родились: равно жили, и однимъ образомъ померли. И при Арістотелѣ съ Діогеномъ, такого человѣка старикомъ называли: которому 80 или 90 лѣтъ отъ роду было.

Первую причину показалъ, что мы всю свою молодость въ изученіи Греческаго и Латінскаго языка препровождаемъ, а они оба не науки, и умъ человѣческой отъ дѣйствительныхъ наукъ весьма отдаляютъ.

Второю:

Второю: Что мы много читаемъ.

Третьею: Напротивъ чего мало говоримъ, а разсуждаемъ и того меньше.

Арістотель на матернемъ то есть на Греческомъ языкѣ Філософію писалъ, и тѣмъ у послѣдующихъ родовъ прославился. Въ ево времена сперва училисъ Грамматікѣ и Геометріи; потóмъ Діалектікѣ и другимъ частямъ Філософіи которая втомъ состояла, чтобъ прежде всего твердое начáло или основанія положить, а отъ того ужè извѣстныя слѣдства и подлинныя разсужденіи брать. За сею наукою слѣдовали прáвила Реторіки, которая учитъ все то въ порядокъ приводить, что ученикъ отъ прочихъ наукъ получилъ; а потóмъ изрядными словами съ пріятными фігурами и движеніи, слушателя усладить и увѣрить. Тогдашнихъ временъ лутчая наука то была, чтобъ трудные вопросы или задачи разрѣшать, причину и начáло всякой вещи найти, чувствительнѣйшее практикою узнать, а тайнѣйшее разговоромъ и разсужденіями открыть. Тогдашніе люди однимъ прикосновеніемъ узнавали, что огонь имѣетъ теплое свóйство: и сему больше ученія такого Фізіка вѣрили, которой сказывалъ, что свóйство огня въ жженіи и согрѣваніи

состоитъ. Древнихъ лѣтъ науки: тѣмъ нынѣшнихъ лутче, что свободнѣе были. Тогдашнихъ вѣковъ ученые люди, доказательствамъ больше всего вѣрили; а на авторовъ мало смотрѣли. Отъ сего ученія; умножились древнихъ Философовъ секты, и всякъ въ своей наукѣ оставался; а послѣ того ужè разныя мнѣніи и погрѣшности вошли.

При блаженномъ Августінѣ; многихъ людей за то отъ Римской церькви отлучали, ежели кто Арістотелевы книги читалъ. Географовъ называли еретіками, а Астрономовъ за то волшебниками почитали; что они затмѣніе солнцу и лунѣ угадывали. Разсуди: справедливо ли Папежская власть втомъ поступала? Я: [про себя говоритъ авторъ] для того разсужденія много о сей важной и деликатной матеріи не распространяю, что большую часть моего знанія отъ природы получилъ, а въ наукахъ почти не обращался, за тѣмъ что большую половину жизни моей въ военной службѣ препроводилъ, и очень мало книгъ читалъ, да больше свѣтскаго обхожденія смотрѣлъ и учился людей знать, дабы къ разсужденіямъ моимъ небольшую практіку прибавить.

Сіе научило меня: мудрымъ и ученымъ людямъ въ должной имъ славѣ и

Ж по-

почтеніи отъ свѣта не завидовать, а самому отомъ не печалиться; что я и до малѣйшаго луча славы ихъ достигнуть не могъ.

Мое главное намѣреніе; только къ опровержению того неосновательнаго мнѣнія клонится, будто дворянину въ Секретарскомъ чинѣ быть нельзя, или неприлично. Ежели въ томъ спору нѣтъ, что ученой храбрымъ быть можетъ; то ктобъ уже сему противиться сталъ, будто храброму человѣку Секретаремъ быть не можно? Здравой умъ съ науками, также къ добрымъ въ статскомъ чинѣ поступкамъ надобенъ, какъ храбрость къ исполненію военныхъ дѣлъ необходима.

ЕЖЕЛИ ДВОРЯНИНЪ СЪ ПРИРОДЫ КЪ НАУКАМЪ СКЛОНЕНЪ, ТО ЕМУ УЧИТЬСЯ НАДОБНО; А БЕЗЪ СКЛОННОСТИ, УЧЕНЫМЪ БЫТЬ НЕЛЬЗЯ.

Я о томъ не говорю: будтобы салдату нельзя было пробавиться безъ того искусства въ разговорахъ и письмахъ, которое Секретарю необходимо; а и секретарство за такой чинъ не почитаю, котораго бы всякому шляхтичу искать надлежало; да только то доказать стараюсь, что сей чинъ всякому ученому дворя-

дворянину приличенъ, и исканія ево достоинъ. Притомже желаю внушить, дабы никто Секретарскаго чина не презиралъ. Мнѣжъ еще сіе непонятно, для чего бы тотъ своему Государю шпагою въ полѣ противъ непріятелей ево съ честію служить не могъ, кто Его Величеству въ кабінетѣ, вѣрныя и полезныя услуги перомъ своимъ приноситъ?

О томъ ужѐ выше сего писано; коимъ образомъ въ военную службу опредѣляющагося шляхтича, ничто къ неприличнымъ ему наукамъ не обязываетъ, и премудрымъ быть не принуждаетъ: а нынѣ на прежнее мое предложеніе возвращаюсъ, что всякому свой нравъ и природную склонность знать надобно. Тотъ бы себя недостойнымъ милости божія, и по его повелѣнію отъ природы полученныхъ даровъ учинилъ; ктобы натуральнаго своего ума къ лутчему не обращалъ. Природная склонность къ наукамъ, есть такой знакъ; что хотя доля ево богатства и лишила, однакожъ науки и добродѣтель съ заслугами подлинное щастіе ему оставило; чего ради онъ симъ дарованіемъ тѣмъ болѣе пользоваться долженъ, что безъ ево помощи щастливымъ быть нельзя.

Сей талантъ; въ то время съ заж

 женною

женною свѣчою напередъ идетъ, какъ человѣкъ трудныя и темныя вещи разсматривать хочетъ; онъ человѣку лутчей совѣтникъ. Жестокіе нравы умягчаетъ, всякому человѣку пріятнымъ творитъ, изъ незнаемости выводитъ, и выше другихъ посаждаетъ.

Сіе бы премудрое и весьма полезное узаконеніе было; ежелибъ не имѣющихъ къ наукамъ склонности, въ школы и къ наученію не допускать. Конечно бы уже опасаться не надлежало, что отъ множества школьниковъ, число ученыхъ людей умалится. Сія куча всякаго зброду, и разныхъ чиновъ невоздержнаго житія молодыхъ и средняго возраста людей, которые только передъ ворóтами университетовъ и знатныхъ школъ всякой часъ толпятся, и бродя по улицамъ публичныя драки и жебрачества, а по дворамъ скитаясь многіе непорядки и шалости дѣлаютъ; изъ тысячи человѣкъ студентовъ, едва одного ученаго черезъ десять или пятнатцать лѣтъ производитъ. Наука ихъ надменными, высокоумными, и такъ невоздержными творитъ; что важныя умъ и силу свою преходящія дѣла предпринимаютъ, съ такимъ глупымъ и суетнымъ мнѣніемъ, будто вся Философія съ премудростью въ текѣ

[кожа

[кожа въ которой ученики бумагу, перье и письма свои носятъ] ихъ завернута. Ни одной причины вещи прямо не зная, думаютъ бутто уже до крайняго совершенства въ наукахъ достигли: а для того что не своими да учительскими глазами на все смотрятъ; и видно что натура имъ кромѣ памяти, ничего не удѣлила.

Самое искусство ежедневно насъ учитъ: что всѣ тѣ люди весьма опасны, которые о томъ сумнѣваются, чего сами не знаютъ. Отъ нихъ то различныя ереси и расколы въ вѣру вошли. Великія тысячи добросовѣстныхъ людей въ крайнее беспокойство приведены; а бесчисленное множество знатнаго рода молодыхъ людей пропало.

УЧЕНОМУ ШЛЯХТИЧУ, МОЖНО ЧИНЪ ПО СВОЕМУ ЖЕЛАНІЮ ВЫБРАТЬ; А ЗНАНІЕ СВѢТА И ЛЮДЕЙ, НУЖНѢЕ ВСЕГО.

Между всѣми отъ наукъ происходящими преимуществы; выборъ чина не послѣдняя польза. Ежели щастїе за дворяниномъ на войну идетъ, то ево и въ мирное время найти можетъ. буде онъ къ наукѣ своей раченїе приложитъ, то въ предпрїятїяхъ своихъ многихъ

выпередить. Ежели салдатомъ быть хочеть; то храбрѣе другихъ будетъ, не забіячествомъ и бросаніемъ себя въ напрасные страхи, но вышшимъ и разсудительнѣйшимъ великодушіемъ, не презирая страхъ, и отъ него не трясшись безъ ума; но пріемля ево такъ каковъ онъ есть, а притомъ въ памяти имѣя, что смерть всѣмъ нещастіямъ конецъ, а вѣчному покою начало.

А ежели въ статскомъ чинѣ служить пожелаетъ, то въ самомъ своемъ центрѣ будетъ. Тутъ то умъ ево съ охотою распространится, и покажетъ человѣческое состояніе въ особливомъ обхожденіи, въ партікулярныхъ письмахъ, и въ публичныхъ дѣлахъ.

Я не къ такимъ мудрымъ, славнымъ, и совершеннымъ людямъ слово мое простираю, у которыхъ мнѣ самому учиться надлежитъ; но съ тѣми молодыми людьми говорю, которые природную ко всему доброму склонность имѣя, о избраніи себѣ чина подлиннаго намѣренія не приняли. Описываю имъ красоту и изрядство наукъ, а притомъ сказываю; что слава, почтеніе, и щастіе, необходимо за ними послѣдуетъ, ежели искусной человѣкъ опасно ихъ хранитъ.

Школьной науки недовольно. Есть другой

другой способъ: который показываетъ какъ человѣку науки свои употреблять, и въ дѣйство производить. Сей экстрактъ лутчаго ученія: изъ дому въ домъ бѣгая ни по Гречески ни по Латіни не говоритъ, да только прямой путь кажетъ, какъ оба сіи языки употреблять. Сія наука ко двору ходитъ, у вельможъ бываетъ, дамамъ не противна, военнымъ пріятна, а притомъ нетолько купцовъ, художниковъ или мастеровыхъ, но и самыхъ крестьянъ не презираетъ. Ее то свѣтскою наукою, или знаніемъ всего на свѣтѣ зовутъ. Ея проводникъ мудрость, а учитель; обходительство и практіка. Во всемъ она другимъ наукамъ тужъ пользу приноситъ, что золотыхъ дѣлъ мастерà и ювелиры, обдѣлкою и гранью алмазамъ и другимъ драгоцѣннымъ каменьямъ даютъ.

Поистиннѣ: гдѣ глупѣе и смѣшнѣе такого человѣка сыскать, которой въ слободѣ столицы живучи, не только лицà Монарша или Государева двора никогда не видалъ, но и въ городѣ отъ роду своего ногóю не бывалъ? Какая ему отъ знанія Еврейскаго, Греческаго, и Латінскаго языка польза будетъ?

По моему мнѣнію; ничего кромѣ смѣху между честными людьми, и тако-

кого признанія не получитъ; что онъ глупѣе послѣдняго школьника, которой хотя мало между людьми обращался.

Въ школѣ: получаетъ человѣкъ первое познаніе вещей, и собираетъ матеріалы на строеніе палатъ, а знаніе свѣта; учитъ насъ Архітектурѣ и порядку въ составленіи всѣхъ частей. Кажетъ человѣка искуснымъ безъ высокоумія о мудрости, приводитъ въ изрядство разговоры, и украшаетъ нравы человѣческіе. Творитъ насъ скромными въ обхожденіи, и пріятными всѣмъ. безъ нее наука пуста и непріятна; а для того простаго рода, натуральной умъ и школьное ученіе получившимъ людямъ; отъ сея природной грубости очиститься, весьма трудно.

Лутчее лѣкарство къ обмытію шляхтича отъ сей нечистоты втомъ состоитъ: чтобъ ему заранѣе въ люди ходить, а притомъ приказывать съ кѣмъ знаться, и отъ кого убѣгать? Какъ и когда знатнымъ особамъ поклонъ свой отдавать; благопристойность и учтивство въ наималѣйшихъ обстоятельствахъ хранить. Умѣренную смѣлость, безъ спеси и наглости въ поступкахъ своихъ имѣть; учтиву безъ раболѣпства, а вѣжливу безъ трусости и похлѣбства быть. Но понеже невоздержаніе и неумѣренность,

въ

въ наилутчихъ вещахъ порокъ; то весьма надобно и сей наукѣ тогожъ беречься, для того что она подобна такому сладкому вину, которое сердца умныхъ, добрыхъ, и честныхъ людей веселитъ: а дураковъ и подлыхъ, пьяными и бѣшеными дѣлаетъ.

Худое употребленіе, лутчія вещи портитъ; а человѣческая невоздержность, многимъ непорядкамъ причиною. Человѣческое состояніе хуже и бѣднѣе бы скотскаго было, ежелибъ ему всего того отстать, въ чемъ страхъ или опасность есть.

Огнемъ топятъ печи, отъ невоже и пожары бываютъ. Здоровымъ воздухомъ люди живутъ, а отъ вреднаго умираютъ. рѣчная, колодезная, и озерная вода насъ поитъ, кормитъ, и утоляетъ жажду; а морская и болотная, вредъ и болѣзнь человѣку дѣлаетъ. Отъ умѣреннаго питья віна, человѣкъ веселъ и здоровъ; а отъ невоздержнаго пьянъ, и боленъ будетъ. Сіе писано на показаніе того; что воздержаніе во всякихъ вещахъ добродѣтель, а невоздерность порокъ.

Страсти; подобны ружью Ежели ружье у тебя въ рукахъ, то имъ обороняться можешъ; а буде непріятель

шпагу у тебя изъ рукъ вырветъ, то бойся чтобъ онъ твоею же шпагою тебя не закололь.

Мы признаваемъ страсти за страшныя чудища; а для того что ихъ не знаемъ. Слабость сихъ мнимыхъ монстровъ или страшилищъ, отъ слабости нашего ума приходитъ.

Дай разуму волю страсти разсмотрѣть; онъ скоро ими овладѣетъ, и всѣхъ ихъ духу покоривши на добро употребитъ. Какова любовь ни страшна, только и она послѣ сего смотру, не опасна и не грѣшна будетъ.

Мудрые люди; сей воздержности какъ душѣ всея твари, союзу общенія, житія и обходительства свѣтскаго, также какъ матери веселія и мира между человѣки, всегда послѣдовали. Набожные и добродѣтельные люди здѣлали изъ него необходимую добродѣтель, и начало тому любленію, которое человѣка съ ближнимъ соединяетъ; а я признаваю сіе содержаніе за большую часть такого умѣреннаго пламени; которое согрѣвая человѣку сердце просвѣщаетъ разумъ, на обрѣтеніе красотъ той свѣтской науки или знанія свѣта, которое нетолько шляхтичу, но и всякому честному человѣку необходимо.

РАЗГОВОРЫ И КОНФЕРЕНЦІИ, ПОЛЕЗНѢЕ НАУКЪ.

Свѣтъ сей такая великая книга, что на всякой часъ человѣка учитъ. Обхожденіе, живая наука; и въ изрядствѣ своемъ не хуже книгъ.

Умные разговоры; подобны кремнямъ, которые изъ холоднаго и крѣпкаго своего корпуса огненныя искры даютъ, ежели одинъ объ другой ударитъ.

Обходительство съ двумя или тремя умными людьми; лутче науки всѣхъ школьныхъ мастеровъ и педантовъ. [враль] Откровенные такихъ мудрыхъ людей разговоры, отворяютъ у человѣка природнымъ невѣденіемъ въ темнотѣ незнанія запертой умъ; и больше того въ одинъ часъ покажутъ, нежели человѣкъ въ три дни изъ книгъ научиться можетъ. Дѣйство и видъ лица, такую непостижимую пріятность въ себѣ имѣютъ; которая о всемъ томъ крѣпко увѣряетъ, что человѣкъ рѣчью своею предложить намѣренъ.

Всѣ слушатели примѣчаютъ, что отъ добраго оратора говоренная рѣчь, высока и изрядна кажется, хотя и въ простыхъ рѣчахъ состоитъ; а другова рѣчь гораздо ужѐ пріятнѣе ежели оную прочесть, нежели изъ устъ сочинившаго

слу-

слушать, и видно; что сїе презрѣнїе отъ согласїя приходитъ.

Хотя чувства наши раздѣлены, и всякому особливое мѣсто есть, однако между ими такой недовѣдомой и тѣсной союзъ; что вещи изъ одного въ другое чувство, непонятнымъ образомъ переходятъ.

Слухъ: принимаетъ звоны и голосы, а посылаемые отъ него къ воображенїю вещи; такое сходство съ тѣмъ порядкомъ имѣютъ которой отъ разсужденїя въ мысли приходитъ, что умъ отъ сего согласїя плѣняется; а затѣмъ, что на разобранїе отъ сего согласїя приходящихъ вещей, не имѣетъ времени.

Тому сїе согласїе чувствъ въ прїятныхъ рѣчахъ и разговорахъ, не странно покажется; кто игранїе на їнструментѣ искуснаго въ музыкѣ, и славнаго мастера услышитъ.

Въ музыкѣ такїе голосы есть; которые душу человѣческую къ печали и унынїю склоняютъ, а иные сердце веселятъ, ободряютъ; и умъ нечувствительно услаждаютъ.

Сказываютъ: будто Александръ услышавъ прїятной звонъ Арфы самъ копье ухватилъ, и съ непрїятельми бился; а мы всякой день видимъ, что военная музыка

музыка съ литавренымъ боемъ и барабаннымъ шумомъ, къ дракѣ съ непріятелемъ побуждаетъ.

На царство Israилю богомъ помазанной Давідъ: пріятнымъ играніемъ на Арфѣ, мучительныя дѣйства живущаго въ шолѣ тестя своего Саула злова дýха успокоивалъ и въ тихость приводилъ. Посему ужè никагого въ томъ сумнѣнія нѣтъ; что голосъ человѣческой больше чтенія услаждаетъ и учитъ, потому что голосъ соединенъ съ живыми духами, а чтеніе образъ мыслей мертваго человѣка; и для того самая вещь человѣку чувствительнѣе писменнаго объ ней извѣстія. Во многихъ и далекихъ путешествіяхъ бывшей, гораздо лутче того всѣ мѣста знаетъ, нежели какъ оныя на ландкартѣ изображены; а на многихъ осадахъ и оборонахъ городовъ, также на баталіяхъ и акціяхъ бывшей старой салдатъ: всѣ обстоятельства несравненно лутче того знаетъ, нежели какъ о томъ въ книгахъ пишутъ.

Ежели Юриспруденція въ однихъ только книжныхъ предѣлахъ заперта, а здоровымъ разумомъ и зрѣлымъ разсужденіемъ по обстоятельству дѣлъ, изъ узкихъ границъ своихъ не вывожена; то отъ нея невеликая сила и польза будетъ.

По-

По сему; лутче съ искуснымъ и въ дѣлахъ долго обращавшимся адвокатомъ, нежели съ славнѣйшимъ Профессоромъ Юріспруденціи совѣтовать.

Медіцінская наука; въ головѣ молодаго и ничего невидавшаго Доктора, весьма опасна. Недовольно того; что онъ Іпократовы и Галеновы книги отъ доскѝ до доскѝ прочелъ, да надобно то: чтобы многіе больные отъ него вылѣчены были.

Теорія; [наука изъ книгъ и отъ учителей] до тѣхъ поръ не подлинна, пока въ практіку произведена не будетъ; а и съ прочими науками, тоже обстоятельство.

Къ придворной службѣ рожденной шляхтичъ; между книгами солдатомъ, а въ деревнѣ придворнымъ, никогда не будетъ.

Чудное дѣло: что нетолько между цѣлыми народами, но между уѣздами, городами, и между чинами великое различіе. Дворянинъ: во нравахъ, манірахъ, въ компліментахъ, въ обхожденіи, и во всѣхъ своихъ поведеніяхъ отъ купца весьма различенъ; а между шляхетствомъ, придворные отъ провінціальныхъ дворянъ весьма отмѣнны.

Кто честнымъ шляхтичемъ, и совершеннымъ придворнымъ быть хочетъ; тому съ молодыхъ лѣтъ учиться должно,

лжно, вѣдая; что сїя наука высокаго и труднаго предприятия, а притомъ долговременнаго искусства и отмѣннаго примѣчанїя требуетъ.

ЗЛЫХЪ; И ДУРАКОВЪ БѢГАТЬ.

Сей пунктъ такъ важенъ: что отъ него красота нравовъ, и благополучїе шляхетской жизни зависитъ.

Обхожденїе со злыми; всякаго а особливо молодаго человѣка, ко грѣху и всякимъ злостямъ нечувствительнымъ образомъ приводитъ: а для того, что человѣкъ исполненїе злости съ охотою начинаетъ; а отъ заобыкновенїя втомъ, нечувствительнымъ образомъ въ окаменение приходитъ.

Роскошь: такую прїятность въ себѣ имѣетъ, что помалу умъ, волю, и сердце молодаго человѣка плѣняетъ. Она подобна такому разбойнику, которой на спящихъ хозяевъ нападаетъ. Веселымъ и прїятнымъ лицомъ къ человѣку приходитъ; и обѣщанїемъ разныхъ забавъ украшена. Для усыпленїя и обману хозяина въ домѣ, то есть ума въ головѣ; татски въ сердца къ намъ вкрадывается. Надъ самое мѣсто къ низверженїю человѣка въ пропасть, по такой дорогѣ ведетъ; которая цвѣтами усыпана, а распро-

а распростертыми руками для того насъ обнимаетъ, чтобъ скорѣе и лѣхче удушить. Но понеже роскошь добродѣтели главной и смертельной недругъ: то она къ ведущему до щастія пути, всегда спиною оборачивается. Какъ скоро роскошь человѣкомъ завладѣетъ, то ужѐ по своей волѣ ево наряжаетъ. Пороками и злыми обычаи, какъ желѣзами и кандалами по рукамъ и по ногамъ ево вяжетъ. Сею проказою зараженной, вмѣсто служебъ и угожденія господину своему, на кабаки и въ безчестные домы дверьми ходитъ, а оттуда въ о́кна вылѣзаетъ. Дни свои въ лѣности проводитъ, а забавы: мѣшаютъ ему должность свою исправлять.

О сей камень; неразсудная молодость часто запинаясь падаетъ, и временемъ жестоко бьется.

Много такихъ молодцовъ видано, которые съ природы не глупы были, и щастія себѣ легко найти могли: токмо отъ праваго пути удалившись, въ дебри роскошей и въ болота всякихъ невоздержностей забрели, а напослѣдокъ весьма за худое ремесло принялись. Сперьва стали карманы у людей облегчать, а потомъ къ Картушу [славной во Франціи разбойникъ] въ лакѣи пошли, и такъ

и такъ вмѣсто уповаемаго щастія; на эшафотѣ и виселицахъ, жизнь свою за неволю окончали.

Хотя общеніе съ дураками не такъ страшно, и такого паденія не производитъ какъ о злыхъ писано; только щастію человѣческому всегда противится. Всякъ втомъ моево мнѣнія будетъ, что у дураковъ никто ума не сыщетъ, и кромѣ безумства ничего добраго не переиметъ: а тому ужѐ и статься нельзя, чтобы между умнымъ и дуракомъ дружба была. Всѣ обстоятельства между ими такъ трудны и различны, что у разумнаго съ безумнымъ во вѣки согласію быть нельзя. Люди весьма того смотрятъ, съ кѣмъ умной и добродѣтельной человѣкъ обходится; а какъ скоро дураковъ или злыхъ около ево увидятъ, то худое объ немъ мнѣніе имѣть начинаютъ. Дураки къ забавѣ и увеселенію компаніи приличны, только ужѐ въ друзья никому, а особливо умному не годятся.

Разумные люди; нетолько съ дураками никогда не шутятъ, но и ничемъ ихъ не трогаютъ, вѣдая отъ того опасныя слѣдства. Въ одномъ съ ними мѣстѣ быть не хотятъ, и какъ можно отъ нихъ удаляются.

О СУЕТѢ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНОЙ АСТРОЛОГІИ, [ЗВѢЗДОЧЕТНАЯ НАУКА ВЪ УЗНАВАНІИ БУДУЩАГО] О НЕРАЗУМІИ ЛЮДЕЙ, И О ТОМЪ: ЧТО ПРЯМОЕ ЩАСТІЕ ЕДИНОЮ ИСКРЕННОСТІЮ ПОЛУЧАЕТСЯ.

Хотя нѣкоторыхъ сектъ Філософы и говорятъ, будто на свѣтѣ ничего подлиннаго нѣтъ однако намъ лутче сказать, что все подлинно: только науки наши для того обманчивы, что мы умомъ своимъ слабы, а на то невѣденіе свое не смотря все знать хочемъ, и однимъ изслѣдованіемъ натуры будучи недовольны, такія будущія вещи вѣдать желаемъ, которыя вещества въ себѣ не имѣютъ; и въ звѣздахъ какъ въ великой книгѣ то прочесть думаетъ, чему на землѣ быть, а потóмъ изъ виду или соединенія планетъ чудныхъ случаевъ напрасно уповая, также отъ правды отдаленное разсужденіе въ голову забираемъ, каковы самыя звѣзды отъ землй далеки.

Я самъ сію науку за смѣшную и суетную всегда почитаю. Ежели то неминуемо збыться должно, что Астрологія намъ предсказываетъ; то на что человѣку сіе знать? Какая человѣку отъ того польза, ежели онъ предсказаннаго себѣ случая отвратить, или тому ничемъ помóчь не въ состояніи? Что

безща-

безщастному человѣку отъ знанія того прибыли, что ему голову на эшафотѣ потерять или повѣшену быть: кромѣ душевнаго беспокойства и такого всегдашняго страху, отъ котораго онъ за 30 лѣтъ до того; или съ ума сойти, или безвременно умереть можетъ?

А ежели ему какое щастіе случиться имѣетъ, то какая нужда мучиться нестерпимою надеждою, и всечастнымъ жданіемъ того; чему подлинно быть?

Ежелижъ сія наука ложна, что и доказать не трудно; то не стыдно ли умному человѣку весь разумъ свой въ то углубить, и драгое время жизни своей на оную науку терять? Сія работа безмозгихъ людей питающихся хімерами: или такихъ обманщиковъ, которые все то въ крайней тайности содержатъ, чего сами не знаютъ, для прельщенія женъ, робятъ, и всему безъ разсужденія вѣрющихъ людей.

Поистиннѣ: безуміе такая почти всесвѣтная болѣзнь, которая на многіе роды раздѣляется; и я весьма тому дивлюсь, для чего древніе язычники фортунѣ прежде, нежели безумію хра́мы дѣлать на́чали. Ежели человѣку о собственномъ разумѣ, и о своихъ умныхъ поступкахъ разсудить; то всеконечно

долженъ будетъ признаться, что и самые премудрѣйшіе люди, въ великія проступки и погрѣшеніи часто впадаютъ. А истинная сему причина то, что человѣкъ никогда одного твердаго и постояннаго намѣренія не имѣетъ.

Какъ Король Пиррь сталь вооружаться на Италію, то Философъ Цінеей ево спросилъ. Что Ваше Величество въ то время здѣлаете, какъ Римлянъ своей державѣ покорите? Поиду въ Сіцілію; [отвѣчалъ Піррь] и ежели щасливъ буду, то оружіе мое изъ Сіціліи въ Афріку перенесши Карѳагену и Лівію возьму. Ежели сіе удастся, что потомъ учините, еще Цінеей спросилъ? Тогда ужѐ большія намѣреніи возьму, сказалъ Піррь. Какойже конецъ трудамъ вашимъ будетъ? Покой; отвѣтствовалъ Король. Філософъ услышавъ сіе, сталъ просить: Пожалуй! всемилостивѣйшій Государь, начни симъ покоемъ съ нынѣшняго дня наслаждаться. На что вамъ такіе великіе проѣкты къ завоеванію того, что у васъ дѣйствительно въ рукахъ? По что душевное спокойство съ веселіемъ се́рдца терять, которымъ Ваше Величество не выходя изъ своего Королевскаго дому наслаждаться можете! За чемъ себя и здоровье свое въ крайніе страхи и бѣды

отва-

отваживать, на сыскание неизвѣстной побѣды, а притомъ извѣстной смерти всечасно бояться?

Ни одного такого неправеднаго мнѣнія нѣтъ, которое бы единомышленныхъ себѣ не имѣло. Въ Аѳинахъ такой Ораторъ былъ, которой ничего больше не дѣлалъ, какъ тридневной лихорадкѣ, панегѵрики [похвалы] писалъ. Бѣдность у всякаго человѣка покой отнимаетъ; а Анакреону богатство спать не давало, чего ради онъ тѣ шесть тысячъ червонныхъ къ Полікрату назадъ отнесъ, которыя сей Самосской владѣтель Анакреону въ даръ прислалъ.

Видно; что Демокрітъ былъ веселаго нрава, а Гераклітъ меланхолікъ. Демокритъ все презиралъ и всему смѣялся, а Гераклітъ обовсемъ плакалъ. Ежели бы кто посредственной между ими нравъ имѣлъ, тотъ бы всеконечно умнѣе обѣихъ былъ.

Хотя всякая земля въ своемъ правленіи особливую політіку имѣетъ: однакожъ всѣ къ одному концу идутъ, только разными дорогами.

Различіе умовъ, и разсужденій начало; а природное наше невѣденіе, причина всему.

Правда такъ велика и честна, что люди недостойны ее видѣть; чего ради

она подЪ многими видами и такЪ кроется, что едва одному разумному, и то во сто лѢтЪ одинождьі лицо свое покажетЪ.

Правда: одной только православной Хрїстїанской вѢрѢ безЪ всякаго закрытїя себя являетЪ, и сЪ нею всегдашнее общенїе имѢетЪ, а для того что истинная во Хрїста Спаса нашего вѢра; превѢчная правда. Она предписываетЪ намЪ непоколѢбимыя пра́вила, какЪ вЪ свѢтѢ будучи поступать, а потóмЪ спасенїе душй и жизнь вѢчную получить. безЪ нея природной человѢческой умЪ такЪ слѢпЪ; что всякаго острото ю натуральнаго разума хвалящагося, кЪ про́пасти и вЪ погибель ведетЪ.

ЗаповѢди ея всегда праведны, а обѢтованїи во вѢки непоколѢбимы и истинны. САМАЯ ПРЕВѢЧНАЯ, СЪ НЕБЕСЪ НА ЗЕМЛЮ СОШЕДШАЯ ПРАВДА; до временнаго человѢку щастїя и до некончаемаго блаженства касающееся пра́вило вЪ двухЪ словахЪ заключила: *Ищите прежде царствїя Божїя и правды его, и сїя вся приложатся вамЪ.*

Сему глубочайшею премудростїю наполненному святому ученїю, весь свѢтЪ безЪ сумнѢнїя вѢритЪ, и оное са́мымЪ дѢломЪ исполнять долженЪ. Сила сей спасительной заповѢди втомЪ состоитЪ, дабы

единой

единой добродѣтели держаться, а злости съ худыми дѣлами убѣгать.

Добродѣтель: есть склонность или движенїе души къ благому, какъ природной причинѣ своего желанїя. Ежели человѣкъ сему благу, не удаляясь отъ прямаго пути послѣдуетъ; то оно ево ни къ какому злу и къ нещастїю привесть не можетъ. Ты мнѣ можешъ сказать, что добродѣтельнѣйшїе люди невсѣ щастливы; а я тебѣ отвѣчаю, имъ для того безщастнымъ быть нельзя, что они добродѣтелью дѣйствительно владѣютъ. Добродѣтель; наибольшее изовсѣхъ благъ, и лутче всякаго богатства, а слѣдственно ко учиненїю своихъ послѣдователей щастливыми, ничего кромѣ себя самой не требуетъ. Ежели же богъ по своей святой волѣ и особливому провидѣнїю: злыхъ на высокую степень возведетъ, то сїе для большаго имъ нещастїя и толь незабвеннѣйшаго на свѣтѣ паденїя дѣлаетъ; а смерть грѣшниковъ для того по слову святаго Псалмїста люта; что жизнь ихъ полна горести, злобы, и на беспокойствѣ основана была.

Злость съ лукавствомъ добродѣтели противится, и временемъ надъ нею великїе поиски чинитъ; только притомъ всегда прячется; а какъ скоро доброде-

тель сію злость увидитъ, то оную грознымъ своимъ видомъ, какъ Василискъ глазами убиваетъ.

Мудрость добродѣтели; въ блискомъ родствѣ. Она то всѣ изрядныя свойства усматриваетъ, и сердца Царей къ показанію милости слугамъ ихъ склоняетъ. Правда въ дѣлахъ, искренность въ совѣтахъ, и вѣрность въ службѣ подданнаго: безъ предстателей у Государя за такого добраго слугу стараются, о повышеніи просятъ, а притомъ тайныхъ и явныхъ ево непріятелей отгоняютъ.

Искренность съ правдою, подобна морской пучинѣ; въ которую всѣ рѣки и источники текутъ: а къ искренности съ правдою, всѣ добродѣтели собираются. Для учиненія человѣка добрымъ и честнымъ; богъ разумному волю и совѣтъ свой вручилъ, а притомъ вторымъ причинамъ дѣйствовать повелѣваетъ. Человѣкъ своему щастію и нещастію самъ причина. Слѣпой скорѣе зрячаго упадетъ. Потщимсяже все свое основаніе на мудрости положить, и дѣла наши съ поступками на ней утвердимъ; а ежели ужè за тѣмъ успѣху не будетъ, то предадимъ себя волѣ и судьбамъ Всемогущаго, вѣдая что Онъ съ нами все по своему благоволенію творитъ, и намѣ-

реніи

реніи человѣческія для непостижимыхъ намъ причинъ опровергаетъ. Все отъ святой его руки приходящее, съ благодареніемъ примемъ. Нещастіе за наказаніе грѣховъ нашихъ признаемъ, и во всемъ правосудію божію съ должнымъ подобострастіемъ повинемся; а фортуну или щастіе перестанемъ мы о томъ порицать чего она не знаетъ, и въ чемъ невиновата.

ПРА́ВИЛА

I.

Сею книгою требуемой человѣкъ; отъ другихъ отмѣненъ, особливъ, и весьма мало подобныхъ себѣ имѣетъ. Всѣми такими таланты одаренъ: которые человѣка въ свѣтѣ великимъ и славнымъ, а богу благоугоднымъ творятъ.

2.

Великой судья, великой гражданинъ, великой совѣтникъ себѣ, и другимъ: великой хранитель законовъ, а притомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ великъ.

3.

Какъ сердце ево отъ другихъ весьма отмѣнно, такъ и намѣреніи различны, то есть добры и изрядны; для того что всѣ прямы и справедливы, а притомъ съ волею божіею согласны.

4.

Со всѣми въ согласіи живетъ; а споры и прекословія за обра́зу почитаетъ.

5.

Ничьего разсужденія не презираетъ, а свое мнѣніе правдою утверждаетъ.

6.

Чужіе пороки извиняетъ, и въ нихъ какъ въ зеркалѣ смотрится; а ежели въ

себѣ

себѣ какой порокъ найдетъ; то о исправленіи ево крайнее старанïе прилагаетъ, дабы никому беспокойства и тягости не причинить.

7.

Хотя въ комъ порокъ и усмотритъ, однако никого тѣмъ не порицаетъ и не обличаетъ; ежели такïе пороки имѣющей ему не подвластенъ.

8.

Въ себя приходитъ непоказывая никакихъ внѣшностей, и во храмъ молчанія часто уединяется, а ежели какая причина велитъ ему оттуда вытти; то онъ кромѣ разумныхъ, ни съ кѣмъ не общается.

9.

Свѣтскихъ обязательствъ какъ возможно убѣгаетъ, вѣдая; что за однимъ обязательствомъ другое и большее слѣдуетъ, а отъ того и паденïе недалеко.

10.

А и въ великія дѣла не охотно входитъ, зная; что начало дѣлу скоро, да конецъ весьма медлѣнъ.

11.

Будеже за что возмется; то мудрость по немъ порука, осторожность ево свидѣтель, а здравой разумъ съ правдою, лутчïе у него проводники.

12.

12.

Ежели одиножды [какъ человѣкъ] въ чемъ проступится; то съ крайнимъ прилѣжанїемъ себя остерегаетъ, дабы сей проступки въ другоредь не здѣлать.

13.

Въ дѣлахъ своихъ; кромѣ доброй совѣсти никакихъ пра́вилъ не имѣетъ. Все отъ разума повелѣнное исполняетъ, а отъ запрещеннаго имъ удерживается.

14.

Весьма того бережется, дабы по своенравїю и своевольству ничего не дѣлать; а страхъ, никогда имъ не обладаетъ.

15.

Всегдашнее и сильное просвѣщенїе, указываетъ ему исполненїе блага и добродѣтели; а отъ зла нетолько воздерживаться, но и бѣгать велитъ. Ему все то мерзско, что невинность ево въ подозрѣнїе привесть; а того съ искреннимъ желанїемъ ищетъ, что самого и доброе имя ево, сохранить можетъ.

16.

Всегда и со усердїемъ добро̀ дѣлаетъ; не для того, чтобъ себя передъ свѣтскими досмотрщиками добрымъ человѣкомъ показать, да больше ради того, что худова здѣлать не можетъ.

17.

буде ево обличатъ, то онъ за сїе благодаритъ; и отчасу лутчимъ быть старается.

18.

Тогда полезное любитъ, когда оно честно: а непристойнаго больше для того не дѣлаетъ, чтобъ совѣсти своей не обеспокоить, и собственной скромности не уязвить; а не ради страху отъ вышнихъ своихъ.

19.

Въ трудномъ и сумнительномъ; всегда съ своимъ разумомъ совѣтуетъ. А въ искренности дѣлъ, въ правости намѣренїи, и въ безпристрастїи поступокъ своихъ, собственную совѣсть и неповинную душу; въ свидѣтели беретъ.

20.

Всегдашнею бодростїю, и непрестаннымъ разсужденїемъ о собственныхъ проступкахъ, въ уединенїи будучи размышляетъ: дабы передъ самимъ собою съ стыда не краснѣть.

21.

будучи извѣстенъ, что желающему убѣжать порицанія отъ людей, надобно самому себя разсмотрѣть и обвинить, ни въ чемъ себѣ не прощаетъ; но во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ, самъ

за

за собою слѣдство производитъ. Всѣ свои слова на вѣсъ кладетъ, дѣла пересматриваетъ, и все учиненное въ память себѣ приводитъ; а ежели въ чемъ вину свою усмотритъ, то самъ себя наказываетъ.

22.

Хотябъ никакихъ законовъ на свѣтѣ не было; тобъ онъ изрядно и разумно жилъ.

23.

Не дожидается того, дабы законы властію своею къ исполненію того принудить ево могли, что онъ по доброй своей совѣсти согласно съ ними дѣлать долженъ: но съ принужденія здраваго разума, доброю волею и радостнымъ сердцемъ все то исполняетъ, что законы повелѣваютъ; а другіе люди изъ подъ неволи, и съ принужденіемъ дѣлаютъ.

24.

Всегда своими страстьми, движеніями, и самимъ собою обладая, гнѣву и пристрастіямъ не поддается; также никогда по совѣту и по приказу ихъ, ничего не исполняетъ.

25.

Всего уповаетъ отъ бога; а отъ щастія ничего не ждетъ.

26.

Ничего съ горячестію не желаетъ, и ни за чемъ безъ разсужденія не бѣгаетъ; но всего дожидается отъ времени, что оно ему принесетъ, или въ чемъ откажетъ.

27.

На то не глядитъ, скоро или медлѣнно что дѣлаетъ; да того только смотритъ, чтобъ дѣло добрò, а трудъ ево похвалы достоинъ былъ.

28.

Никогда не спѣшитъ, и ни въ чемъ не торопится, вѣдая; что человѣку въ скорости ничего изряднаго здѣлать не льзя, а съ поспѣшеніемъ учиненныя дѣлă рѣдко совершенны бываютъ.

29.

Мало и рѣдко говоритъ, а ежели что скажетъ; то словà ево сильны, и много значатъ. Никогда противъ своего мнѣнія не говоритъ; а мысль свою не всѣмъ, и не всегда открываетъ.

30.

Знатныхъ чиновъ не ищетъ, и высокихъ достоинствъ не добивается; но прежде желанія своего получаетъ, а потóмъ всѣ ихъ безъ прозьбы, и искательства другихъ оставляетъ.

31.

Въ чины вступаетъ, безъ насильства и самолюбія. Соединенныя съ ними должности и дѣла, скромно и воздержно отправляетъ, безъ порока и тщеславія; а ежели нужда позоветъ оные чины оставить, то онъ ихъ и съ дѣлами безъ печали, и безъ принужденія оставляетъ.

32.

Обходится съ немногими, токмо съ разумными и добронравными людьми; вѣдая, что добрые нравы въ обхожденіи получаются.

33.

За щастіе себѣ почитаетъ ежели такихъ людей найдетъ, которыхъ желаніе къ полученію премудрости и высочайшаго блага клонится; а для того, что и онъ отъ обхожденія съ ними такоежъ честное, и достохвальное намѣреніе получитъ.

34.

Всегда и у всѣхъ въ почтеніи: для того что границъ собственнаго искусства никому не кажетъ, а глубины своего ума, испытать не допускаетъ.

35.

Здравое разсужденіе, и присудствующей умъ всегда имѣетъ. Помнитъ что дѣлаетъ, и знаетъ что дѣлать долженъ;

а съ беспамятства и отъ неосторожности; ни въ чемъ не проступается.

36.

Прежде начинанія дѣла, отвѣдываетъ силъ своихъ, и собственнаго разума; а не узнавши ихъ, никогда и ни во что не вступаетъ.

37.

Хотя почитаніе за премудраго, крайнее удовольствіе славѣ; только онъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ суетной славы не ищетъ, но токмо о удовольствіи такихъ людей старается; которые подлинно славны и въ самомъ дѣлѣ премудры, а чрезъ то самъ себѣ истинное удовольствіе получаетъ.

38.

На то мало смотритъ, что весь свѣтъ дѣла ево хулитъ, или ево бранитъ: только бы знающіе, умные, и славные люди ихъ хвалили. Притомже знаетъ; что совѣсть ему втомъ не зазритъ, и отнюдь ево не угрызаетъ, а онъ на сіе твердо уповая крѣпко спитъ, и никакихъ переговорокъ не боится.

39.

Къ прекращенію правыхъ дѣлъ своихъ: никакихъ хитростей и вымысловъ не ищетъ; но спокойство свое въ одномъ терпѣніи полагаетъ. Не желаетъ слыть

хитрымъ, но о томъ старается чтобы мудрымъ быть; вѣдая что одно зерно мудрости, лутче цѣлаго закрома хитрости.

40.

Для полученія своего намѣренія, одною пробою не довольствуется, но послѣ перьваго опыту къ другому, и къ третьему приступаетъ. Но понеже знаетъ, что успѣхъ дѣлъ отъ многихъ обстоятельствъ зависитъ; и ежели дѣла по отмѣнѣ обстоятельствъ переиначатся, то и онъ предпріятіе свое оставляетъ; а разуму и правдѣ, никогда и ни въ чемъ не противится.

41.

Ни на часъ безъ дѣла не бываетъ. а какъ скоро одно къ концу приведетъ, то безъ всякой медлѣнности за другое дѣло принимается; и втомъ свою забаву находитъ, чтобъ у него перемѣнная работа была.

42.

Хотя видитъ и слышитъ, однако народному мнѣнію не вѣритъ, и не поддается; но свѣтъ сей и обычай ево за такихъ двухъ обманщиковъ почитаетъ, которые между собою во всегдашнемъ согласіи.

43.

О спасенїи души, о чистотѣ сердца, и о просвѣщенїи чувствъ своихъ, ежечасное старанїе прилагая; больше всего о томъ печется, чтобы себя лутчимъ, а въ добродѣтеляхъ совершеннымъ учинить.

44.

Пересмотромъ въ одинъ день учиненныхъ дѣлъ своихъ, все то увидитъ; что во всю свою жизнь учинилъ. Въ пищѣ и питьѣ воздерженъ; а въ обѣдѣ, въ ужинѣ, въ дѣлахъ, во снѣ, и во всемъ поведенїи порядоченъ. Ни въ чемъ непорядку и излишества у него нѣтъ.

45.

Ни суетнымъ тщеславїемъ своего богатства и великолѣпїя, ни самохвальствомъ о своихъ заслугахъ, и никакими хитростьми о полученїи отъ свѣта славы не старается; но въ добродѣтеляхъ и въ любленїи порядка, истиннаго и твердаго себѣ удовольствїя ищетъ; а какъ истинною и справедливостїю своею получитъ, то непоколѣбимымъ любленїемъ всего честнаго; искренно оное хранитъ.

46.

Скрытенъ съ разумомъ, и скроменъ по причинѣ; вѣдая что мудрость того

не дозволяетъ, дабы всегда и со всѣми откровенно говорить.

47.

Разумомъ и искусствомъ своимъ противится любопытству такого человѣка, которой старается ево узнать; можетъ быть болѣе для учиненія ему вреда, нежели для полученія дружества ево.

48.

Такимъ людямъ не вѣритъ: которые передъ нимъ унижаются, и всегда ево хвалятъ. Притомъ основательное мнѣніе имѣетъ, что они такія ему похвалы для тайнаго угрызенія приносятъ; и больше желаютъ інтереса фамиліи ево, нежели собственной и персональной онаго дружбы; и можетъ быть для того обширную історію о дѣлахъ своихъ ему сказываютъ, дабы симъ хитрымъ способомъ, о ево дѣлахъ и состояніи освѣдомиться.

49.

Волю свою отъ нихъ таитъ, а намѣренія своего съ мысльми отнюдь имъ не открываетъ, вѣдая; что ежели такимъ ложнымъ друзьямъ и політіческимъ непріятелямъ городовые ворота ума своего отворить, то они и всею ево крѣпостью, скоро овладѣть могутъ.

50.

Поступаетъ съ ними скрытно и осторожно; а на предлагаемыя отъ нихъ сѣти и запинанія, недремлющимъ глазомъ смотритъ.

51.

Отъ такихъ людей весьма отмѣненъ, которые о себѣ думаютъ, будто они такъ умны, что ужѐ ни чьего совѣту не требуютъ; а онъ напротивъ того ничего собою не дѣлаетъ, для того что на себя и на собственной умъ не очень надѣется.

52.

О снисканіи себѣ друзей прилѣжно старается, и умомъ своимъ оныхъ получаетъ, зная бѣдность тѣхъ, у кого друзей и благодѣтелей нѣтъ; а той пустыни скучнѣе быть не можетъ, въ которой человѣку безъ друзей и пріятелей жить.

53.

Только такихъ друзей не имѣетъ: которые любятъ при столѣ быть, часто пировать, танцовать, въ комедіи, на балы, и прогуливаться ѣздить. Ему извѣстно; что такіе пріятели на одну только свадьбу годятся, да во время щастія хороши. Столоваго друга пріязнь до тѣхъ поръ, пока ужина или

 обѣдъ;

обѣдъ ; а какъ дѣйствительной услуги или помочи отъ него потребуютъ , то онъ притворною немочью , недосугами , или неспособностью отговариваться начнетъ.

54.

Кромѣ такихъ добрыхъ и истинныхъ друзей не держитъ, которые одну только персону ево любятъ , а щастія не смотрятъ, вѣдая ; что истиннаго друга ни щастьемъ , ни черезъ людей , ни на удачу получить невозможно. Для обстоятельнаго познанія такого друга , всю свою мудрость съ разсужденіемъ употребляетъ, и сему единому выбору ; за пріобрѣтеніе добрыхъ друзей благодарить долженъ.

55.

Хотя ему труда втомъ и много , чтобъ человѣка до принятія въ совершенное и откровенное себѣ дружество , обстоятельно знать ; однако на сіе не смотря , рассматриваетъ дѣла , слушаетъ и кладетъ на вѣски слова , узнаетъ нравъ , а ума ево съ большимъ прилѣжаніемъ смотритъ , нежели самыя темнѣйшаго складу книги разбираетъ , зная ; что лутче человѣку въ цѣнѣ , нежели въ товарѣ обмануться.

56.

56.

Надъ изрядствомъ наружнаго вида не останавливается, но до меритовъ [заслугъ] и основательной существенности добирается; также до вступленія въ блискія съ нимъ обязательства больше того смотритъ, всели внутреннее съ наружнимъ ево видомъ сходно? Ему ужѐ вѣдомо: что ошибка въ выборѣ себѣ друзей, хуже всѣхъ обмановъ и опаснѣе всякихъ проступокъ.

57.

Для знанія ума́ и нрава, слушаетъ словъ ихъ: вѣдая, что ко́локолъ познавается по звону, а человѣкъ по рѣчамъ.

58.

А понеже узнавши, большаго отъ нихъ совершенства чаять не можетъ, кромѣ того которое найдетъ; то выше мѣры и любить ихъ не станетъ.

59.

Когда ужѐ такимъ искусствомъ друзей себѣ снискать можетъ; то лутчимъ способомъ на пользу себѣ употреблять, и беречь ихъ умѣетъ, въ чемъ наибольшая острота разума ево показывается; ибо сохраненіе и бережъ друзей, гораздо труднѣе того, нежели ихъ снискать и выбрать.

60.

Лутче умѣетъ пороки, нежели добродѣтели ихъ покрывать: только ни о проступкахъ, ни о погрѣшеніяхъ ихъ вѣдать не хочетъ.

61.

Въ обхожденіи съ ними, полную себѣ вольность предоставляетъ. Ежели запотребно разсудитъ очемъ нибудь имъ выговорить, то сей для исправленія ихъ выговоръ, въ смѣхѣ и съ тихостію дѣлаетъ; а отъ такого порицанія весьма хранится, которой бы ихъ въ стыдъ, или въ печаль съ болѣзнію привесть могъ.

62.

Усердно ихъ любитъ, и все имъ даетъ; а самъ ничего у нихъ не проситъ.

63.

Ежели имъ по чину и состоянію своему въ чемъ пользу и услугу здѣлать можетъ, то отъ добраго произволенія и по склонности сіе исполняетъ. Въ чины производитъ безъ вѣдома ихъ, и всякія имъ благосклонности прежде того кажетъ, нежели они о томъ ево просили.

64.

Въ случающихся имъ печалехъ и нещастіяхъ, истинное участіе принимая; нетолько словами ихъ разговариваетъ, но

но и всякими возможными услугами утѣшаетъ.

65.

Бѣднымъ и печальнымъ по крайней возможности помогаетъ, вѣдая; что и самъ на своей жизни бѣденъ и нещастливъ быть можетъ; а въ то время до такихъ людей нужда случается, на которыхъ человѣкъ въ благополучіи своемъ и смотрѣть не хотѣлъ.

66.

Дружба ево къ нимъ, присудствіемъ не умножается, а отсудствіемъ не убываетъ. Но какъ ихъ не видитъ, въ то время о исполненіи даннаго имъ обѣщанія къ пользѣ и услугѣ друзей своихъ наиболѣе помнитъ и старается.

67.

Иныхъ въ отдаленіи для корреспонденціи имѣетъ; другихъ на обхожденіе въ близости употребляетъ, а у третьихъ совѣту и наставленія въ дѣлахъ проситъ: вѣдая, что одинъ способенъ ктому, а другой къ другому.

68.

Только ни одному изъ нихъ великаго щастья не желаетъ, опасаясь; чтобъ ихъ симъ способомъ не лишиться. Для сохраненія дружества; благодарность ихъ не очень отягощаетъ, въ самой практикѣ,

узнавши, ежели человѣкъ какого благодѣянія заслужитъ, или равнаго благодѣянія учинить не въ состояніи, то и изъ друга недругомъ здѣлается.

69.

Но понеже онъ заподлинно слыхалъ, что люди о человѣкѣ по друзьямъ ево разсуждаютъ: то о дружбѣ такихъ людей старается, которые на себѣ доброе имя носятъ, и въ практикѣ [исполненіе] добрыхъ дѣлъ упражняются. Молодыхъ и наглыхъ въ дружбу къ себѣ не принимаетъ; для того что отъ нихъ на всякой день новой печали или беспокойства боится; а совершенныхъ лѣтъ и разумной другъ, радости и удовольства прибавляетъ.

70.

Настоящее, минувшее, и будущее размышляя; помнитъ что ему случилось, дабы чрезъ то разумнѣйшимъ быть. Въ разсужденіи будущаго отдается въ волю божію; а притомъ добродѣтельно живетъ, и разумно поступаетъ.

71.

Въ рѣчахъ своихъ весьма осторожен. Хотя никогда не лжетъ; однакожъ не всѣмъ и не всю ту правду сказываетъ, которую знаетъ, вѣдая; что правда безъ услажденія очень горька, а притомъ такого

кого суроваго вкусу, что невсякаго человѣка желудокъ сварить ее можетъ.

72.

будучи скроменъ и разуменъ, молчать умѣетъ; а особливо при такихъ случаяхъ, гдѣ правду говорить опасно; вѣдая, что объявленіемъ правды хуже, нежели молчаніемъ здѣлаетъ.

73.

По природной своей остротѣ и прозорливости тотчасъ увидитъ, что объявить и что молчанію предать; дабы за откровеніе непристойнаго, злымъ или безумнымъ не прослыть. А въ совѣтѣ находясь никогда ужѐ того не умолчитъ, что другимъ знать должно; ибо молчаніе въ такихъ случаяхъ подозрительно, и опаснѣе невоздержности на языкъ.

74.

Не очень смѣлъ, и не весьма боязливъ; но съ такою умѣренностію говоритъ, которая ни спеси, ни льсти, ни подлыхъ обычаевъ въ немъ не кажетъ.

75.

Никогда мнѣнія своего не слушаетъ, зная; что оно человѣка часто прельщаетъ и такъ излишествуетъ, что въ настоящее много будущаго мѣшаетъ, и того боится, въ чемъ нималаго страха нѣтъ.

76.

Какія бы съ правдою сходныя вещи мысль ему ни представляла, только онъ ей не вѣритъ и всегда ее бережется; для того что мысль всякую вещъ вдвое или втрое больше того кажетъ, нежели она въ самомъ дѣлѣ есть.

77.

Власть свою съ почтеніемъ, больше отъ собственныхъ заслугъ, и персональныхъ добродѣтелей; нежели отъ чина и достоинства своего имѣетъ.

78.

Разсуждаетъ здраво и изрядно; а дѣлать тщится лутче.

79.

Вѣдаетъ, что въ небѣ все радость и веселіе вѣчное; а во адѣ ничего кромѣ муки бесконечной нѣтъ; то для убѣжанія сихъ мукъ, а для полученія небеснаго блаженства со славою, всѣ земныя и прелестныя суеты презираетъ; безсмертной добродѣтели держится, а текущее время употребляетъ себѣ на пользу. На перемѣну свѣта и натуры, безпристрастными глазами смотритъ. Въ непрестанныхъ перемѣнахъ щастія и нещастія, радости и печали, равнодушенъ и спокоенъ. Къ новизнамъ своего времени и вѣка не пристаетъ, и ни на какія непристой-

пристойности не смотритъ; но въ одномъ исполненіи блага, въ убѣганіи зла, и въ изученіи премудрости; все свое прилѣжаніе и труды полагаетъ.

80.

Учится отвращать сердце свое отъ вещей видимыхъ, а любленіе свое отъ свѣта помалу отводитъ; потóмъ отчасу болѣе къ вещамъ невидимымъ и несотворенным прилѣпляется, а мысли свой на небо возводитъ; ибо ему подлинно извѣстно, что всѣ тѣ совѣсть свою повреждаютъ, и благодати божія лишаются: которые плотская мудрствуютъ, а притомъ чувствамъ повинуются.

81.

Къ текущему богатству сéрдца своего не прилагаетъ и на оное не надѣется, вѣдая; что въ немъ много суеты, потомужъ все сіе преходящее, и скоро изъ рукъ уходитъ.

82.

Ни чести ни высокихъ достоинствъ не ищетъ; но вѣдаетъ, что одно тяжко, а другое непостоянно.

83.

Ничему чувствительному обладать собою не допускаетъ, желаніямъ плоти своей не поддается, а прелестямъ забавъ

бавъ и роскошей свѣтскихъ всею силою противится ; для того что во всякой сладости свѣта такая тайная горесть скрыта , которую человѣкъ въ адскихъ мукахъ сильно почувствуетъ.

84.

Се́рдца ево никакія вожделѣніи и ни къ чему земному не привязываютъ. Всякимъ роскошамъ, ложнымъ забавамъ, и тлѣнному имѣнію на свѣтѣ умерши ; ничего кромѣ вѣчныхъ благъ, и небеснаго царствія не желаетъ.

85.

Ежели ему какое нещастіе или печаль случится, то онъ къ людямъ прибѣжища своего не принимаетъ; ибо чемъ болѣе человѣкъ отъ по́мощи человѣческой удаляется , тѣмъ болѣе милости и по́мощи отъ бога получаетъ.

86.

Понеже бога за единое его всеблагое и всесовершенное существо , а не для своего удовольствія всѣмъ сердцемъ, всею душею, и всѣмъ помышленіемъ любитъ; то нетолько во всѣхъ своихъ печаляхъ и въ радостяхъ , въ скудости и въ изобиліи, всегда бога хвалитъ, и святое ево имя о всемъ благословляетъ : но хотябъ онъ со всѣмъ и отъ всѣхъ оставленъ былъ,

то

то и въ тѣ поры емужъ Творцу своему, благодаренія возсылать не престанетъ.

87.

Каковабъ жестока болѣзнь ни была, однако въ душѣ ево смятенія не учинитъ. Умъ ево всегда свободенъ, разсужденіе здраво, а прилѣжность къ дѣламъ равна; притомже никакого знаку нетерпѣливости и слабаго состоянія не показывая, самъ о себѣ свидѣтельствуетъ; что совершенно терпѣливъ, а имя непобѣдимаго по справедливости заслужилъ.

88.

Ежели заслуги съ добродѣтелью въ какое знатное достоинство ево произведутъ, или послѣ убожества богатымъ здѣлается; то всегда спокоенъ, равнаго нрава и безъ суеты оставаясь, не забываетъ того, что онъ есть, каковъ былъ, и что еще съ нимъ впредь здѣлаться можетъ. Славнымъ и страшнымъ никогда быть не желаетъ, и чрезъ то великихъ на себя непріятелей вооружить не хочетъ; подлости своего рода невоздержностьми и отважными поступками, а притомъ грубостью словъ и надмѣннымъ высокоумствомъ; возвысить не старается.

89.

Такимъ малоумнымъ не уподобляется, которыя всю свою радость въ щастіи, а удовольство въ богатствѣ и въ роскошахъ полагаютъ; но въ одной только добродѣтели истинное свое удовольствіе находитъ, и дѣйствительнымъ исполненіемъ правилъ ея веселится.

90.

Чрезмѣрной учтивости не поддается, и на гладкія слова надежды не полагаетъ, но одной правдѣ вѣритъ; а самымъ дѣломъ довольствуется. Почти всегда притворствомъ подпушеные нискіе поклоны, а інтересомъ обложенныя шелковыя слова, на однихъ простаковъ и высокоумныхъ обманъ.

91.

На изрядные маніры, и пріятные наружніе виды мало смотритъ; но желаніе, вкусъ, и наслажденіе сихъ обманчивыхъ внѣшностей, любителямъ свѣтской суеты и чести вручаетъ. больше твердаго и постояннаго ищетъ, а о пріятномъ не печалится; притомже честное, всегда выше полезнаго почитаетъ.

92.

будучи прямодушенъ и безъ всякихъ церемоній, ни надъ какими церемоніальными окрестностьми не останавливается;

всего

всего терпѣливно слушаетъ, и ни за что кромѣ зла не сердится. Ему то не досадно, кто въ словахъ своихъ грубъ или въ обхожденіи невесьма политиченъ; да только бы доброй совѣсти, а въ дѣлахъ своихъ честной человѣкъ былъ.

93.

Суетнымъ притворствомъ ни чьего ума ловить, а вымышленнымъ учтивствомъ, ни одного человѣка благосклонности въ полонъ брать не тщится. безъ притвору учтивъ, а по должности благопріятенъ, вѣдая; что пріязнь взаимной долгъ, въ которомъ бы никакого подлогу и обману не было.

94.

Многіе того сами ищутъ: дабы люди за церемоніимейстеровъ, и строителей компліментовъ, ихъ почитали. А онъ сего весьма боится, вѣдая; что всякъ такихъ людей слушаетъ, а никто и никогда имъ не вѣритъ.

95.

Хотя при случаѣ компліментъ кому и учинитъ; только по неволѣ, и для взаимнаго учтивства. Но притомъ смотритъ, дабы компліментъ ево краткой, и на подлинной учтивости основанъ былъ; ибо тому статься нельзя, чтобъ правда во многихъ компліментахъ и церемоніяхъ

не продана была; а кто никогда и никому надлежащихъ комплїментовъ не дѣлаетъ, того презираютъ и уничтожаютъ.

96.

Весьма такимъ льстецамъ противенъ, которые уповая отъ друзей и знакомыхъ своихъ пользу или прибыль получить, всякїя похлѣбства хвалы и притворныя ласкательства въ присудствїи имъ говорятъ; а онъ въ глаза никого не хвалитъ, но за очи всякому надлежащую хвалу и должную честь отдаетъ; а вообще про всѣхъ добро говоритъ, только никому ни изъ чего не льститъ и не похлѣбствуетъ. Отъ правды ничего не убавливаетъ, и лжи въ нее не мѣшаетъ, дабы про него не подумали, будто онъ для їнтереса кого хвалитъ, а по злобѣ или съ ненависти ругаетъ.

97.

Хотябъ чистой и всегда прозрительной умъ, кромѣ собственныхъ силъ никакой помощи не требовалъ; только скромность, и надежда принуждаютъ ево требовать совѣта у лутчихъ и добродѣтельнѣйшихъ друзей, которыхъ онъ слушаетъ, а во всемъ добромъ и разумномъ имъ повинуется.

98.

Для того всѣхъ свободно къ себѣ допущаетъ, и со всякимъ человѣкомъ говоритъ; дабы въ представленіи о важныхъ дѣлахъ не обмануться, и ложнаго о нихъ мнѣнія не дать.

99.

Убогихъ и богатыхъ, малыхъ и великихъ, безъ разбору принимаетъ; а они всѣ имъ равно довольны, и за неповиннаго ево признаваютъ, потому что онъ всѣхъ съ равною терпѣливостью слушаетъ.

100.

Всегда между людьми и непрестанно въ дѣлахъ будучи; такъ поступки и предпріятіи свой учреждаетъ, что и такіе люди пользы съ наставленіемъ себѣ въ поступкахъ ево ищутъ, которыхъ глаза на то здѣланы, чтобы кромѣ худова ничего не видѣть, а языкъ только для того имѣютъ, дабы ни про кого кромѣ зла не говорить.

101.

Онъ такому дураку не уподобляется, которой подробно знаетъ что въ чужихъ дворахъ происходитъ, а того не вѣдаетъ, что у самого въ домѣ дѣлается. Ему до другихъ людей дѣла нѣтъ; да больше знаетъ себя, и дѣлъ

 своихъ

своихъ смотритъ. Ему всѣ тѣ люди смѣшны и глупы кажутся, которые желаютъ вѣдать какъ свѣтъ сотворенъ, и что на небѣ дѣлается; а сами себя не зная всякой часъ запинаются, для того что на землю не смотрятъ.

102.

Ежели въ немъ главная страсть есть; то онъ ей обстоятельнымъ манїфестомъ, и публїчно войну объявляетъ.

103.

На свѣтѣ такихъ людей большая часть; которые несобственнымъ ртомъ говорятъ, не своимъ умомъ живутъ, и чужими руками все дѣлаютъ: то есть, по наукѣ и приказу другихъ людей во всемъ поступаютъ; а онъ свѣта не слушаетъ, и людскому обычаю не поддается; да одному здравому разуму, всегда и во всемъ послѣдуетъ.

104.

Съ такими непостоянными людьми отнюдь не ровняется, которые сего дня такого, а завтра другова нрава; но всегда въ одномъ состоянїи обычая своего остается, и никогда страстямъ не работаетъ.

105.

Свѣтскїя о себѣ похвалы съ холодностїю принимаетъ, и кромѣ короткаго благо-

благодаренія ничемъ за нихъ не платитъ: дабы льстецамъ и похлѣбствующимъ, знатной части имѣнія своего напрасно не раздать.

106.

Ни въ слова ни въ дѣла свой самохвальства не мѣшаетъ, вѣдая; что сіе однимъ дуракамъ прилично.

107.

Лутче всѣхъ сверстниковъ своихъ умѣетъ, въ любовь себя безъ корысти; а въ страхъ, безъ ненависти и омерзѣнія привесть.

108.

Сила и возможность къ благотворенію, единое намѣреніе честолюбія; и подлинная причина всѣмъ движеніямъ его.

109.

Золото и серебро, въ баулахъ у него ненапрасно лежитъ; но щедрою и бережливою рукою, на вспоможеніе бѣднымъ и нищимъ употребляется.

110.

А особливо въ награжденіе заслугъ, на воспитаніе безъ отцовъ и матерей оставшихся сиротъ, и на призрѣніе отдачею въ замужство бѣдныхъ дѣвицъ, не жалѣя раздаетъ; дабы онѣ отъ крайняго убожества, чести и дѣвства своего не продали: и чрезъ то славы предковъ сво-

 ихъ

ихъ не посрамили, а душибъ своей вѣчно не погубили.

111.

Всѣ знающіе ево почитаютъ, съ такимъ признаніемъ; что въ важныхъ и труднѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, такого остроумнаго политика, и мудраго совѣтника каковъ онъ; а притомъ лутчей совѣсти и честнѣйшаго человѣка, сыскать трудно.

112.

Лутчія свои добродѣтели таитъ, и какъ можно скрываетъ; а хотя люди временемъ ихъ и увидятъ, только онъ тѣмъ не тщеславится, вѣдая; что суетная слава несносна, и всесвѣтнаго презрѣнія достойна.

113.

Тѣмъ только довольствуется, что добро̀ дѣлаетъ; а на то мало смотритъ, чтобъ люди про то ни говорили, и какъ бы ево ни прославляли. Какъ скоро человѣческія языки замолчатъ, то добрыя и славы достойныя дѣла̀ сами объ немъ заговорятъ.

114.

больше о томъ старается, чтобъ въ самомъ дѣлѣ мудрымъ быть, а нетолько чтобъ умнымъ казаться. Наружнихъ и лицемѣрныхъ видовъ нетолько не знаетъ,

но

но и боится; для того что видъ безъ существа, грубой обманъ.

115.

Въ рѣчахъ своихъ сперьва громко не кричитъ, а потомъ вдругъ не останавливается; но всегда, ровнымъ и скромнымъ голосомъ говоритъ, а того отнюдь не желаетъ; дабы люди жадными глазами на него смотрѣли, и словъ ево какъ предики слушали.

116.

Въ притчахъ и темныхъ словахъ, ничего не говоритъ; но иногда однимъ видомъ славу того человѣка, о комъ говорено, больше нежели множествомъ словъ збережетъ.

117.

Къ смѣху надъ собою, нетолько умнымъ людямъ, но и дѣтямъ причины не даетъ; боясь уподобиться такимъ людямъ, которые всѣ свой труды и старанiи въ то полагаютъ, чтобы умныхъ людей шуточными словами, и разными дурачествами приневолить надъ собою смѣяться.

118.

Емужъ опасно ровняться съ такими людьми, которые въ одинъ день то пожрать хотятъ, чего человѣку во всю свою жизнь сѣѣсть не льзя. будучи во

всѣхъ своихъ дѣлахъ разуменъ, никогда и ничего въ непристойное время не дѣлаетъ.

119.

Ученія, чтенія, и наставленія не презираетъ: признавая сіе за подлинные способы къ совершенству въ наукахъ, и къ повышенію своему между людьми: токмо такого глупаго желанія въ сердце свое отнюдь не пускаетъ, дабы ему всѣ науки въ одинъ день узнать.

120.

Хотя свѣтскіе люди забавъ съ роскошми непрестанно ищутъ: крайнее свое удовольствіе въ богатыхъ обѣдахъ, въ деликатныхъ напиткахъ, въ покоѣ, и въ различныхъ веселіяхъ полагаютъ. Но онъ на все сіе не взирая, внутрь себя скрывается; дабы тамъ разумно жить, а подлинное и совершенное благополучіе, отъ исполненія добрыхъ дѣлъ получать.

121.

Хотя по своему состоянію законныя забавы всегда передъ собою имѣетъ, однако не вовсе ими наслаждается; но данное себѣ отъ бога время, на полученіе обѣщаннаго въ небѣ веселія, и вѣчнаго блаженства употребляетъ.

122.

Добродѣтель истинно любитъ, и со

усер-

усердїемъ исполняетъ, только никогда ею не хвастаетъ; для того что сїе тщеславїе, лицемѣрствомъ называютъ.

123.

Всѣхъ тѣхъ съ омерзѣнїемъ презираетъ, которые о маломъ своемъ добромъ дѣлѣ, при игранїи на трубахъ съ литавреными и барабаннымъ боемъ публїкуютъ.

124.

Каковъ бы великъ чинъ съ достоинствами ево ни былъ, только онъ имъ не тщеславится, а гордости нималаго у себя мѣста не даетъ; для того что на тѣхъ пальцами указываютъ, которые безъ персональныхъ заслугъ и добродѣтелей, однимъ своимъ чиномъ гордятся.

125.

Никто такого ко всякому человѣку снисходительства, а къ друзьямъ своимъ толь искренняго люблении не имѣетъ, какъ онъ. Но хотя прїязнь съ почтенїемъ ево ко всѣмъ къ нимъ равна, однакожъ примѣтить можно, что онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ бóльшею отмѣною, и прїятнѣе другихъ принимаетъ.

126.

На такихъ людей нимало не похожъ, у которыхъ воля часовая, а поступки и умы, на всякой день перемѣнные. Въ

 разсу-

разсужденiи совершеннаго всегда равенъ, а добраго своего поведенiя; ни въ чемъ и никогда не отмѣняетъ. Что вчера говорилъ, въ томъ и сего дня не отопрется: а хотя иногда поступку свою и отмѣнитъ, но сiе смотря на перемѣну времени и обстоятельствъ дѣлаетъ.

127.

Знатные чины съ высокимъ достоинствомъ и великимъ богатствомъ, ни мудрости ево ослѣпить, ни великодушiя поколѣбать не могутъ; но всегда и при всякихъ случаяхъ одного состоянiя. Онъ щастiемъ владѣетъ, а не благополучiе надъ нимъ господствуетъ.

128.

Всегда и во всемъ такое равнодушiе съ умѣренностiю хранитъ, что и щастiю онаго завидящiе, добродѣтель ево хвалить принуждены. Такiе обыкновенные непрiятели заслугамъ и благополучiю ближняго, не знаютъ съ которой стороны на него нападенiе учинить; но должны по неволѣ признаться, что онъ щастливѣе въ употребленiи своего щастiя, нежели въ обладанiи онымъ.

129.

Отъ высокой своей славы происходящую пользу; весьма осторожно, и съ отмѣнною мудростiю употребляя, во

основа-

основанїе и правило благополучїю своему имѣетъ.

130.

За учиненные себѣ нападки и обиды не мститъ, но отъ насильствъ непрїятелей своихъ; терпѣнїемъ обороняется. Ругательства ихъ презираетъ, облыганїя забвенїю предаетъ, а злыя ихъ намѣренїи о погубленїи ево узнавши, нетолько по Хрїстїанской должности прощаетъ, но при случаѣ пользу и услугу учинить имъ тщится.

131.

Страстей своихъ не слушаетъ, и движенїямъ ихъ не послѣдуетъ, но подстрѣканїя ихъ за такїе строптные пути почитаетъ: на которыхъ неповинность убивства боится, разумъ погибаетъ, а добродѣтель изчезнуть можетъ.

132.

Врагамъ своимъ: ничемъ кромѣ благодѣянїя не мститъ, а зависть съ ненавистью ихъ тѣмъ мучитъ, что себѣ разными добродѣтельми приращенїе чести часто получаетъ. Притомъ думаетъ, что Хрїстїанину другимъ образомъ мстить не позволено; также что сего мщенїя честнѣе и славнѣе быть не можетъ.

133.

Не мучится въ сысканіи способовъ къ отмщенію ненавидящимъ себя; но тѣмъ только довольствуется, чтобъ во всегдашнемъ и строгомъ воздержаніи жить, дабы симъ способомъ полученное себѣ у знаемыхъ почитаніе сохранить, а у незнаемыхъ въ почтеніе притти, вѣдая; что общая у всѣхъ объ немъ слава, ненавидящимъ ево жесточайшая мука.

134.

У малыхъ въ любовь себя приводитъ, токмо отъ большихъ за сіе ненависти на себя не привлекаетъ; потому что хотя въ бѣдность малыхъ вступаетъ, и временно съ ними общается; однакожъ того почтенія никогда не забываетъ, которымъ онъ знатнымъ и великимъ особамъ долженъ.

135.

Не хочетъ всегда съ безщастными быть, подъ видомъ услугъ и поданія помочи имъ; будучи свѣдомъ, что хотя такая поступка знакъ добраго, и къ милости съ сожалѣніемъ склоннаго сердца, однакожъ не всегда высокой умъ являетъ. Токмо же и съ щастливыми невсегда быть желаетъ, зная что въ компаніи ихъ много примѣровъ несносной суеты, а добродѣтель

бродѣтель; безщисленными образы горькія нападки и ругательства терпитъ.

136.

Никому изъ тѣхъ не завидуетъ, которые честнѣе или богатѣе ево; а о каждомъ въ бѣдности и въ печалехъ находящемся сердечно жалѣя, тщится имъ руку помочи подать, по природной своей жалости и добросердечію.

137.

Самымъ дѣломъ кажетъ, что щастія себѣ для пользы своихъ друзей, и ради услуги бѣднымъ искалъ; а имѣніе на помочь и благотвореніе обоимъ собиралъ.

138.

Съ тѣми не равняется, которые все безъ разсужденія дѣлаютъ, а здѣлавши о учиненномъ думать начинаютъ; только такая поступка часто ихъ въ раскаяніе приводитъ. Онъ о всякомъ дѣлѣ до начинанія дѣйствомъ довольно разсуждаетъ, а для успѣху такія мѣры беретъ, которыми всегда доволенъ быть можетъ, для того что всѣ свои дѣла ко удовольствію ближняго склоняетъ.

139.

До такой крайности отнюдь не допускаетъ, чтобъ ко избавленію себя отъ бѣды способовъ искать. О всемъ здраво

разсуждаетъ, и все то нещастіе острымъ окомъ разума предвидитъ, которое ему случиться можетъ; и для того съ нимъ, ничего на удачу не дѣлается.

140.

Двѣ великія книги непрестанно читаетъ; то есть, минувшее и будущее всегда передъ глазами имѣетъ: а притомъ всею возможностью отъ того бережется, дабы нетолько дѣломъ но и словомъ никого не опечалить.

141.

Будучи въ компаніи; смотритъ рода, чести, и заслугъ, съ добродѣтельми тутже собравшихся. Съ великими людьми; честно, чинно, и униженно говоритъ, а притомъ учтивые и воздержные маніры имѣетъ. Ни многорѣчіемъ, ни долговременнымъ сидѣніемъ въ гостяхъ, никого не утруждаетъ.

142.

Съ друзьями откровенно, простосердечно, безъ притворства, и безъ всякихъ церемоній обходится: ибо дружеское обхожденіе должно подобно быть такому платью, которое бы ни уско ни коротко, но пространно и во всемъ свободно было.

143.

При всякихъ случаяхъ больше о томъ старается, чтобъ исправно и справедливо, а немного и складно говорить: ибо въ томъ больше нужды, чтобъ къ статѣ и умное сказать, нежели краснорѣчіе плодить.

144.

Ежели ему случится вмѣстѣ съ незнающими быть: то не высокоумствуетъ, и мудрецомъ себя не ставитъ, но смотря по уму людей поступаетъ; и лутче желаетъ съ простыми худо и просто говорить, чтобъ они слова ево знали; нежели такія высокія, красныя, и ученыя рѣчи простирать, которыхъ никто въ компаніи не разумѣетъ.

145.

больше всего бережется, чтобъ нечаянно такихъ словъ не сказать, о которыхъ кто нибудь въ компаніи подумать можетъ, бутто оныя съ умыслу и прямо объ немъ сказаны; ибо невѣдѣніемъ отговориться трудно, а иныя досадныя слова по смерть не забываются.

146.

Хотябъ кто съ нимъ грубо или неумно говорилъ, только онъ о томъ не сердится и не смѣется. рѣчей ихъ не перебиваетъ, словъ не переправливаетъ,

и по

и по ученому говорить имъ не велитъ, а особливо такимъ; которые не ево команды, или исправленія не достойны.

147.

Смотря по нраву и уму всѣхъ тѣхъ поступаетъ, съ которыми обходиться долженъ. Однихъ пороки сноситъ, другихъ грубости прощаетъ, а жаловаться ни на кого изъ нихъ не хочетъ.

148.

Ничего у тѣхъ не перенимаетъ, которые для показанія своей мнимой премудрости, и о томъ говорятъ, чего сами не знаютъ. А онъ ничего неизвѣстнаго себѣ на среду не выноситъ, и о томъ въ разсужденіе отнюдь не вступаетъ; чему самъ не учился, или чего въ книгахъ не читалъ.

149.

Всѣ ево мысли изрядны, а мнѣніи справедливы; для того что умъ у него чистъ, а разсужденіе здраво. Ежели же мнѣніе свое объявить похочетъ; то короткими, сильными, праведными, и ясными словами оное выражаетъ.

150.

Когда между рѣчьми своими что слышаное скажетъ, того за самую правду никогда не утверждаетъ, вѣдая: что всѣхъ тѣхъ за лжецовъ почитаютъ,

кто

кто слышаное за правду продаетъ, или праведное на удачу говоритъ.

151.

Какъ всегда доброй и честной человѣкъ: хотя всякія рѣчи слушаетъ, только ко многому молчитъ, и не всему увѣряется, опасаясь того нѣтъ ли тутъ какой страсти; а временемъ и ничему изъ слышаннаго въ компаніи не вѣритъ, вѣдая; что ложъ на свѣтѣ обыкновенное, и почти всегдашнее дѣло.

152.

Буде о чемъ усумнится: то весьма себя бережетъ, чтобъ говорящей съ нимъ того сумнѣнія ево не узналъ, и рѣчей своихъ въ ложъ себѣ не поставилъ; а себя бы за обруганнаго не почелъ.

153.

Упрямства и невѣроятности хотя не имѣетъ: однакожъ тому больше увѣряется, что праведными и ясными резонами доказать можно.

154.

Имѣя здравое разсужденіе, ничего кромѣ надобнаго не говоритъ; а всякихъ споровъ убѣгаетъ.

155.

Лутче хочетъ тяжелымъ, то есть умнымъ казаться, нежели легкимъ: а яснѣе сказать нежели лукавымъ и хитрымъ быть. Какъ скоро хитрость, а особливо лу-

 кавство

кавство окажется: то оно весьма опасно, и употребляющаго въ бѣду приводитъ.

156.

Съ безумными умнымъ быть, а съ дураками о важныхъ дѣлахъ разсуждать не хочетъ; но со всякимъ по силѣ и состоянію ума ево говоритъ.

157.

Хотя все знаетъ, однако временемъ незнаніе себѣ притворяетъ, вѣдая; что иногда нужда и случай того требуетъ.

158.

За сказанныя или учиненныя для забавы шутки, не сердится; ибо кто въ такихъ издѣвкахъ чувствителенъ, тотъ къ большимъ надъ собою шуткамъ причину подаетъ. Лутчей на сіе способъ, чтобъ шутки безъ остоновки пропустить: а ежели кто оныя уронитъ, то никогда не подымать.

159.

Самъ никогда и ни надъ кѣмъ не шутитъ: ибо ничто столько осторожности, искусства, и остроты ума не требуетъ, какъ шутка. Ктомужъ прежде вступленія во оную надобно знать, какъ терпѣливъ и крѣпокъ въ умѣ тотъ, надъ кѣмъ издѣваться хочетъ?

160.

Вѣ то ужѐ время озлобленнымѣ себя почитаетѣ, какѣ невинность, добродѣтель, и разумѣ страждетѣ; но и тогда надлежащей выговорѣ, сѣ кротостію дѣлаетѣ

161.

Людская зависть и ненависть ему сноснѣе, нежели лесть: ибо непріятельская зависть сѣ ненавистью, содержатѣ ево во всегдашней осторожности, также вѣ знаніи и вѣ исправленіи себя; а лесть, все сіе отѣ глазѣ человѣческихѣ скрываетѣ.

162.

Чего ради оную вѣ крайнемѣ омерзѣніи имѣя, никогда ничемѣ не хвалится, и ни вѣ чемѣ себя не хулитѣ: ибо собственное хваленіе, тщеславіе; хула, безумство, а вѣ чрезвычайномѣ смиреніи великая суета скрыта.

163.

Почти всегда постояненѣ, однакожѣ временемѣ и веселость любитѣ; ибо всегда постоянну, и всегда веселу быть: равной порокѣ. Всегда постоянной видѣ, значитѣ іпохондрію; а непрестанная веселость, на дурачество похожа.

164.

Весьма рѣдко, умѣренно, и съ великою осторожностью шутитъ: вѣдая; что всегдашняя шутка, за безуміе или за ложь почитается.

165.

Въ рѣчахъ своихъ разуменъ и остороженъ; ибо какъ изъ клѣтки выпущеной птицы поимать, такъ сказаннаго слова возвратить невозможно: а чемъ меньше словъ, тѣмъ меньше тяжбы и ссоръ.

166.

Что многимъ угодно и пріятно, того одинъ онъ не хулитъ: ибо той вещи всеконечно хорошей быть надобно, которую многіе хвалятъ.

167.

Никакихъ новостей не вымышляетъ, чтобы себя въ отмѣнную славу и удивленіе привесть, а особливо у незнающихъ; ибо какъ знающіе пришедши, на новость ево въ день посмотрятъ, то легко статься можетъ: что оную за новой обманъ почтутъ.

168.

Тщеславія и самохвальства, весьма хранится; будеже что хорошее здѣлаетъ, то половину онаго по требованію кажетъ, а другую закрываетъ.

169.

Тотже здравой разумъ всей правды открывать не велитъ, которой ему воздержно говорить, а больше молчать приказываетъ: съ такимъ подтвержденїемъ, чтобы лутчее къ завтрею оставлять.

170.

Въ то время наибольшую осторожность въ рѣчахъ своихъ употребляетъ; какъ любопытные ево спрашиваютъ, хитрые надъ нимъ издѣваются, а лукавые на гнѣвъ ево для того приводятъ: дабы онъ осердившись всю желаемую правду имъ сказалъ.

171.

Для того себя кажетъ, что не плутъ: а разума своего за тѣмъ всего не открываетъ, что мудростїю выше другихъ; но всякому такую часть ума своего объявляетъ, сколько кому къ пользѣ и наставленїю ево потребно.

172.

Готовость свою ко услугамъ не скоро, но въ то время представляетъ; ежели кому отъ всего сердца служить, и помогать хочетъ; также и тѣмъ не скоро ввѣряется, которые ему служить обѣщаются: ибо обѣщателей весьма много, а такихъ очень мало, которые слово и обѣщанїе свое дѣлами исполняютъ.

173.

Того никогда и никому не обѣщаетъ, чего здѣлать не можетъ, или не намѣренъ; а ежели въ состоянiи, то прежде прошенiя и не обѣщая тѣмъ людямъ служитъ, въ чемъ чью нужду знаетъ: ибо голодной человѣкъ съ ласковыхъ словъ сытъ не будетъ; а учтивыя слова и обѣщанiи безъ исполненiя дѣломъ, ничто иное какъ токмо вѣтръ, и честному человѣку неприличной обманъ.

174.

Хотя и знаетъ, что правду говорить опасно: однакожъ при случаѣ не можетъ того минуть, чтобъ ее не сказать, дабы предателемъ оныя не здѣлаться. Однакожъ ради сохраненiя тѣхъ, до кого оная касается, помянутую горькую правду, медомъ любви и разума растворяетъ.

175.

Ежели что худо: то безъ замедлѣнiя, и необинуясь скажетъ.

176.

Буде правда до кого изъ находящихся въ компанiи касается, и имъ чувствителна быть можетъ: то оную на имя такихъ людей говоритъ, которые уже померли, или въ далекомъ отсутствiи; дабы въ намѣренiе принятому, о исправленiи

вленіи жизни или худыхъ ево поступокъ, искусно выговорить: а притомъ не досадить.

177.

Когда усмотритъ, что однимъ сіе досадно, а другимъ печально: то обоимъ нетолько ни одного слова больше о томъ не скажетъ, да и знаку не дастъ; но въ храмъ молчанія уходитъ, дабы изъ одной подъ пепломъ лежащей искры, цѣлаго пожару не здѣлать.

178.

Ево обмануть трудно: потому что онъ умѣетъ правду узнавать, тайности разбирать, истинну отъ лжи и лести различать, и до намѣренія добираться, а чернаго бѣлымъ никогда не назоветъ.

179.

Ежели говорящіе съ нимъ глупы; то онъ ихъ лестью и хитростью обманывать не старается, а неправеднымъ способомъ, никакой пользы отъ нихъ не ищетъ; но съ глупыми и съ умными одною правдою и простотою, добродѣтельно и откровенно поступаетъ.

180.

Самымъ дѣломъ кажетъ: что онъ подданнымъ своимъ доброй господинъ, а друзьямъ своимъ больше искренной и сердечной другъ, нежели строгой судья;

также всегда большую склонность къ милосердїю, нежели къ жестокости имѣетъ.

181.

Какую бы ему обиду кто ни здѣлалъ, только онъ ни зависти ни мщенїю въ сердцѣ своемъ мѣста не даетъ: ибо ежели сїи страсти сердцемъ овладѣютъ, то человѣкъ ихъ по своей волѣ выгнать не можетъ.

182.

Такимъ беспокойнымъ головамъ не уподобляется: которые разными способы ищутъ, со всѣмъ свѣтомъ въ ссорѣ и несогласїи быть. А онъ со всякимъ человѣкомъ согласїя ищетъ, вѣдая; что ненависть и безъ званья, сама въ гости идетъ.

183.

Долею и состоянїемъ своимъ, всегда доволенъ; а по честолюбїю, ничего не ищетъ.

184.

Правду такъ искренно любитъ; что нетолько словомъ или дѣломъ, но нижѐ помышленїемъ, ни изъ чего на свѣтѣ предателемъ ея не здѣлается.

185.

Честь себѣ за главное намѣренїе, а добродѣтель за должность и правило

жизни

жизни своей избравши, неотмѣнно прямою дорóгою идетъ: за какакого бы ево старроманернаго человѣка ни почитали.

186.

Ни о чьихъ поступкахъ не спрашиваетъ; о богатствѣ ближняго не навѣдывается, и всякаго человѣка исправлять не тщится: да больше о спасенiи своей душй стаpанiе имѣетъ.

187.

Иногда сердечно о томъ вздыхаетъ, что злость въ нынѣшнихъ временахъ почти всеобщею здѣлалась; а добродѣтель на свѣтѣ, за пришлую и мало знаемую почитаютъ.

188.

Ежели по желанiю своему порядочно и постоянно жить ему нельзя; то такъ живетъ какъ можетъ, но притомъ всегда прáвилъ добродѣтели, честности, и здраваго разума держится.

189.

Хотя по добронравiю своему ко всѣмъ ласковъ и благопрiятенъ, только при случаѣ и нуждѣ, то здѣлать умѣетъ; чтобъ люди ево слушались и почитали.

190.

Природа ево такою изрядною памятью одарила; что онъ всегда и всѣ

свой минувшія дѣлà помнитъ, дабы въ будущихъ не погрѣшить.

191.

Понятіе у него легкое и скорое, слова правыя и чистыя, а отвѣты такъ умны и воздержны, что и примѣру нѣтъ; дабы онъ рѣчьми своими кого опечалилъ, или бы о словахъ своихъ раскаивался.

192.

Ко всѣмъ такъ ласковъ, благопріятенъ, и учтивъ; что люди безъ жалѣнія росстаться съ нимъ не могутъ.

193.

Во всемъ великое знаніе имѣетъ; а себя вездѣ помнитъ.

194.

Надъ точнымъ изслѣдованіемъ зла и добрà, головы не ламаетъ, вѣдая; что безмѣрная справедливость, въ неправду обращается.

195.

Въ свѣтскомъ житіи и обходительствѣ замѣшавшисъ, вѣдаетъ: что въ семъ пространномъ морѣ каменныхъ горъ, пороговъ, и мѣлей много; того ради скромность, разумъ, и терпѣніе въ проводники себѣ взявши; для осмотру означенныхъ страшныхъ мѣстъ посылаетъ; а потомъ за сими вѣрными вожатыми,

съ осто-

съ осторожностью щетными ша..ми идетъ, и самая опаснѣйшія мѣста безбѣдно минуетъ.

196.

Не спросясь съ разумомъ, и несправясь съ силою, за великія дѣла не хватается: и безъ довольнаго разсужденія, ни во что не вступаетъ.

197.

На что здравой разумъ не позволяетъ, того онъ не дѣлаетъ, и ни о чемъ доброй совѣсти противномъ не думаетъ; а отъ произведенія въ дѣйство добраго и полезнаго предпріятія, ничемъ не удерживается.

198.

Самыя труднѣйшія дѣла̀, съ такою же отвагою, какъ легкія дѣлаетъ: а въ легкія съ такою осторожностію, какъ въ трудныя и опасныя вступаетъ; дабы въ легкомъ не ослабѣть, а въ трудномъ: постоянства и усердія не потерять.

199.

Понеже всѣ ево дѣла̀ къ славѣ божіей, къ истинному набоженству, также къ вѣрѣ и вѣрности клонятся, а притомъ на правдѣ и любви ближняго основаны: то всѣ стихіи ему служатъ, а море съ вѣтры и бурями повинуется, и ни что въ предпріятіяхъ ему не препятствуетъ.

200.

200.

Все ево искусство, и трудъ со усердіемъ, во исполненіи добродѣтелеи состоитъ. Симъ великимъ способомъ; отъ однихъ почтеніе, отъ другихъ любовь, а отъ всего свѣта славу получаетъ; и бога съ человѣки, ко вступленію въ свое намѣреніе привлекаетъ.

201.

Что до него не касается, въ то никогда не вступаетъ. Лукаваго, и во всякія дѣла̀ отважно вплетающагося человѣка, всѣ презираютъ. Какъ онъ безъ стыда вовсе мечется; такъ съ поношеніемъ и ругательствомъ, отвсюды ево выбиваютъ.

202

Въ собственныхъ дѣлахъ; никогда и ни отъ кого препятствія не имѣетъ, для того что въ чужія дѣла̀ не мѣшается; а о своихъ рачитъ и многимъ людямъ ихъ не объявляетъ.

203.

Дѣлаетъ что хочетъ: для того, что ничего непристойнаго и невозможнаго не желаетъ.

204.

Такого безумнаго желанія въ голову себѣ не беретъ: чтобы все по ево волѣ, и намѣренію дѣлалось.

205.

Поступаетъ смотря по времени, и обстоятельствамъ; размѣряетъ по нуждѣ и благопристойности, а потомъ безъ медлѣнности дѣлаетъ, вѣдая; что время ни кого не ждетъ, а сила высокаго ума въ томъ состоитъ, чтобъ взирая на время и обстоятельства, дѣла свои учреждать.

206.

Въ дѣлахъ, въ обхожденіи, въ обязательствахъ, и во всемъ своемъ поведеніи; всегда такое свидѣтельство о добротѣ, о великодушіи и о вѣрности своей даетъ: что всѣ тѣ на него смотрѣть, и ево примѣрамъ послѣдовать должны; которые тому хотятъ учиться, какъ съ друзьями своими прямо и откровенно поступать, а со всякимъ человѣкомъ искренно и доброю вѣрою жить.

207.

По своей волѣ и безъ совѣта, ничего не дѣлаетъ: а кромѣ разумныхъ и добродѣтельныхъ, ни съ кѣмъ и ни о чемъ не совѣтуетъ; для того что ихъ разсужденіе и совѣты, выше своего ума почитаетъ. Ему же извѣстно: кто одинъ собою и безъ совѣту что дѣлаетъ, на того вся отъ неудачи происходящая ненависть

упа-

упадаетъ, а буде дѣло удастся: то никто ему за сїе благодаренїя не скажетъ.

208.

У такихъ людей ничего не перенимаетъ: которые къ одному только началу способны, а ко окончанїю дѣла не годятся, и ни одной начатой вещи никогда не совершали. Онъ въ умѣ своемъ твердъ, въ намѣренїи постояненъ, въ работѣ не утрудимъ, въ дѣлахъ не скученъ, и отъ начатаго труда своего до тѣхъ поръ не отстаетъ: пока всѣхъ трудностей не преодолѣетъ, а побѣдою своею рѣдко пользуется.

209.

Неготоваго не кажетъ, и о начатомъ никому не говоритъ, вѣдая; что онъ того стыдъ съ поношенїемъ происходитъ, ежели кто показаннаго не совершитъ.

210.

Въ разсужденїе о бѣгахъ и вещахъ небесныхъ, не такъ углубляется: дабы ему отомъ никогда не подумать, что на землѣ дѣлается: но умъ и память, на обое равно раздѣляетъ.

211.

Вѣдаетъ, что не во вѣки учиться, но и практїку видѣть надобно; то стараеться

рается, въ житіи и обхожденіи человѣческомъ нужное узнать: дабы у другихъ ни въ обманѣ ни въ посмѣяніи не быть; токмо сей практіки отнюдь на то не употребляетъ; чтобъ передъ свѣтомъ тщеславиться, также бы друзей, товарищей, или спорниковъ своихъ; какою хитростью или вымысломъ обмануть.

212.

Никогда къ такимъ не прилѣпляется, которые себя гораздо учтивѣе другихъ кажутъ; кромѣ похвалъ и комплїментовъ ничего не говорятъ; а ему извѣстно, что чрезвычайные комплїменты отъ такихъ людей происходятъ, которые обманывать намѣрены, или уже дѣйствительно обманули.

213.

Потому всегда щастливъ, что правды и добродѣтели постоянно держится: а поступаетъ смотря по времени и обстоятельствамъ.

214.

Въ благополучїи своемъ такимъ суетнымъ людямъ не послѣдуетъ, которые думаютъ, будто они въ щастїи своемъ на вѣки непоколѣбимы останутся, а у такого къ паденію блискаго мѣста въ спокойствѣ быть чаютъ, куды возвышеніе ихъ ежечасно приводитъ. Онъ

своему

своему доброму состоянію и богатству никогда не вѣритъ, но обоихъ ихъ опасается; да вмѣсто того всю свою надежду на Всемогущаго, а крѣпость житія свѣтскаго, на добродѣтели свои полагаетъ; ибо какъ скоро щастье перемѣнится, то и уповающей на оное тотчасъ упадетъ.

215.

Чемъ выше другихъ, тѣмъ больше старается нижшихъ себя удовольствовать, и ничемъ не обидѣть, вѣдая; что и отъ великихъ персонъ малымъ людямъ учиненныя обиды, никогда не забываются. Отъ равныхъ себѣ обида легка, и скоро въ забвеніе приходитъ; а отъ великихъ и вышшихъ подчиненнымъ учиненной нападокъ, часто смерть причиняетъ.

216.

Пусть свѣтскіе люди: сверстникамъ и спорникамъ своимъ въ чести, какъ можно вредятъ, и о паденіи ихъ стараются; только онъ о своихъ недоброжелателяхъ того не думаетъ, помня великой приказъ, чтобъ лукавнующимъ не послѣдовать; а на творящихъ беззаконіе не смотрѣть: но прямою дорогою добродѣтелей итти.

217.

217.

Притворной униженности, на обманъ и прельщеніе ихъ не употребляетъ; ибо ухищренная нискость съ плутовствомъ: подобна заповѣдному ружью, котораго доброй человѣкъ не носитъ, и никогда не употребляетъ; но тѣмъ только довольствуется, что злую ревность ненавистниковъ своихъ презираетъ, а самъ постоянно добрымъ и честнымъ человѣкомъ остается, вѣдая; что сіе лутче всякаго мщенія.

218.

Быть сильну и побѣждать, нетолько человѣку; но льву и слону, равная польза. А кто силенъ, да притомъ человѣколюбивъ, также власть и мочь имѣя, прощать и погрѣшности съ озлобленіями отпущать можетъ; тотъ нѣкоторымъ образомъ выше человѣка, и отчасти божеству уподобляется. Такого состоянія, сею книгою требуемой славной человѣкъ. Онъ учиненныя себѣ обиды охотно и великодушно прощаетъ, и лутче хочетъ оную на себѣ понесши скрывать, нежели мстить и наказывать: а особливо въ такомъ случаѣ, ежели она до одной ево персоны касается.

219.

Какое бы ему отъ непріятелей ево поношеніе ни было, и какъ бы они о уничтоженіи славы ево на свѣтѣ ни старались; однакожъ ни кротости ево повредить, ни терпѣнія ево одолѣть не могутъ.

220.

Всегдашнее о нихъ великодушіе имѣя; больше имъ доброхотствуетъ, нежели они ему зла желаютъ: и больше про нихъ добрà говоритъ, нежели они ево злословятъ.

221.

Напрасными печальми головы̀ своей не наполняетъ; и безъ дѣйствительной причины плачевныхъ мыслей не имѣетъ: но не за умное дѣло почитаетъ все то къ сердцу принимать, что за спину бросить можно.

222.

Когда въ сердцѣ своемъ злобу; или другое пространное движеніе почувствуетъ; то воздержаніе отнюдь того не позволяетъ, чтобы гнѣвъ полное свое дѣйство и силу взялъ: ибо страсть выгоняетъ разумъ, а за одинъ часъ злобы и полное дѣйство гнѣва, человѣкъ нѣсколько лѣтъ раскаивается, и жалѣетъ.

223.

Страсти свои въ наибольшемъ огнѣ тушитъ, и на жесточайшемъ бѣгу останавливая, разуму покаряетъ; а прогнѣвляющимъ себя извѣстное слово говоритъ: Ежели бы я не сердитъ былъ, тобъ конечно тебя побилъ.

224.

Какiе бы изрядные случаи къ отмщенiю ни имѣлъ, однакожъ никому и никогда не мститъ; а для того что отъ прощенiя происходящую славу, выше того мнимаго удовольствiя почитаетъ, которое человѣкъ отъ побѣдительнаго мщенiя имѣть можетъ.

225.

По такимъ дѣламъ ничего вдругъ не исполняетъ, которые довольнаго разсужденiя требуютъ, вѣдая; что осторожность съ разсужденiемъ, мать безопасности.

226.

При случаѣ даянiя; ни славы ни времени не ищетъ, да того только смотритъ надобно ли давать, или отказать лутче; ибо чемъ меньше страсти и тщеславiя въ даянiи, тѣмъ лутче и больше щедрота.

227.

Ни знатности лицъ, ни достоинства, ни щастія съ преимуществами не смотритъ; да одной только правды ищетъ, и заслуги въ разсужденіе беретъ; а даяніе свое, по мѣрѣ собственнаго чина и состоянія размѣряетъ.

228.

Все отъ чистаго сердца, и добраго произволенія даетъ; дабы своею пріязнью больше, нежели щедротою и дарами одолжить.

229.

Отнюдь такимъ людямъ не уподобляется, у которыхъ отказъ, первая встрѣча; но ко всякому человѣку добръ и учтивъ будучи всѣмъ равно служитъ, на показаніе свѣту; что ближняго не меньше себя любитъ.

230.

Всѣхъ тѣхъ терпѣливно слушаетъ, которые въ скорости и неотступно его просятъ: но ежели дѣло важно, то безъ отказу и обѣщанія проситъ у нихъ сроку на разсужденіе; дабы въ скорости такъ необмануться, что уже не только даннаго возвратить будетъ невозможно, да сверьхъ того датель о поспѣшеніи своемъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ каяться и сожалѣть будетъ.

231.

А ежели намѣренъ дать, то поданіемъ своимъ нимало не медлитъ; вѣдая, что скорое даяніе, двойное одолженіе.

232.

Будеже ему просить случится: то каковабъ высокаго достоинства та персона [у кого просить] ни была, и въ чемъ бы желаніе ево ни состояло, однако онъ такое время улучить, а мѣры свои такъ умно взять знаетъ, что почти никогда съ отказомъ не отходитъ; а временемъ сердца̀ и нравы ихъ напередъ и такъ искусно склонять умѣетъ, что сами ево спрашиваютъ, нѣтъ ли тебѣ въ чемъ нужды?

233.

А когда на такого попадется, которой всякаго просителя нѣтомъ встрѣчаетъ, а отказомъ провожаетъ: тому на перьвомъ свиданіи всего желанія своего отнюдь не кажетъ, но исподоволь и весьма деликатнымъ образомъ малѣйшую онаго часть оказавши, намѣренія ево отвѣдываетъ; а буде споръ и несклонность увидитъ, то ихъ напередъ и нечувствительнымъ образомъ въ разговорахъ ктому пріуготовляетъ, также всегда такія вѣщи между тѣмъ вмѣшиваетъ, которыя съ прозьбою ево сходствуютъ:

 а то

а точнаго и подлиннаго своего намѣренія знать не даетъ; но развѣ ужè въ то время откроетъ, какъ они ево о показаніи желаемой милости обнадежатъ; дабы имъ тѣхъ причинъ не увидѣть, для которыхъ въ прозьбѣ ево отказать могутъ.

234.

Особливымъ искусствомъ ко нраву всякаго человѣка примѣняться, и каждому такъ угождать умѣетъ; что ево, всѣмъ вся, назвать можно. Съ учеными ученъ, съ веселыми веселъ, съ постоянными постояненъ, а съ плачущими никогда не смѣется; токмо къ строптивымъ и невоздержнымъ отнюдь не пристаетъ, но постояннымъ своимъ взоромъ, всегда имъ молчаніе налагаетъ.

235.

Древніе Філософы больше умными казались, нежели въ самомъ дѣлѣ умны были; а онъ посреди славы, чести, и богатства опасается тѣмъ себя казать, чего дѣйствительно въ немъ нѣтъ, но по чину и состоянію ево быть должно.

236.

Крайнее и совершенное свое благо, въ исполненіи добрыхъ дѣлъ полагаетъ; и того только прямымъ, умнымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ ставитъ: кто

кто доброе дѣлаетъ, также трудолюбіе выше покою и забавъ почитаетъ.

237.

Великое ево благовѣріе, правда, и доброта; на подобіе тайныхъ колесъ и орудій, невидимо и непостижимо въ сердцѣ и въ душѣ ево дѣйствуютъ: а передъ глазами человѣческими не только чудныя, но и непостижимыя дѣла въ дѣйство производятъ. Потому и дивиться не надобно, что благополучіе ево вѣчно и непоколѣбимо.

238.

Что больше кто разсматриваетъ, тѣмъ болѣе въ немъ добродѣтелей, и совершенствъ находитъ. Посему; отъ тѣхъ высокоумныхъ и повелительныхъ людей весьма отмѣненъ, на которыхъ безъ отмѣны мнѣнія, и прежней доброй къ нимъ склонности; долго смотрѣть не можно. Видно: что воззрѣніе на добродѣтели ево, разсыпаетъ пороки другихъ; да онъ же на подобіе солнца лучи своей доброты другимъ удѣляетъ, такъ что они къ исполненію приказовъ и намѣренія ево; отъ часу способнѣйшими бываютъ.

239.

О томъ не печалится, ежели дѣло ево однимъ не понравится; да уповаетъ, что другимъ пріятно будетъ.

240.

Похвалою однихъ не превозносится, вѣдая; что другїе ту хвалу порóчить могутъ. Ему же извѣстно: что сколько головъ, столько умовъ; сколько людей, столько нравовъ, а все разные.

241.

Къ тѣмъ людямъ не пристанетъ, которые ничего къ статѣ не дѣлаютъ, и все порицаютъ. Никому и ни въ чемъ не споритъ, а для того что природа ни самого, ни ума ево, развращеннымъ не здѣлала.

242.

Пускай другїе вѣтромъ высокоумїя питаются, а умъ свой гордостью съ безумїемъ наполняютъ; только онъ голубиную цѣлость и простоту, со змѣиною мудростью такъ соединять умѣетъ: что одно другимъ; всегда въ равновѣсїи содержитъ.

243.

Хотя на него другїе подозрѣнїе имѣютъ, однако онъ такъ дѣлаетъ, будто онаго не видитъ; дабы яснымъ объявленїемъ, гнѣва и мщенїя ихъ на себя не привлечъ, но честною и добросердечною поступкою сїе подозрѣнїе исцѣлить тщится: для того что самая мудрость со здравымъ разумомъ, ему то приказываетъ.

244.

Никакихъ умильныхъ видовъ на себя не принимаетъ, вѣдая; что сіе однимъ женамъ прилично.

245.

При отмѣнныхъ своихъ заслугахъ, и натуральной пріятности; имѣетъ даръ угожденія: отъ котораго происходитъ извѣстное въ свѣтѣ не знаю что; а сія непостижимая сила, всѣхъ сердца къ любленію ево склоняетъ.

246

Во всемъ поведеніи простъ безъ притвору, а ко всѣмъ учтивъ и пріятенъ безъ отмѣны; чего ради всѣмъ обходящимся съ собою, полную свободу даетъ молчать, или по своей волѣ говорить.

247.

Въ манірахъ своихъ не церемоніаленъ, а въ отвѣтахъ не грубъ, и недосадителенъ; вѣдая, что отъ того ненависть съ отмщеніемъ происходитъ.

248.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ, такимъ кажется; каковъ въ самомъ дѣлѣ есть. Но при всемъ томъ скромность перьвая ево добродѣтель, а терпѣніе у него никогда и ни въ чемъ не оскудѣваетъ.

249.

Такимъ ложнымъ мудрецамъ не уподо-

бляется, которые въ нуждѣ и печали, сами себѣ помочи и утѣшенія подать не могутъ; но имѣя дарованіе знать себя, въ беспокойствѣ и нещастливыхъ припадкахъ, ищетъ себѣ помочи въ постоянствѣ; подлинное облехченіе въ твердости души своей находитъ; а терпѣніемъ больше всего ограждается.

250.

Со нравомъ тѣхъ людей нималаго сходства не имѣетъ: которые нещастія своего надлежащимъ образомъ нести не умѣютъ, а щастію съ перваго шагу уступаютъ; всегда опасаясь того, дабы въ большее нещастіе не притти. Онъ въ наибольшихъ печаляхъ спокоенъ, а великодушіемъ и постоянствомъ своимъ; всѣ трудности преодолѣваетъ. Ничто ево устрашить, въ душевное волненіе привесть, а вѣры и надежды ево поколѣбать не можетъ; такъ что и самое щастіе постоянству ево уступая побѣжденнымъ себя признаваетъ: и къ такимъ отъ него удаляется, которые къ нещастію своему чувствительнѣе, то есть малодушнѣе ево.

251.

Прилѣжаніемъ и прозорливостію своею, всѣ намѣреніи непріятелей своихъ упреждая въ ничто обращаетъ; а собственныя

ныя дѣла по желанію своему, къ доброму и намѣряемому концу приводитъ.

252.

Дружба ево нечасовая, и невѣтреная; но вѣчная и такъ твердая, что во всемъ алмазу подобна.

253.

Особливо тѣхъ знать тщится, которыхъ въ дѣла или услуги свой употребляетъ; и сею всѣхъ книгъ труднѣйшею наукою, такъ ихъ выбирать и умныхъ отъ дураковъ, а добрыхъ отъ злыхъ отличать умѣетъ; что въ выборѣ своемъ никогда не обманется.

254.

Добродѣтельнаго, Філософа, и разумнаго; больше всѣхъ на свѣтѣ знаетъ, любитъ, и почитаетъ.

255.

Кого одиножды въ свою благосклонность и защищеніе возметъ, того никогда не оставляетъ; толькожъ незнаемыхъ себѣ, рѣдко въ такое снисходительство пріемлетъ.

256.

Но понеже вѣдаетъ: что изовсѣхъ пріятелей, одного откровеннаго, и истиннаго, и такъ вѣрнаго себѣ друга выбирать надлежитъ, которому бы тайнѣйшія мысли сердца своего открыть было

можно; то всѣхъ ихъ одного за другимъ перебирая разсматриваетъ, и изъ многихъ того лутчимъ и вѣрнѣйшимъ себѣ другомъ беретъ: въ комъ больше разума, вѣрности, послушанія къ доброму, и искренности съ добродѣтелью найдетъ.

257.

А того не смотритъ: чтобы сей избранной ево другъ, добрыя маніры, богатство, высокой чинъ, или силу гдѣ имѣлъ; но только желаетъ, чтобъ разуменъ, вѣренъ, добродѣтеленъ, и нравомъ съ нимъ сходенъ былъ.

258.

Сему другу, открываетъ добродѣтели и пороки свои: а просто сказать, всего себя обнажаетъ; дабы совѣтами ево исправиться, и отъ часу въ лутчее совершенство притти.

259.

Полную власть и волю ему даетъ, о своихъ порокахъ себѣ представлять: а о проступкахъ ясную правду говорить, для того что дружеское исправленіе ему пріятно.

260.

Хотя другихъ и не опасается, только съ ними такого отровеннаго обхожденія не имѣетъ какъ съ симъ другомъ,

вѣдая; что со всѣми откровенну быть ненадобно.

261.

Должности вѣрнаго, щедраго, и великодушнаго друга: никто лутче ево не исполнялъ. Тѣ примѣры, которые онъ при всякихъ случаяхъ словомъ и дѣломъ кажетъ; о совершенствѣ въ добродѣтеляхъ ево засвидѣтельствуютъ. Къ увѣренiю о дружбѣ своей такую прiятность присовокупляетъ, каковой ни у кого нѣтъ; а все сiе дѣлаетъ на показанiе свѣту, что сердце съ умомъ ево къ благодѣянiю и услугамъ ближнему, равное согласiе и склонность имѣетъ.

262.

Всѣ друзья ево постоянны, и всегда ему вѣрны: а ежели такой худой человѣкъ между ими сыщется, что нетокмо дѣйствительно какую нибудь невѣрность учинитъ, но только думать о семъ начнетъ: то въ такое раскаянiе придетъ, что сiю злую думу въ сердцѣ своемъ тотчасъ уморитъ.

263.

Всякiе способы къ обязанiю друзей своихъ ищетъ: съ такимъ [въ нынѣшнемъ поврежденномъ вѣкѣ] весьма рѣдкимъ и славнымъ различiемъ; что безъ всякой себѣ пользы, но по одной токмо

къ нимъ

къ нимъ любви, и отъ истиннаго усердія все сіе дѣлаетъ.

264.

Въ какой бы онъ знатной чинъ ни произошелъ; однако для сего достоинства, прежнихъ своихъ добрыхъ склонностей, и благихъ нравовъ отнюдь не перемѣняетъ; а хотя ужѐ тогда отъ большей части съ великими знается, и почти всегдашнее съ ними обхожденіе имѣетъ; однакожъ и тѣхъ малыхъ людей жалобъ не презираетъ, которые въ своей нуждѣ и бѣдности къ нему прибѣгаютъ.

265.

Ни малаго слѣду гордости, или презрѣнія въ себѣ не имѣя; всякаго человѣка любовно и благосклонно принимаетъ, боясь доли такихъ людей: которыхъ заразительной болѣзни за тѣмъ исцѣлить нельзя, что неприступными учинились; а въ напасти и въ бѣды для того впадаютъ, что никто къ нимъ подойти и отъ сего паденія удержать ихъ не смѣетъ.

266.

Къ самому себѣ неумолимъ, и ни въ малѣйшей проступкѣ себя не прощаетъ: дабы отъ переговорокъ и порицанія убѣжать. Другимъ скорѣе прощаетъ, и неважные пороки ихъ мимо глазъ пущая, для

для сохраненія спокойства и согласія; все къ лутчему толкуетъ, и самое зло, въ благо обращать старается.

267.

Такъ честенъ, любовенъ, и долготерпѣливъ: что лутче самъ беспокойство или убытки терпѣть, нежели то видѣть желаетъ: дабы кто за него въ бѣду, или въ нещастіе пришолъ.

268.

Отъ всѣхъ, кто на него смотритъ, или рѣчей ево слушаетъ, тѣмъ большую склонность, любовь, и почтеніе получаетъ; что всякаго одолженіемъ своимъ упреждаетъ. Ко всѣмъ учтивъ и пріятенъ: въ поступкахъ своихъ кротокъ и разуменъ; а въ словахъ и дѣлахъ своихъ такъ любезенъ; что смотрящіе въ лицѣ ево нѣчто высокаго, въ рѣчахъ ево отмѣнную пріятность, и передъ другими все отмѣнное видятъ; такъ что всѣ ево любить и почитать принуждены, а сему; великодушіе съ добротою сéрдца ево причиною.

269.

Добродѣтельми и милостью, такую любовь съ высокопочитаніемъ отъ подчиненныхъ себѣ получаетъ; которая о томъ только сожалѣть ихъ приневоливаетъ, что они по заслугамъ и достоинству

довольно

довольно любить ево не могутъ ; но токмо у бога о здоровьѣ и благополучіи ево непрестанно просятъ ; а притомъ только того удовольствія желаютъ, чтобъ ежечасно ево видѣть, всегда ему служить, словъ ево слушать, и къ нему допущенымъ быть ; а больше ничего имъ ненадобно.

270.

Ежели онъ какою опасною болѣзнью занеможетъ ; то всѣ объ немъ такъ какъ о самихъ себѣ сожалѣютъ. Всѣ ему отъ усердія служатъ, чемъ только возможно тѣмъ ево лѣчать ; а объ отрадѣ въ болѣзни ево, такъ какъ о собственномъ облегченіи радуются. будеже лѣкарства въ болѣзни ево не пользуютъ, то они ему исцѣленія у Всемогущаго со слезами и воздыханіемъ просятъ, и въ храмѣхъ божіихъ публично за него молятся. Милостыни даютъ, молебствуютъ, и всею возможностію у бога, прежнее ему здоровье испросить стараются ; но чемъ длительнѣе болѣзнь, тѣмъ больше ево терпѣніе, а ихъ усердіе и любовь къ нему, толь яснѣе оказывается.

271.

То при сихъ обстоятельствахъ удивительнѣе всего, что ему не столько болѣзнь

болѣзнь самому; сколько присудствующимъ притомъ друзьямъ ево чувствительна.

272.

Такимъ суетнымъ и тщетнымъ людямъ отнюдь не уподобляется: которые въ болѣзняхъ своихъ лѣкарей презираютъ, временемъ для скупости, а иногда отъ такого подозрѣнія, будто лѣкари ничего не знаютъ, также злы и корыстны; а лѣкарство де ихъ ничего не помогаетъ. Но онъ слѣдуя божїю повелѣнїю; прибѣжище свое къ лѣкарямъ и лѣкарствамъ принимаетъ, на добрую вѣру и вѣрность ихъ безъ сумнѣнїя полагается, и точно по приказу ихъ исполняетъ; а всю свою надежду возлагаетъ на бога, зная: что здоровье человѣческое въ одной Его всесильной десницѣ, а исцѣленїе болящимъ, посылается отъ Вышняго.

273.

Каковабъ болѣзнь ево съ начала легка, и мала ни показалась; только онъ ее не презираетъ, вѣдая: что рѣдко когда болѣзнь одна приходитъ, а отъ легкаго паденїя или удару, смерть приключиться можетъ.

274.

Въ болѣзняхъ и страданїяхъ своихъ, старается натуру одолѣть; а умъ и

нравъ свой такъ укротить, чтобъ всякой человѣкъ въ немощахъ своихъ, ево примѣрному терпѣнїю послѣдовалъ.

275.

Ежели умретъ; то нетолько знаемые, прїятели, или друзья: но собственные рабы, и подчиненные ему въ Монаршей службѣ, съ равною печалью и воздыханїемъ объ немъ сожалѣютъ; а для того что въ жизни, всѣ равно ево любили. Добротою и прїязнью своею въ обхожденїи, всѣхъ обязалъ; праведнымъ, бескорыстнымъ, и кроткимъ правленїемъ должностей чина своего, отъ всѣхъ подчиненныхъ любовь получилъ; вѣрнымъ исполненїемъ обѣщанїй и обязательствъ своихъ, премногихъ удивилъ; а награжденїемъ бѣдныхъ и сирыхъ; прощенїемъ винныхъ и озлобившихъ себя; подаянїемъ по́мощи требующимъ; и защищенїемъ утѣсненныхъ; имя всѣмъ общаго друга, и благодѣтеля заслужилъ.

276.

Жизнь свою такъ размѣряетъ, бутто ему много и мало жить; а раздѣляетъ её добродѣтелью и выборомъ, вѣдая: что умомъ растворенная суета, жизнь человѣческую щастливою творитъ: а предосторожность тѣ мѣста̀ ему указываетъ, гдѣ и въ которое время ему отдыхать:

дыхать: ибо работа безъ отдыху, а жизнь безъ покою; несносная тягость.

277.

Въ дѣлахъ своихъ, праведенъ и чистъ: въ обхожденіи, кротокъ и учтивъ; а въ компаніи, беспокойные нравы присудствующихъ; великодушно сноситъ.

278.

Въ словахъ и поступкахъ своихъ, всякому пріятенъ; а кромѣ ненавистниковъ своихъ и завидящихъ себѣ, никого не опечаливаетъ.

279.

Ежели ему со строптивыми, и развращенныхъ нравовъ съ людьми жить; то онъ первой силы къ одолѣнію ихъ въ учтивствѣ ищетъ, потóмъ къ привлеченію ихъ, тихость себѣ въ пóмощъ беретъ: а буде сіе не дѣйствуетъ, то терпѣніемъ и добродѣтелью съ разумомъ, побѣдить ихъ уповаетъ.

280.

Всѣ словà ихъ слушаетъ, а ни къ чему жестокаго и противнаго отвѣту имъ не даетъ; и хотя много отъ нихъ терпитъ, однако всегдашнимъ снисходительствомъ ихъ укрощать, и во нравъ ихъ войти старается; а для сего ни очемъ не жалуется, и почти ни въ чемъ супротивленія имъ не дѣлаетъ.

281.

Мудрость ево никогда не спитъ, а разумъ не дремлетъ; но на всѣхъ съ вопросами и вывѣдываніемъ подходящихъ лисицъ, бодрымъ окомъ смотритъ: и намѣреніе по словамъ ихъ узнаваетъ.

282.

больше о томъ стараетса: чтобъ разумъ и нравы людей, нежели силу въ травахъ и драгоцѣнномъ каменьѣ знать, вѣдая; что ему съ людьми всякой день обходиться надобно, а до цѣлебныхъ травъ, также до алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ и до лаловъ; очень рѣдко нужда случается.

283.

Со злыми не знается, а съ нечестивыми обхожденія не имѣетъ; ибо отъ однихъ тѣлеснаго, а отъ другихъ душевнаго убійства боится. Да притомже знаетъ; что ни на дружбу ни на вѣрность обоихъ, надѣяться нельзя.

284.

Общенія и компаніи съ такими, какъ возможно убѣгаетъ; которые чести не знаютъ, а про добрую совѣсть слухомъ не слыхали; и для того оба они добродѣтель, не больше желѣзныхъ обломковъ почитаютъ: а тому на свѣтѣ очень трудно статься, чтобъ въ зломъ и безчестномъ

честномъ сердцѣ добродѣтель жить, или сыскаться могла.

285.

Но съ тѣми всегда дружится, которые должность свою вмѣсто правила хранятъ; доброй совѣсти на всякое время повинуются; а страхъ божїй, за начало всей премудрости полагаютъ.

286.

Прямодушныхъ, добросердечныхъ, и правды съ искренностїю держащихся людей для того любитъ, что ласкательство ему противно; а сїи добрые люди, по своимъ изряднымъ свойствамъ ему подобны. Обѣихъ за добродѣтель хвалитъ, и дружества ихъ ищетъ; за тѣмъ что они всѣ свои дѣла, на чести и доброй совѣсти утверждаютъ. Но какїя бы совершенства въ нихъ ни усмотрѣлъ, однако имъ того не объявляетъ, и все о томъ удовольствїе скрываетъ; дабы они сего не видя и не вѣдая: отчасу въ большее совершенство добродѣтелей приходили.

287.

Впадающихъ въ нѣкоторыя погрѣшенїи и пороки, великодушно прощая кротостїю исправляетъ; а для того что погрѣшающихъ любитъ, и за человѣческую немощь слабостей ихъ не смо-

тритѣ, а жестокими обличенїями ихѣ не мучитѣ; дабы неразсудительными и грубыми выговорами такѣ ихѣ не огорчить, чтобѣ они отѣ сего еще злѣйшими не учинилисѣ.

288.

Тѣмѣ людямѣ отнюдь не уподобляется: которые скорѣе худому, нежели доброму вѣрятѣ. Вѣ разсужденїи ближняго своего сѣ великою осторожностїю, и весьма разумно поступаетѣ; а для сего всѣмѣ тѣмѣ не скоро вѣритѣ, которые прежде всѣхѣ на него что скажутѣ: дабы послушавѣ ихѣ не погрѣшить, и чрезѣ то бога не прогнѣвить, а ближнему обиды не здѣлать.

289.

буде принужденѣ вѣрить, то тѣмѣ скорѣе повѣритѣ, что самѣ никогда не лжетѣ; а по времени и обстоятельствамѣ смотря, ужѐ весьма невѣроятенѣ бываетѣ.

290.

Такѣ другимѣ прощаетѣ, какѣ бы самѣ на всякой день грѣшилѣ; для того что природную немощѣ, и недостатки ихѣ знаетѣ; а самѣ отѣ пороковѣ и проступокѣ такѣ бережется, бутто бы ему никого и никогда не прощать, ради того что порядокѣ любитѣ, а того

весьма

весьма боится; дабы другимъ причины къ соблазну не подать.

291.

Немного тѣхъ слушаетъ, которые ему про другихъ сказываютъ; и самъ о томъ не печалится, что другіе про него говорятъ. Ему извѣстно: что большая часть людей нынѣшняго вѣка съ зависти, и съ корысти, или по другимъ пристрастіямъ говорятъ. Одни для того льстятъ, чтобы честолюбіе свое въ дѣйство произвесть; а другіе въ такомъ зломъ намѣреніи выхваляютъ, чтобъ сею ухищренною похвалою, ближняго нечувствительно и безопаснѣе погубить; или ему за что нибудь отомстить.

292.

Пороки въ друзьяхъ своихъ, весьма искусно исправляетъ: и всякими образы къ добру ихъ приводитъ. Подвластныхъ себѣ въ чины производитъ, и о благополучіи знаемыхъ старается; а зла никому не только не дѣлаетъ, но и не желаетъ.

293.

У него въ тѣ поры наибольшая работа, какъ дѣлать нѣчего; ибо въ то время разсмотрѣніемъ минувшаго, память и умъ исправляя; въ лутчее состояніе приводитъ.

294.

Ни зависти, ни многихъ дѣлъ на себя не беретъ, вѣдая; что отъ сего какъ духу такъ и тѣлу, никогда покою не будетъ.

295.

Драгова времени своей жизни; ни въ механическихъ работахъ, ни въ шумѣ великихъ дѣлъ не тратитъ: но сїе съ обѣихъ сторонъ, за нещастїе почитаетъ.

296.

Такимъ людямъ ни въ чемъ не подобенъ; которые волею и разсужденїемъ будучи хро́мы, изъ стороны̀ въ сторону бросаются; а онъ всегда постоянное желанїе, и твердой умъ имѣя: ни въ страстяхъ ни въ мысляхъ своихъ, волненїя не чувствуетъ.

297.

Все то доброю волею, и съ нача́ла дѣлаетъ; что дураки напослѣдокъ, и съ принужденїя исполняютъ.

298.

По своенравїю и упрямству ничего не начинаетъ, вѣдая; что своенравство на страсть похоже: а въ страсти человѣкъ, все развращенно дѣлаетъ.

299.

Тотчасъ увидитъ, что ему исподоволь и заблаговременно дѣлать; а потомъ

томъ оное съ веселіемъ, и похвалою исполняетъ.

300.

Ничего кромѣ праведнаго, и честнаго не дѣлаетъ. Лутче хочетъ дома безъ дѣла сидѣть, и отъ людей незнаемъ быть, нежели что безчестное, и славѣ своей предосудительное учинить: ибо ему извѣстно, что въ потеряніи чести больше стыда, нежели славы въ полученіи оныя.

301.

Во всѣхъ начинаніяхъ своихъ, того смотритъ: чтобъ намѣреніе ево было благо, а конецъ дѣлу славенъ и полезенъ.

302.

Ежели въ предпріятіи своемъ худое что увидитъ, то отъ начатаго дѣла немедлѣнно отстаетъ; дабы ничего не къ стати и непристойнаго не здѣлать. Также неразсудя слѣдствъ, и неразсмотря обстоятельствъ: ни во что не вступаетъ.

303.

буде сердце ево въ чемъ обвиняетъ, то онъ устами никогда не оправдается. Неразсудительное обѣщаніе, а худое намѣреніе, ему не законъ; и обязательства на него не налагаютъ. Лутче желаетъ вѣрнымъ не казаться, буде что въ ско-

россіи обѣщалъ: нежели обѣщаніемъ себя завязавши, неправду здѣлать.

304.

Ежели такое дѣло начать похочетъ, котораго успѣхъ или конецъ сумнителенъ ему покажется; то для испытанія воли и мнѣнія о томъ другихъ, нѣсколько пустыхъ выстрѣловъ на воздухъ учинитъ: а потóмъ щотными шагами ступаетъ, дабы на крѣпкомъ мѣстѣ а не на зыбкой землѣ стать.

305.

Иногда о своемъ намѣреніи, такъ какъ о чужомъ говоритъ; дабы чрезъ то узнать, примется ли оно или нѣтъ, также производить ли ево дѣйствомъ или оставить? Ибо при случаѣ немалая въ томъ мудрость, дабы сею безгрѣшною хитростью, умъ и намѣреніе такихъ людей узнать: которые сему предпріятію противными покажутся.

306.

Ума своего пустошми не заслоняетъ, и однимъ часомъ тысячи дѣлъ въ голову себѣ не беретъ.

307.

По примѣру непостоянныхъ; на всякой часъ мнѣнія своего и мысли не перемѣняетъ: самъ съ собою на дорогѣ не гово-

не говоритъ; а между людьми, своими же рѣчми себя не обвиняетъ.

308.

Въ намѣренiе себѣ хотя немногiя, только ужѐ основательныя и полезныя дѣла̀ беретъ: ибо главная въ томъ мудрость, чтобы человѣку на подлинное итти, и власно какъ положеннаго искать; а пото́мъ скорѣе и прочнѣе здѣлать, нежели много въ голову забравши и людямъ розславя, со стыдомъ остаться.

309.

Отъ исполненiя дѣлъ должности своей никогда не устаетъ, опасаясь обличенiя совѣсти; а притомъ вѣдаетъ, что необходимая въ свѣтѣ зависть, розинувши ротъ и выпяля глаза̀, ежечасно на него смотритъ; и буде малѣйшее въ немъ несовершенство, а въ дѣлахъ ево порокъ увидитъ: то по улицамъ и въ домы бѣгая, инымъ громко о томъ кричитъ, а другимъ на ухо шепчетъ.

310.

Хотя разумъ у него совершенъ, острота велика, а искусство примѣрное; однако вѣра и вѣрность ево, выше и больше всего: а благоговѣнiе ево съ молитвою, отъ бѣдъ и ловитвъ лукавыхъ; лутче и скорѣе всякихъ вымысловъ, и хитростей спасаетъ.

311.

311.

Вѣдаетъ, что щастливые случаи скоро проходятъ; то сперьва съ великимъ разсужденïемъ ихъ разсматриваетъ, и долго надъ ними думаетъ: а потóмъ безопасную и безгрѣшную пользу увидя, немедлѣнно ихъ въ рýки беретъ.

312.

На такихъ малоýмныхъ не смотритъ, которые сперьва покоятся, а труды на конецъ оставляютъ. Онъ напротивъ сего: до тѣхъ поръ покою не хочетъ, пока добраго своего намѣренiя не окончаетъ, а честнаго и полезнаго дѣла не совершитъ.

313.

Ежели въ намѣренiяхъ своихъ желаемой успѣхъ получитъ, то дѣлами и умомъ своимъ не хвалится; да только бога благодаритъ, и ему единому о всемъ славу возсылаетъ: а мудростiю своею, отнюдь не величается.

314.

Будеже въ дѣлахъ и намѣренiяхъ ему не удача; то о семъ для того не печалится, что лутчiя и справедливѣйшiя мѣры взялъ; а притомъ знаетъ, коимъ образомъ успѣхъ дѣлъ, отъ такого множества нечаянныхъ случаевъ зависитъ: что удачу за сущее щастье почитать надле-

надлежитъ; а кратчайшей и лутчей способъ то, чтобъ всему добрую и настоящую причину показать.

315.

Онъ не въ числѣ тѣхъ людей; которые одинъ золотникъ щастія, лутче пуда заслугъ и мудрости ставятъ; а онъ единую добродѣтель, выше цѣлаго свѣта со всѣми его сокровищи и богатствы почитаетъ.

316.

Ни въ чемъ недостатку не имѣетъ: для того, что все свое богатство съ собою носитъ.

317.

Какъ бы другіе фортуну непостоянною, и своенравною ни называли: только она для него не перемѣняется, для того что онъ вздорному ея нраву угождая; поступки свои смотря по времени и обстоятельствамъ перемѣняетъ.

318.

Хотябъ сія гордая соперница все у него взяла, однако ничего отнять не можетъ; потому что онъ ей все добровольно отдаетъ. Приходящія на него печали, бѣды, и напасти; ни души ево въ смущеніе, ни сердца въ уныніе не приводятъ: для того что онъ помощію своего терпѣнія и добродѣтели, изъ нещастія

щастіе:

щастїе; а изъ печали, самъ себѣ радость дѣлаетъ.

319.

Никогда того не дожидается, чтобъ сїя легкомышленная оставя ево, тыломъ къ нему оборотилась; но будучи разуменъ, все то беретъ что выиграетъ, и на столѣ лежащее взявши; своимъ удаленїемъ, ея бѣжанїе упреждаетъ.

320.

На все то смотритъ: что между людьми несноснаго, и прїятнаго въ свѣтѣ дѣлается. Только ни великаго беспокойства не чувствуетъ, ни чрезвычайной отомъ радости не имѣетъ.

321.

Ничто ему дивнымъ, и чрезвычайнымъ не кажется; для того что все на свѣтѣ тлѣнно, и мало временно; а вѣчность бесконечна.

322.

Земнаго, почти ничего не желаетъ: за тѣмъ что сердце ево, давно на небеси.

323.

Такимъ отнюдь неуподобляется, которые на свѣтѣ изъ однихъ только денегъ живутъ. Онъ серебру цѣну знаетъ; да емужъ и то извѣстно, какого презрѣнїя сребролюбїе достойно?

324.

буде у него денегъ нѣтъ: то объ нихъ мало печалится, а для того что ему немного надобно; да ктомужъ вѣдаетъ, что не всѣ тѣ честные люди, у которыхъ лежачихъ денегъ много.

325.

Что у него есть, то не ево; но почти все чужое: для того что по обыкновенной своей щедрости, бѣднымъ и требующимъ все роздаетъ: а себѣ развѣ только нужное, да и то мало оставляетъ.

326.

Къ странным и различнымъ наукамъ свѣта, не очень жаденъ; вѣдая, что умъ человѣческой отъ нихъ нетолько въ смятенiе, но и въ умаленiе приходитъ. Онъ о изученiи того наиболѣе старается: что доброму и честному человѣку, необходимо знать надлежитъ.

327.

Добрыя и полезныя книги, то ему ужина и обѣдъ. Душѣ ево пища; а уму сладчайшее питье. Съ тѣми нималаго сходства не имѣетъ; которые все то безъ разбору и разсужденiя на почтѣ скачучи читаютъ, что имъ ни попадется: а изъ сего читанаго, такую вздорную смѣсь въ голову себѣ заберутъ; которой

и собра-

и собразить нельзя. Онъ о всякомъ дѣлѣ или матéрiи: лутчихъ писателей книги выбирая мало читаетъ, да много помнитъ и разсуждаетъ: а изовсего лутчее избирая, къ пользѣ себѣ и другимъ; въ дѣйство произвесть старается.

328.

Не уподобляется такимъ свѣтскимъ мудрецамъ; которые молодыхъ людей больше наукамъ, нежели добродѣтели учатъ: отъ чего обыкновенно гордость съ заблужденiемъ во нравы входитъ, а добраго плода очень мало бываетъ. буде чему ýчится, или книги читаетъ; то все сiе для приведенiя себя въ лутчее совершенство, а не для того дѣлаетъ: чтобъ передъ людьми ученымъ, и премудрымъ казаться.

329.

Знанiе себя, и воздержанiе страстей своихъ съ прихотьми; выше всякихъ свѣтскихъ наукъ почитаетъ.

330.

Ни людей ни себя, такими вопросами не мучитъ; которые хотя любопытны и прiятны кажутся, но въ самомъ дѣлѣ подобны орѣху свищу; котораго человѣкъ за крѣпостью долго разгрысть не можетъ, а какъ разгрызетъ; то вмѣсто чаяннаго ядрà, горькою пылью ротъ себѣ наполнитъ.

полнитъ. Онъ сїе за безумїе почитаетъ, чтобъ человѣку нужное и полезное ученїе, а особливо до спасенїя души касающееся оставя; въ опасное и безполезное любопытство [курїозность] углубляться.

331.

На семъ основанiи утвердившисъ; много такихъ вещей пренебрегаетъ, которыхъ знанїе: душѣ нималой пользы не приноситъ.

332.

Наука и знанїе его безъ гордости; разсужденїе безъ высокоумства, и затвердѣлаго мнѣнїя; а умъ у него ничемъ не затмѣненъ, и для того во всемъ справедливъ.

333.

Отнюдь того не желаетъ и не ищетъ, чтобъ люди рѣчей ево со удивленїемъ слушали; и ко всякому слову руками плескали, вѣдая; что сїе самолюбїе на безумствѣ основано. Въ рѣчахъ своихъ не останавливается, для тщеславнаго оказанїя слушающимъ; какъ то изрядно, умно, и велерѣчиво онъ говоритъ. Сїе разумному неприлично, но однимъ самохваламъ пристойно: которыхъ всегда и почти весь свѣтъ, непросто презираетъ.

334.

Хотя всегда разуменъ, однако иногда разумнымъ не кажется: ибо такія обстоятельства и случаи бываютъ, что лутче простакомъ и незнающимъ, нежели остроумнымъ казаться.

335.

буде что ему въ чужихъ рѣчахъ темно, и невразумително покажется; то онъ скорѣе изъясненія требуетъ, нежели оныя развращенно толкуетъ, въ такомъ намѣреніи; чтобъ себя разумнымъ, а другова несмысленнымъ показать.

336.

Въ рѣчахъ своихъ, всегда кратчайшей путь беретъ; дабы множествомъ посторонних, и къ настоящему дѣлу неприличныхъ словъ; себя напрасно не мучить, а другихъ не утруждать.

337.

Ежели чужіе отвѣты справедливы, то онъ ихъ хвалитъ: а буде худы и неумны, то оныхъ не презираетъ; надъ отвѣчающимъ не смѣется; и себя умнымъ не кажетъ, а другова въ посмѣяніе у компаніи отнюдь не приводитъ.

338.

Между любящими ученіе, премножество такихъ; которыхъ наука въ толь великую нетерпѣливость приводитъ, что

они

они о простомъ и нискомъ; безъ роптанія и жалобъ слышать не хотятъ, а лутчія книги едва ихъ удовольствовать могутъ. Онъ со всею своею наукою и великимъ знаніемъ, грубѣйшія безумства сноситъ, вѣдая: что терпѣливость лутчее прáвило въ жизни; а простакамъ давать волю говорить, главная мудрость въ обхожденіи. Притомъ же помнитъ; что и онъ живучи въ деревнѣ или между неучеными, лѣтъ за двадцать того не зналъ, что нынѣ знаетъ, и черезъ науки получилъ; да въ свѣтѣ же и такихъ людей много, которые хотя гораздо умнѣе и ученѣе ево, однакожъ со всемъ тѣмъ больше отъ него сносятъ, нежели онъ отъ другихъ терпитъ; а и то еще статься можетъ, что онъ съ молоду глупѣе и несноснѣе другихъ былъ.

339.

Снисходитъ безсилію того, кто на словахъ себя изъяснить не можетъ; а недостаткамъ такихъ людей при случаѣ помогаетъ, которые съ природы трудное произношеніе языкà имѣютъ.

340.

Людскіе пороки и погрѣшности не только съ великою кротостію и любовію сноситъ, но главное исполненіе добродѣтели въ томъ поставляетъ, вѣдая: что

 отъ

отъ терпѣнія происходитъ спасеніе, съ тѣмъ неоцѣненнымъ миромъ и спокойствомъ душевнымъ, которое человѣка еще на землѝ блаженнымъ творитъ.

341.

Всякіе споры прежде возгорѣнія оставляетъ, увидя и узнавъ въ самомъ дѣлѣ, что отъ долговременныхъ споровъ не только ссоры и брани родятся, но временемъ и до драки доходитъ.

342.

Чемъ больше разума, науки, и заслугъ въ себѣ имѣетъ; тѣмъ меньше о себѣ думаетъ: а притомъ старается не на словахъ и мнѣніемъ, да въ самомъ дѣлѣ славнымъ и добродѣтельнымъ себя показать.

343.

Науками себя не хвалитъ, но въ незнаніи своемъ смиряется; ибо противъ одного ста извѣстныхъ ему вещей, десять тысячъ такихъ сыщется, которыхъ онъ не знаетъ.

344.

Хотябъ подлинно умнѣе другихъ былъ, и больше сверстниковъ своихъ зналъ; однако ни гордости ни высокоумства не имѣя, ни чьего наставленія не презираетъ, помня старинныхъ людей Слово: *вѣкъ жить, вѣкъ учиться.*

345.

345.

Никакихъ человѣческихъ похвалъ не ищетъ, и не желаетъ: но о единомъ угожденіи богу, старается.

346.

Во многолюдствѣ жить не хочетъ, а между большимъ свѣтомъ [великіе люди] быть опасается; притомже такъ кротокъ и смиренъ, что нетолько отъ глазъ всего свѣта скрыться, но и отъ самого себя уйти желаетъ: ежелибъ только здѣлать было можно. Но понеже люди почти всегда того наиболѣе видѣть желаютъ, кто себя отъ нихъ скрываетъ, а о славѣ ихъ по обыкновенному своему великодушію не печется; то всякъ на него жадными глазами смотрѣть, а тѣмъ добродѣтелямъ ево удивляться желаетъ, которые онъ хотя и таитъ, только никакъ укрыть не можетъ; и для того всѣ ему ту должную честь и похвалу отдаютъ, которую онъ самъ у себя и у добродѣтелей своихъ, для единаго смиренія отнимаетъ.

347.

Свѣтъ сей презираетъ, и какъ можно отъ него удаляется. Никто и никогда ево на такихъ публічныхъ играхъ не увидитъ, куда злыя съ сѣтьми для

 поима-

поиманія добродѣтели ходятъ; и на погубленіе неповинности собираются.

348.

Когда людей у него нѣтъ; то онъ съ собственнымъ разумомъ и разсужденіемъ разговариваетъ, а бесѣду ихъ лутче и пріятнѣе всякой компаніи почитаетъ.

349.

Обоихъ безъ зазрѣнія, какъ ученикъ учителей спрашивается; обовсемъ съ ними откровенно совѣтуетъ, и ни въ чемъ изъ воли ихъ не выступаетъ: но такъ власно какъ сынъ отцу повинуется, а совѣтъ и приказъ ихъ во всемъ исполняетъ.

350.

Нигдѣ такъ не веселъ и недоволенъ, какъ въ семъ драгомъ уединеніи: для того что нигдѣ такого веселія найти, и ничемъ больше сего пріятнаго одиначества, насладиться не можетъ.

351.

Будучи въ то одно время самъ у себя: все собою и черезъ себя дѣлаетъ, а не чужими глазами смотритъ.

352.

Въ выборѣ людей: нетакихъ усматриваетъ, которые бы для учтивства или угожденія волю его; во всемъ и безпрекословно исполняли; но такихъ выбираетъ: кото-

которые здравыми своими совѣты, отъ поползновенія удержать ево могутъ. Ибо кто добрымъ и честнымъ человѣкомъ быть желаетъ, тому или вѣрныхъ друзей, которые бы обовсемъ ему представляли, или такихъ непріятелей имѣть надобно; чтобы всегда и всю правду безбоязненно ему говорили.

353.

Состояніе се́рдца, по нравамъ и обычаямъ узнаваетъ. Того за дурака почитаетъ, кто всегда и ко всему смѣется; а другова умнымъ и воздержнымъ ставитъ, которой безъ причины и случая никогда и ничему не смѣется.

354.

Кто обовсемъ и всечасно хохочетъ, и которой никогда не улыбнется; тѣ оба ему несносны кажутся.

355.

Добрыя сво́йства, и изрядные нравы всѣхъ тѣхъ знаетъ, кто съ нимъ обходится; а самихъ ихъ въ своей мысли наиболѣе почитаетъ, и при случаѣ передъ людьми публично хвалитъ.

356.

Отъ нападенія безумныхъ, грубыхъ, и всякаго званія строптивыхъ людей, терпѣніемъ и мудростію такъ оборо-

няется; что никакая ихъ наглость побѣдить ево не можетъ.

357.

Такъ разуменъ и пріятенъ, что въ той компаніи никогда не скучно гдѣ онъ.

358.

Всѣ ево слова̀ важны, умны, и наставленіе въ себѣ заключаютъ; а дѣла̀ разумны, примѣрны, и на пра́вилахъ мудрости основаны; токмо обое отъ высокаго ума, и зрѣлаго ево разсужденія происходитъ.

359.

Такимъ двоедушнымъ плутамъ, и льстецамъ отнюдь не уподобляется; которые всѣ свои похвалы и величаніи тому дому поютъ, гдѣ находятся: а за глазами сущихъ, бранятъ и ругаютъ. А онъ вездѣ и всегда въ добродѣтеляхъ равенъ, и на всякомъ мѣстѣ тотже непоколѣбимо доброй и честной человѣкъ.

360.

Всею возможностію отъ того бережется: чтобъ за очи ни одного человѣка не хулить, а въ о́чи никого напрасно не хвалить. Притомже надъ всякимъ дѣломъ думаетъ, что люди на него смотрятъ, и для того ничего худова не дѣлаетъ.

361.

Смотритъ того, какъ и что онъ говоритъ. Ему вѣдомо: что стѣны слышать, и камни кричать могутъ; а слова больше дѣлъ, причины къ злословію и нещастію подаютъ.

362.

будучи одинъ, думаетъ; бутто весь свѣтъ на него глядитъ, а потому что люди все узнаютъ, и о дѣлахъ ево провѣдаютъ.

363.

Отъ глазъ зависти, и злословія; въ темныя каморы не прячется, и того не боится, что сосѣди всѣмъ ево поступкамъ роспись дѣлать станутъ: но желаетъ, чтобы всѣ на него и на дѣла ево смотрѣли, а поглядѣвши тѣмъ въ большей стыдъ и смятеніе придутъ, что ихъ дѣла черны; а ево поступки какъ снѣгъ бѣлы и чисты.

364.

Отъ чести и похвалъ свѣтскихъ, въ большую стыдливость притти можетъ; а презрѣніе съ напраснымъ уничтоженіемъ отъ людей, ни страху ни печали ему не причинитъ.

365.

Чтобы самъ во злѣ лежащей свѣтъ сей, съ единомышленными своими объ немъ

ни говорилъ, только онъ ни на что сїе не смотритъ; для того что оправдатель внутри ево живетъ, свидѣтель совѣсти ево ни въ чемъ не обвиняетъ, а неповинность съ добродѣтелью; у всѣхъ добрыхъ и честныхъ людей праведнымъ и прїятнымъ ево творитъ.

366.

Сїя непорочность такъ сильно ево увѣряетъ, чтобъ онъ судъ свой по первому объявленїю внутренняго свидѣтеля окончать могъ; ежелибъ скромность съ мудростїю и временемъ, не совѣтовали ему подлиннаго себѣ оправданїя въ молчанїи искать. Симъ добрымъ совѣтникамъ повинуясъ; совершеннаго себѣ покою въ удаленїи ищетъ, а всю свою славу въ презрѣнїи хитростей и обману соперниковъ своихъ поставляетъ. Потомъ утѣшенїе и тишину въ спокойствѣ души своей нашедши, настоящаго себѣ воздаянїя отъ собственной добродѣтели, и отъ терпѣнїя своего ожидаетъ.

367.

Зависть ненавистниковъ своихъ вмѣсто зеркала употребляетъ, а какъ во оное посмотрится; то себя лутче въ немъ, нежели въ зеркалѣ дружбы и благоволенїя видитъ.

368.

368.

Главное и всегдашнее ево старанiе о томъ, дабы въ людяхъ и дома такъ чинно и честно поступать; чтобъ ненавистники ни порицать, ни говорить про него не могли; а сiе имъ несносная му́ка.

369.

На такихъ нимало не похожъ, которые за все сердятся, и совѣстью будучи обвиняемы, всякое слово къ себѣ примѣняютъ: а потому думаютъ, будто люди все про нихъ знаютъ. Онъ ничемъ не поколѣблется, и въ чистотѣ своей совѣсти ничего не боится; а между тѣмъ терпѣнiе, главная у него оборона.

370.

Буде въ чемъ виноватъ, то немедлѣнно признается, и прощенiя проситъ; а въ погрѣшенiяхъ ближняго никогда себѣ оправданiя не ищетъ: но обвиненiе другихъ вмѣсто показанiя своихъ пороковъ, за злость почитаетъ, вѣдая; что симъ вмѣсто омовенiя, больше замарается.

371.

А ежели не виноватъ, то безъ замедлѣнiя скажетъ; будеже словамъ ево не повѣря, ясныхъ причинъ къ оправданiю отъ него требовать станутъ: то онъ

на обви-

на обвиняющихъ себя сошлется, и рѣчей ихъ до тѣхъ поръ не перебиваетъ, пока они все выговорятъ; а какъ ужѐ все скажутъ, то ужѐ онъ свою рѣчь тихимъ, твердымъ и безопаснымъ голосомъ начнетъ; для показанія своей невинности, и на опровержение по порядку ложныхъ доказательствъ ихъ; а своими по теченію времени и обстоятельствамъ взятыми доказательствы, подкупленыхъ или приговореныхъ свидѣтелей ихъ, въ стыдъ и смятеніе приводитъ; однакожъ о побѣдѣ своей надъ ними, ни радости ни внутренняго удовольствія не показываетъ.

372.

Такимъ высокоумнымъ не послѣдуетъ; которые возведенія въ чины всякими, и временемъ непозволенными способы добиваются. Онъ повышенія своему достоинству: ничемъ кромѣ добродѣтели не ищетъ, а какъ сіе вышшее передъ прежнимъ достоинство получитъ; то въ дѣлахъ своихъ воздержнымъ, во мнѣніи благоразсуднымъ, къ порокамъ неподвижнымъ, а къ злословію нечувствительнымъ здѣлавшись; ничего кромѣ блага не ищетъ, ни очемъ кромѣ публічной пользы не старается, а когда до защищенія

щенія государства дойдетъ, то ничемъ не отговаривается.

373.

Хотя къ великимъ и высокимъ вещамъ, всею силою прилѣпляется: однако умъ свой терпѣніемъ, дѣла̀ кротостію воздерживаетъ, а надежда ево никогда высокоуміемъ не питается.

374.

Всѣ ево дѣла̀, такое тайное удивленіе въ себѣ имѣютъ: которое труднѣйшаго нрава людей въ восхищеніе, а упрямыхъ на правой путь приводитъ.

375.

Въ правдѣ и судѣ, ни сродниковъ ни друзей не знаетъ, и на собственную пользу не смотритъ; а ежели нужда съ случаемъ потребуетъ, то и самого себя осудить не постыдится.

376.

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, такъ къ правдѣ привыкъ; что больше всего о томъ радуется, ежели въ чемъ справедливость кому учинить можетъ.

377.

Всякому человѣку надлежащую справедливость, съ такою размѣрностію наблюдаетъ; что добродѣтели достойную честь съ награжденіемъ, прежде всего отдаетъ: а пороку заслуженое наказаніе

не смо-

не смотря на лицо и достоинство, безъ упущенія чинитъ.

378.

Разумное ево употребленіе мудрости, въ гражданскомъ и политическомъ житіи, первое и основательное дѣйство сея ему природныя: а въ свѣтскихъ людяхъ весьма рѣдкія добродѣтели, которая ево всегда тому учитъ; что дѣлать, и чего убѣгать? Изъ сего то чистѣйшаго источника разума; мудрость совѣтовъ ево проистекаетъ, такъ что онъ себѣ и другимъ, всегдашней и великой совѣтникъ.

379.

Понеже ему извѣстно, что великіе чины, великой силы требуютъ: а къ надлежащему исполненію дѣлъ высокаго достоинства, сходная съ симъ власть необходимо потребна; то онъ сей полной мочи на исполненіе дѣлъ своей должности, столько беретъ сколько надобно; а о излишнемъ не думаетъ. Иногда употребляетъ ее на примиреніе свѣтскихъ ссоръ, и происходящаго между фамиліями несогласія; токмо никакого злаго употребленія, отнюдь изъ нея не дѣлаетъ.

380.

Когда при своемъ мѣстѣ сидитъ, то постоянен и строгъ безъ жестокости:

кости; въ правдѣ ничемъ непоколѣбимъ, а всякаго дѣла съ великимъ терпѣніемъ слушаетъ.

381.

Постоянство ево; ни на глупой воздержности не основано, ни смѣшными видами не покрыто: но внѣшнею благопристойностію въ надлежащія границы приведено, и для того всѣмъ пріятно; а въ чистотѣ нравовъ, и въ богобоязной совѣсти ево, всему свѣту отчасу яснѣе кажется.

382.

Каковъ бы великъ и знатенъ чинъ ево ни былъ, однако онъ тѣмъ не возносится; и нималой гордости въ себѣ не имѣетъ: но воздержаніемъ, пріязнью, безкорыстнымъ нравомъ, смиреніемъ, и добродѣтельми больше; нежели мѣстомъ и достоинствомъ своимъ, въ славу и въ любовь у всѣхъ себя приводитъ.

383.

Должность своего чина, всею возможностію исполняетъ; а славу свою нетолько содержитъ, но добросердечіемъ и снисходительствомъ своимъ, отчасу умножаетъ.

384.

О чести и власти достоинства своего истинно ревнуетъ, вѣдая; что чинъ

безъ

безъ чести и силы, одна только тѣнь; и привидѣніе безъ вещи. Напротивъ же того, преимуществы достоинства своего отнюдь себя не величаетъ, и не превозносится: ибо тщеславіе ему мерзско, а самохвальство ненавистно. Притомже знаетъ: что самохвальство человѣка собою, гораздо сноснѣе тщеславія чиномъ, и достоинствомъ своимъ.

385.

Права́ и преимущества свои для того содержитъ, что самой разумъ того требуетъ; а силу и власть свою за тѣмъ не распространяетъ, что справедливость сіе запрещаетъ.

386.

Говоритъ всегда къ слову, а не къ стати ничего не дѣлаетъ. Въ движеніяхъ своихъ не безъ порядоченъ, въ маніряхъ не очень свободенъ и легокъ, а въ наружнемъ ево видѣ, никакой суеты нѣтъ; ибо люди о внѣшнемъ [наружнее] по внутреннему разсуждаютъ, и подлинно: внѣшнее ничто иное, какъ фасадъ или лицо наружняго.

387.

Сказанному, а особливо слышанному отъ людей не вдругъ вѣритъ, вѣдая; что ложъ всегда напередъ забѣгаетъ, а дураки прежде всѣхъ ей вѣрятъ.

388.

388.

Онъ сперьва въ противную и полезную сторону разсуждаетъ; и съ обѣихъ сторонъ предложенные резоны довольно разсмотрѣвши; резолюцію или рѣшеніе свое съ приговоромъ, нанѣсколько времени отлагаетъ. Въ важномъ и деликатномъ [нѣжное] дѣлѣ требуетъ сроку; и такимъ своимъ сумнѣніемъ съ медлѣнностію, упрямство другихъ исправляетъ: ежели представленіемъ и совѣтомъ своимъ, возмущенныхъ нравовъ ихъ успокоить не можетъ.

389.

Ему извѣстно; что правда всегда напослѣди, и очень поздо приходитъ, а для того что у нее хромой проводникъ; то есть время; котораго онъ терпѣливно ждетъ, и одно ухо на слушаніе того оставляетъ; что время ему скажетъ: а сему ево объявленію, больше всѣхъ репортовъ вѣритъ.

390.

Искренность, правду, и добродѣтель свою, больше на дѣлѣ; нежели на словахъ кажетъ.

391.

Страстямъ, надъ разумомъ своимъ отнюдь воли не даетъ; но добродѣтелью и воздержностію своею, сихъ мятежницъ

усмиряя, сему мудрому владѣтелю въ подданство приводитъ.

392.

Правду любитъ, невинность защищаетъ, а за сирыхъ и бѣдныхъ, всею крѣпостію вступается. Отъ обидящихъ и хищниковъ, сильно ихъ обороняетъ; а на слезы ихъ, безъ совѣстнаго возмущенія духомъ, и безъ крайней жалости, смотрѣть не можетъ.

393.

Никакой бѣдной безъ помощи; а ни одинъ нищей безъ утѣшенія и безъ милости; съ печалью отъ него не отходитъ.

394.

Весь свѣтъ тому свидѣтель: что онъ правду только на то употребляетъ, дабы себя до обману не допустить; а лжецовъ съ лукавствомъ отогнать.

395.

Героїчными добродѣтельми будучи украшенъ: все противное тому дѣлаетъ, что хулитъ.

396.

Хотя нимало не гордъ, однако подлымъ себя не дѣлаетъ; и во всемъ выше простова человѣка поступаетъ.

397.

Высокимъ умомъ, и разсужденіемъ своимъ; узнаваетъ воздержность, и молчаніе хитраго.

398.

398.

Измѣнниковъ правдѣ ; предателей дружбы ; и неблагодарныхъ за благодѣянїе, видѣть не можетъ.

399.

Въ компанїяхъ всего смотритъ, и все примѣчаетъ; только притомъ такъ скроменъ, бутто ничего не видитъ.

400.

Все слышитъ, и въ себѣ разсуждаетъ; только рѣдко въ чемъ споритъ, и своимъ рѣчамъ спорника не хочетъ.

401.

Прилѣжно того слушаетъ, что люди по немъ, или противъ ево говорятъ; только такъ притворяется, бутто ничего не слышитъ и не знаетъ.

402.

Такому безумному не уподобляется; которой къ наималѣйшему гнѣву какъ порохъ вспыхнетъ, и всю свою злобу тотчасъ рѣчами откроетъ. Но при всякихъ нападенїяхъ разуменъ, воздерженъ, и молчаливъ.

403.

Тщится знать собственной умъ, нравъ, сердце, недостатки, и склонности свои ; ибо не испытавъ сего, ни самому себя знать, ни собою обладать невозможно.

404.

Въ немъ для того пороковъ мало: что онъ самъ съ собою войну вести, и себя побѣждать умѣетъ.

405.

Чувства свои укрощаетъ, плоть умерщвляетъ, а страстямъ отнюдь не поддается; вѣдая, что ежели имъ верьхъ и волю надъ собою дать, то человѣкъ изъ разумной твари, скотомъ здѣлается.

406.

Крайнее старание прилагаетъ о побѣжденіи самолюбія, прихотей, зависти, и о разрушеніи скрытаго въ нихъ царства грѣховнаго. А ежели сего по всѣхъ своихъ трудахъ исправить не можетъ; то оное такъ хитро скрываетъ, что всѣ шпіоны и подсыльныя лисицы, прямой къ тому дороги найти не могутъ.

407.

Ежели ево обидятъ или обругаютъ; то разсматриваетъ, до какихъ границъ гнѣву ево итти; а въ полную ярость отнюдь не отваживается, вѣдая: что всякая страсть на безуміе похожа.

408.

Мудрыми разсужденіи, подстрѣканіе гнѣва и злобы упреждаетъ; а на обладаніе сими жестокими бурями: воздержность, съ удаленіемъ употребляетъ.

409.

409.

Такимъ худоумнымъ не последуетъ: которые тысячу изрядствъ мимо глазъ пускаютъ, а къ одному между ими замѣшавшемуся пороку пристаютъ. По то́мъ ево съ боку на бокъ переворачиваютъ, и съ зуба на зубъ перебрасывая; отчасу большимъ дѣлаютъ. Но какъ пчела къ одному цвѣту прилѣпившисъ, до тѣхъ поръ не слѣтаетъ; пока лутчей сокъ изъ цвѣта, на дополненіе сота своего наберетъ: такъ равно и онъ, ко всему тому немедлѣнно пристаетъ, что въ добромъ человѣкѣ лутчаго, а въ худомъ добраго увидитъ. Какими бы поро́ками человѣкъ распестренъ ни былъ; однако ежели онъ хотя одно хорошее между сими пороками въ немъ найдетъ, то и за сіе ево хвалитъ.

410.

Жизнь свою, потому изрядно препровождаетъ: что ничемъ худымъ не питается, и злости въ себѣ не имѣетъ.

411.

Съ подлостію для того не мѣшается, что почти вся она зла и безумна. Никакихъ ея рѣчей не слушаетъ, за тѣмъ что подлость всегда глупо говоритъ; развращенно мыслитъ; а переговариваетъ, по злобѣ или по неразумію.

412.

будучи не любопытенъ, чужихъ дѣлъ знать не хочетъ. Что до него не касается, о томъ не спрашиваетъ; а кромѣ своего, ни очемъ не печалится.

413.

Между знающими, самъ доброй знатокъ: и по обыкновенной своей прозорливости немедлѣнно тѣхъ видитъ, которые подъ видомъ ево дѣлъ, собственныя нужды исправлять хотятъ: а и тѣ у него не утаятся, которые истинное къ нему доброжелательство имѣютъ, и подлинные ему друзья.

414.

Ни о какой слабости и проступкѣ, ненавистныхъ и ревнивыхъ соперниковъ своихъ не радуется; да непрестанно на предлагаемыя отъ нихъ я́мы и сѣти смотритъ, дабы во оныя не упасть; но бодрымъ о́комъ всего примѣчая такъ поступаетъ, чтобъ они доброты и искренности ево нача́ло, въ свою пользу употребить не могли.

415.

Каковы противники съ непрїятельми ево ни проворны, однако онъ въ обманъ имъ не дается: для того что высокой ево умъ всегда съ нимъ, а здравое разсужденїе, никогда отъ него не отступаетъ;

а особ-

а особливо въ то время; какъ намѣренíе ихъ, разныя хитрости вымышлять начнетъ.

416.

Хотя ему и позволено лутчаго желать, только онъ всегда хуждшаго ждетъ; а все случающееся ему, терпѣливно сноситъ.

417.

Всѣхъ почиитаетъ; для того что во всякомъ человѣкѣ доброе есть, но онъ изовсего лутчее выбираетъ. Съ такими не ровняется, которые богатствомъ отолстѣвши, никого и ничего въ дѣло не ставятъ: но разсужденíе свое и выборъ на хуждшее устремляютъ, а добраго знать не хотятъ и не могутъ.

418.

Повинуясъ воли Всемогущаго, которой возводитъ и низводитъ по своему произволенíю; никогда и ни въ чемъ Повелѣнíямъ Провидѣнíя его не споритъ, но все приходящее отъ рукй Творца своего, съ благодаренíемъ принимаетъ: хотябъ и не въ пользу его было. Притомъ весьма опасается то состоянíе перемѣнить, въ которое воля божíя ево опредѣлила; дабы отъ бога за сíю перемѣну чина и состоянíя своего, гнѣва на себя не привлечъ.

419.

Самъ къ безумнымъ не ходитъ, и къ себѣ дураковъ не пускаетъ, вѣдая; что всякое съ ними обхожденіе опасно, а особливо дружество ихъ страшно.

420.

Да только изъ дали безумства сихъ людей смотритъ; и на ихъ убыткахъ, разуму съ осторожностью учится.

421.

Буде славы и чести желаетъ; то прямою дорóгою воздержанія, правды, заслугъ, и добродѣтели идетъ; вѣдая, что истинной славы, никакимъ другимъ путемъ достигнуть не можно.

422.

Чего желаетъ, того отнюдь не презираетъ; дабы симъ лукавымъ способомъ, скорѣе и легче желаемое получить: но симъ ложнымъ прáвиломъ; плутамъ, и корысти жаждущимъ душамъ, охотно поступается; а самъ тѣмъ доволенъ, чтобъ чрезмѣрнаго жару въ желаніи не показать.

423.

Такимъ дуракамъ отнюдь не уподобляется; которые одно безумство учиня, пять или шесть глупостей еще въ прибавокъ, для того дѣлаютъ: чтобы перьвое дурачество оправдать. Онъ послѣ перьвой поступки, больше о томъ старается,

раетпся, какъ бы оную проступку молчаливостїю, смиренствомъ, и прозьбою прощенїя, загладить: нежели одно малое пятно на щекѣ имѣя, сажею все лицо себѣ вымарать: то есть, въ винѣ и погрѣшенїи всякими вымыслы себя извинять.

424.

Много такихъ людей, которые почти за все войну обьявляютъ; а онъ ни за что кромѣ того не сердится, что добродѣтель уязвляетъ. Малымъ доволенъ, и все то хвалитъ; что хотя небольшой похвалы достойно.

425.

Хотя откровененъ и искрененъ, только искренность ево въ проступку и малоумїе, никогда не обращается; а лутчей, и сердцу ево вѣрнѣйшей переводчикъ, языкъ.

426.

Мнѣнїя говорящихъ съ нимъ, никогда до основанїя испытать не тщится; но лутче желаетъ разумнымъ, нежели надмѣру прозрительнымъ быть.

427.

Учтивъ безъ корысти, а вѣжливъ безъ самолюбїя; и только на показанїе своего учтивства, а не для требованїя взаимныхъ поклоновъ, людямъ кланяется.

428.

Хотя ко всѣмъ учтивъ, однако различїе персонъ, и заслугъ ихъ знаетъ; а кто великимъ и малымъ, знатнымъ и незнатнымъ, равное почтенїе отдаетъ; тотъ хлѣбъ и мыло, чеснокъ и конфекты, однимъ ножемъ рѣжетъ: а медъ и деготь, одной лошкою хлѣбаетъ.

429.

Кто бы каковъ невѣжливъ противъ ево ни былъ; но онъ о своемъ учтивствѣ никогда въ раскаянїе не приходитъ, и впредь грубымъ быть не обѣщается, вѣдая; что учтивство нетолько прїятелей обязуетъ, но и враговъ усмиряетъ.

430.

На неучтивство другихъ не смотритъ, и за оное не сердясъ, къ неучтивымъ кротостїю обращается; дабы ихъ чрезъ то въ смятенїе привесть, и впредь учтивству научить. Начто ему за то сердиться; что говорящей съ нимъ не ко всякому слову шляпу снимаетъ, и не къ каждому напоминанїю имени ево, кланяется? Хотя онъ въ словахъ грубъ, только бы на дѣлѣ праведенъ; а совѣстью честенъ былъ.

431.

Отъ людей не уединяется, и особнякомъ не живетъ; но всегда между людьми находясъ, со всѣми добросердечно и откро-

откровенно обходится, вѣдая; что особящихся и своенравныхъ, нетолько въ добрую ихъ пору, то есть во время щастія презираютъ: но и при самой крайней нуждѣ, почти всякъ оставляетъ.

432.

Пріязнью своею, труднѣйшія предпріятіи въ дѣйство производитъ: всѣхъ сердца въ любовь къ себѣ плѣняетъ; такъ что онъ къ своимъ услугамъ, ничего невозможнаго не находитъ.

433.

Не зная человѣка, въ любовь къ себѣ не принимаетъ; а узнавъ и апробовавши, истинно и сердечно любитъ: и сей союзъ совершенства, за крайнее благополучіе въ жизни, справедливо почитаетъ.

434.

Такъ добросердеченъ и вѣренъ: что хотя бы вѣрности во всемъ свѣтѣ не осталосъ, однако она въ ево сердцѣ всегда пребудетъ.

435.

Дружбы своей никогда не розрываетъ, да развѣ на время оную развязываетъ: и то въ такомъ подлинномъ случаѣ, когда ужѐ самъ увидитъ: что дружившіеся съ нимъ, плуты и ханжи.

436.

436.

Ежели кто изъ друзей съ нимъ побранится, то онъ о семъ не публїкуетъ; а открытыхъ ему тайностей поссорившагося съ нимъ, отнюдь и никому не обьявляетъ, вѣдая: что честному и совѣстному человѣку, и по розрывѣ измѣнникомъ дружества быть, грѣшно и стыдно.

437.

Такъ порицанїе ихъ ненавидитъ; что хотя важныя причины имѣетъ на нихъ сердиться, однако отнюдь того терпѣть не можетъ, чтобы ихъ при немъ кто бранилъ.

438.

Сколько славу друзей своихъ бережетъ, вдвое того о собственной чести ревнуетъ: зная, какъ дорого ему полученїе добраго имени стало. Никогда много на страхъ ево не отваживаетъ: ибо сїе имѣнїе безцѣнное, но притомъ весьма скудельно, и такъ скоро сокрушенїю подвержено; что человѣкъ въ одинъ часъ все то потерять можетъ, что чрезъ многїе годы, и съ великимъ трудомъ прїобрѣлъ: а какъ одиножды честь съ добрымъ именемъ потеряетъ, то ужѐ во вѣки не возвратитъ.

439.

Ежели за искуснаго въ своей наукѣ, или въ какомъ художествѣ прослыветъ: то о сохраненіи сей похвалы, всею силою старается; чтобы ея какою проступкою не лишиться.

440.

И одинождъі злое здѣлать боится, вѣдая: коимъ образомъ сіе злое, все то доброе вдругъ невозвратно загладить можетъ; что честной человѣкъ чрезъ многіе го́ды, и тысячу разъ дѣлалъ.

441.

Каковы дѣла̀ его изрядны, и безкорыстны ни есть: однако ихъ добрымъ видомъ прикрыть старается, вѣдая; что подлость, одного только наружняго смотритъ; а истинно великодушныхъ, на свѣтѣ очень мало. Ктомужъ нынѣшняго времени люди, больше наружнему виду; нежели внутренней добротѣ дѣла̀ вѣрятъ.

442.

Въ словахъ и въ дѣлахъ своихъ, равную осторожность имѣя; одною скромностью кажетъ, какъ онъ собою обладать умѣетъ: а симъ образомъ всѣхъ тѣхъ печалей и обязательствъ убѣгаетъ, въ которые невоздержной неразуміемъ, скоро-

скоропостижностїю, и строптивымъ своимъ нравомъ впадаетъ.

443.

Въ какїе бы кто пороки ни впадалъ, и какъ бы славу свою ни терялъ; но онъ для другихъ, никогда себя не забываетъ. Ему: худыя ихъ поступки не сѣти къ паденїю, ни примѣръ къ послѣдованїю; но одно только извѣстїе, чтобъ всегда себя беречъ.

444.

Такимъ чувствительнымъ, и роскошнымъ свѣта сего, отнюдь не послѣдуетъ: которые въ грѣшныхъ забавахъ вѣкъ свой провождая, отомъ только стараются; чтобы имъ всякихъ роскошей заблаговременно, и на нѣсколько лѣтъ въ запасъ нахлебаться. Онъ: въ посредствѣ, въ воздержанїи, и въ умерщвленїи къ роскошамъ склонной плоти; крайняго себѣ удовольствїя ищетъ.

445.

Никакой ко грѣху влекущей склонности, отнюдь не поддается; но всѣ свои движенїи правому разуму, и просвѣщенному духу въ подданство приводитъ: и самыя страсти, на побѣжденїе страстей употребляетъ.

446.

446.

Истинное спокойство, въ единомъ бозѣ; а душевную тишину, въ чистой совѣсти: и въ дѣлахъ правды находитъ.

447.

Разсуждая прелесть маловременныхъ роскошей; и на такое ослѣпленіе свѣтскимъ бѣшенствомъ помраченныхъ людей смотря: которые за преходящее во мгновеніе ока наслажденіе, душу свою на вѣчную погибель отваживаютъ, съ крайнимъ ужасомъ говоритъ. О! какъ кратки, ложны, и безчестны такія забавы. Всѣ вкушающіе ихъ какъ дымъ исчезнутъ, и нималѣйшей памяти имени ихъ не останется; а сею великою правдою будучи увѣренъ, и всѣхъ свѣтскихъ прихотей усердно отрекшисъ; всю свою радость и веселіе, во Господѣ полагаетъ.

448.

Ему ужѐ извѣстно, что истиннаго изобилія милости и благословенія божія; кромѣ презрѣнія свѣта, и отреченія роскошей: ни въ чемъ найти невозможно.

449.

По высокому уму своему, къ великимъ дѣламъ будучи способенъ: и малыхъ вещей не презираетъ, а то всего удивительнѣе; что онъ кредитъ свой, на услугу всякому человѣку употребляетъ.

450.

Съ такими не равняется; которые по скупости или отъ недостатку человѣколюбія, лутчую часть знанія и науки своей таятъ, и въ пользу ближнему почти ничего не объявляютъ. Всегдашняя ево склонность ко услугѣ; и помощи братіи своей; принуждаетъ ево все лутчее публіковать, и въ народную пользу безъ остатку сообщать.

451.

По природной своей справедливости; и здравому разуму; отъ добродѣтели отнюдь не удаляется, а безъ приказу мудрости: ничего не дѣлаетъ.

452.

Житіе ево толь порядочно; а поступки такъ умны; что онъ примѣромъ лутчихъ дѣлъ въ жизни человѣческой, по справедливости быть достоинъ.

453.

Соглашается со временемъ, и по оному смотря поступаетъ. Въ печали не отчаявается; а въ щастіи не превозносится; но всегда равнодушенъ, а при всякихъ случаяхъ такъ твердъ, воздерженъ, и спокоенъ: что и самые непріятели, добронравію и великодушности ево; надлежащую и достоиную похвалу отдаютъ.

454.

Вѣ добромѣ намѣреніи постояненѣ; а вѣ полезномѣ предпріятіи непоколѣбимѣ. На развращенные нравы подлости не смотритѣ, и глупымѣ ея обычаямѣ не слѣдуетѣ; а угрозѣ и стращанія великихѣ на свѣтѣ такѣ мало боится, что за правду пострадать готовѣ.

455.

На будущее нещастіе, безѣ страха и ужаса смотритѣ; а насылаемыя отѣ бога печали, сѣ благодареніемѣ безѣ удивленія пріемлетѣ; и ничего новаго подѣ солнцемѣ не видитѣ.

456.

Всѣ ево маніры, сѣ натурою сходны; ибо ему извѣстно: что притворство лутчія вещи портитѣ; всему дражайшему цѣну умаляетѣ; никому несносно; а употребляющему весьма тяжко.

457.

Ежели хотя мало примѣтитѣ, что ему вѣ какомѣ нибудь мѣстѣ или домѣ, не очень ради; то высылки не дожидаясѣ немедлѣнно оттуда выходитѣ, а впредь едва вѣ тоже мѣсто возвратится-ль.

458.

Не только добродѣтельми своими не хвалится, и отѣ людей оныя таитѣ;

 но еже-

но ежелибъ ему можно было, чтобъ онъ ихъ и отъ самаго себя скрылъ.

459.

Онъ одинъ всѣ тѣ добродѣтели въ себѣ имѣетъ, изъ которыхъ другіе люди, только нѣкоторыми частьми одарены. Въ его единомъ лицѣ, всѣ тѣ изрядныя свойства собраны: которыя человѣка добрымъ, честнымъ, славнымъ, и великимъ творятъ. Потому онъ щастливъ, храбръ, скроменъ, великодушенъ, праведенъ, вѣренъ, жалостьливъ, и милосердъ.

460.

Такъ многимъ добродѣтелямъ, не только хранитель, но и центръ: потому что онъ всѣ ихъ внутрь себя заключая, ни однимъ добрымъ свойствомъ не хвалится; ибо сія гордость той добродѣтели противна, которая съ нимъ нераздѣльна. Да емуже извѣстно, что всѣ совершенства имѣющей человѣкъ, долженъ быть безъ языка; дабы никому и ни ободномъ своемъ добромъ дѣлѣ говорить не могъ, но похвала бы дѣламъ его, во устахъ другихъ людей была.

461.

Для того подлинно великъ, что крайнѣйшею любовію бога; верьховнымъ люблениемъ правду; а ближняго, какъ себя любитъ.

462.

Онъ заподлинно будучи свѣдомъ, что лутчая вещь язвитъ, ежели ее въ противномъ разумѣ взять; и бритва тотчасъ руку обрѣжетъ, буде оную за вострѣе ухватитъ: то на всякую вещь съ добраго ея мѣста смотритъ. Симъ способомъ въ нещастiи содержится; а во всякомъ чинѣ и времени, щастливо живетъ.

463.

Къ которой бы сторонѣ противники его ни пристали, но онъ себѣ всегда лутчую часть избираетъ, зная: что сила мудрости въ томъ состоитъ. Хуждшаго; на сопротивленiе имъ, отнюдь не беретъ: дабы отъ нихъ побѣжденному не быть.

464.

Въ зеркалѣ своего разсужденiя всякой день смотрится, для примѣчанiя; нѣтъ ли ему въ томъ нужды, чтобъ въ плаванiи на житейскомъ морѣ, терпѣнiемъ, великодушностiю, и постоянствомъ вооружиться? Ибо сiе море такими камнями и порогами наполнено, о которые честь со славою часто разбивается; а особливо отъ содружества съ дураками весьма себя хранитъ, и отнюдь съ ними

не общается ; а откровеннаго съ ними обхожденія, какъ огня бѣгаетъ.

465.

Прилѣжно себя разсматриваетъ ; и ежели какое несовершенство въ умѣ, въ наукѣ, или въ благонравіи своемъ усмотритъ; то сейже самой недостатокъ, на принужденіе силъ своихъ къ трудамъ, и къ строгому наблюденію самого себя употребляетъ.

466.

буде какой порокъ въ себѣ найдетъ, то оной исправить, а себя отъ него вовсе отвлечь старается ; ибо въ томъ сила разума, желающихъ совершенства заключается ; а смотрѣніемъ на тѣхъ не утѣшается, которые такіежъ пороки имѣютъ: ибо сіе утѣшеніе однимъ дуракамъ, и такимъ безумцамъ прилично: которые тому радуются, ежели подобныхъ себѣ товарищей найдутъ.

467.

Себя никогда не забываетъ; а и другимъ надлежащее почтеніе помнитъ. Хотя знаетъ, что они грѣшники; только себя въ число праведныхъ не включаетъ, и на собственныя согрѣшеніи часто смотря, брата своего осуждать боится.

468.

Ничемъ кромѣ честнаго, и благопристойнаго не забавляется; да и то во-первыхъ для ободренія ума, а потомъ ради полученія силъ къ новымъ и большимъ трудамъ, дѣлаетъ.

469.

Ежели нѣсколько ночныхъ часовъ на сонъ и покой себѣ удѣлитъ; то съ великимъ порядкомъ, и умнымъ расположеніемъ сіе дѣлаетъ; дабы больше головною, нежели ручною работою утружденнаго своего тѣла; сего перьваго лѣкарства, и успокоенія ду́ха не лишитъ: а достальное время дня и вечера, на показаніе себя людямъ, и на отправленіе дѣлъ своихъ употребляетъ.

470.

будучи подобенъ басненному о двухъ лицахъ Янусу; однимъ лицомъ на прошедшее, а другимъ на будущее смотритъ: и для того никакихъ золъ не боится. Спитъ незатворяя глазъ ума своего; а въ глубочайшемъ покоѣ, на сохраненіе собственныхъ правъ, и на пользу принятыхъ въ свое защищеніе: недремлющимъ о́комъ смотритъ.

471.

На отмѣну себя отъ другихъ: ни чрезвычайнаго виду, ни особливыхъ глу-

постей въ дѣлахъ, и ничего страннаго въ поведенiи своемъ не употребляетъ; но во всѣхъ своихъ поступкахъ, въ разговорахъ, въ уборѣ, и въ платьѣ своемъ, простоту любитъ: а глупымъ орiгiналомъ [первымъ дуракомъ] здѣлаться, и у всѣхъ въ посмѣянiе притти, отнюдь не хочетъ.

472.

Манiры, обычаи, и обряды земли своей; съ разсужденiемъ хранитъ. Ежели природной Гiшпанецъ, то во отечествѣ своемъ Француского платья не носитъ; а буде Французъ, то живучи во Францiи Гiшпанской одежды не надѣваетъ.

473.

На такихъ вертопраховъ не смотритъ: которые ко двору въ платкахъ, или съ соболемъ на шеѣ, а на полѣ и за охотою; въ гальстухѣ ѣздятъ. Также для отдѣленiя себя отъ другихъ умныхъ и постоянныхъ людей; всякой день новыя шалости, и смѣха достойныя моды выдумываютъ. Онъ всѣхъ ихъ за кукольныхъ комедiантовъ признаваетъ; а самъ будучи у двора, придворнымъ обычаямъ слѣдуетъ, а въ деревнѣ; по деревенски живетъ. Всѣ свои поступки, смотря по мѣсту и времени учреждаетъ; дабы за не исполненiе сего, въ напрасномъ посмѣянiи не быть.

474.

474.

Упрямству и своенравію такихъ людей не послѣдуетъ, которые за худое и ложное крѣпко вступаются; и развращеннаго выбору ихъ, за правило себѣ не ставитъ: но себѣ всегда лутчее, честнѣйшее, и безопаснѣйшее выбираетъ: а разумомъ и добродѣтелію, прежнее о себѣ доброе мнѣніе постоянно хранитъ.

475.

Хотябъ ученъ былъ; однако всего слушаетъ, и ни малаго наставленія не презираетъ, а особливо такого: которое до ево пользы, и исправленія касается.

476.

Понеже весьма того боится, дабы отъ проступки въ важныхъ дѣлахъ, худыхъ слѣдствъ не произошло, то безъ совѣту мудрыхъ, и силу въ томъ знающихъ людей ничего не начинаетъ, вѣдая; что тотъ всегда одинъ въ отвѣтѣ остается, кто безъ совѣта въ важныя предпріятіи вступаетъ.

477.

Кромѣ добрыхъ и праведныхъ дѣлъ, ни во что не вступается; а кромѣ истинную обиду терпящихъ, ни за кого не проситъ: и лутче желаетъ все свое имѣніе потерять, нежели друзей, а особ-

ливо благодѣтелей своихъ, въ такія обязательства привесть; отъ чегобъ они совѣсть или честь свою неволею повредивши; въ печаль и раскаяніе притти могли. Ему уже извѣстно: что лутче друзей своихъ хранить, нежели собственное имѣніе беречь. Не всегда и не во всякомъ случаѣ ихъ употребляетъ, вѣдая; что симъ способомъ ихъ утрудить, и отъ себя скоро отогнать можетъ. Милость и сильное представительство оныхъ, въ нужныхъ и важнѣйшихъ дѣлахъ, вмѣсто щита себѣ беретъ: токмо благоволенія ихъ никогда, и отнюдь на зло не употребляетъ.

478.

Надъ наружнимъ видомъ вещей не останавливается; но разсужденіемъ своимъ до внутренности ихъ проходитъ, вѣдая: что вещь внутри весьма не та, какова съ наружи кажется; а ежели позолоту съ красками съ неѣ стереть, то еще хуже будетъ.

479.

О произведеніи себя кривыми дорогами, не старается; а о полученіи себѣ во всякомъ домѣ знакомства и вседневныхъ пировъ, труда не прилагаетъ; но по отмѣнной своей воздержности, не званъ никуды не ходитъ, а безъ присылки

по себя, ни къ кому не бѣгаетъ: да къ однимъ больнымъ и безщастнымъ, не-только днемъ или вечеромъ; но въ пол-ночь безозву, и безъ прозьбы идетъ.

480.

Всегдашнее омерзѣнiе къ свѣтскимъ забавамъ имѣвши, и за скоропреходящiя ихъ почитая, ни очемъ такъ не ста-рается, какъ о распространенiи благо-дѣянiй своихъ: а единое свое удоволь-ствiе, въ великодушiи поставляетъ.

481.

Дары и награжденiи свои, съ великимъ разумомъ и разсужденiемъ раздѣляетъ; чего всѣ знающiе ево, услугами своими достойными себя учинить тщаться. Не все вдругъ даритъ, но иное обѣщаетъ; дабы люди въ сниканiи честнаго не ослабѣли: да притомже вѣдаетъ, въ ка-комъ худомъ состоянiи тотъ человѣкъ, которому ужè дать нѣчего; а и та печаль не меньше, ежели человѣкъ къ полученiю, нималой надежды не имѣетъ.

482.

Хотябъ на свѣтѣ такiе неблаго-дарные и были; которые благодѣтелей своихъ [по полученiи отъ нихъ желаемой помочи] въ собственное нещастiе привле-каютъ, и въ домашнiя свои печали вмѣшиваютъ; а онъ тѣмже которые отъ

него помощъ получили, нетолько въ крайней ихъ нуждѣ и бѣдѣ вторичныя услуги кажетъ: но имѣніе, щастіе, а временемъ и самую жизнь свою на избавленіе ихъ, по природному своему милосердію; великодушно отваживаетъ.

483.

Въ чувствительнѣйшихъ печаляхъ: о смерти родителей, жены, дѣтей, и блискихъ сродниковъ своихъ; также о потеряніи имѣнія, или дому своего; во первыхъ истинное повиновеніе, и совершенное себя преданіе воли божіей: а потомъ мудрое разсужденіе о свѣтскомъ; болѣзнь и жалѣніе ево умаляютъ.

484.

Великаго въ компаніи вопрощика, съ крайнею опасностію какъ наряднаго шпіона бережется; а ежели въ немъ легкомышленность усмотритъ, то острotою разума своего, и самого ево на вѣсы подымаетъ.

485.

Тайны и мыслей своего сердца, почти никому не открываетъ; а буде кому скажетъ, то съ такимъ разсужденіемъ и предосторожностію; что услышавшей въ необъявленіи сего, столькожъ чести и пользы, какъ самъ онъ имѣетъ.

486.

буде тайность ево важна: то оную изъ сердца на языкъ, отнюдь не выпускаетъ.

487.

Остроту ума своего вдругъ не кажетъ, и ею надъ мѣру не тчивится; но въ словахъ и въ дѣлѣ оную бережетъ: а разумъ и силу свою помалу, и въ полсвѣта кажетъ. Хотя человѣку и полезно все знать: однако въ томъ ни чести ни прибыли нѣтъ, чтобъ все то дѣлать или сказывать, что самъ человѣкъ знаетъ.

488.

Душа ево чиста, свѣтла, проста, и постоянна; а на множество вещей, вдругъ не мечется. будеже къ чему пристанетъ; то все къ славѣ божїей, и въ пользу ближняго клонитъ: а собственнной корысти, ни въ чемъ не ищетъ.

489.

Не расположа и не учредивши напередъ внутрь себя, ничего наружу не выноситъ; а къ исполненїю дѣйствомъ, прежде зрѣлаго и довольнаго разсужденїя; отнюдь не приступаетъ.

490.

Ежели по званїю и достоинству своему, подчиненныхъ имѣетъ; то всегда ихъ болѣе разумомъ, нежели силою упра-

управляетъ; а притомъ о полученіи любви и почтенія ихъ старается, вѣдая: что подданные властямъ, а малые великимъ, по любви и усердію съ большимъ успѣхомъ служатъ; нежели со страху и съ принужденія повинуются.

491.

Какъ солнце иногда, въ полномъ своемъ сіяніи за облака заходитъ: а чрезъ то нѣкоторую часть свѣта лучей своихъ скрываетъ; такъ и онъ временемъ принужденъ бываетъ, сіяніе милости и доброты, отъ подчиненныхъ власти своей скрывать; а вмѣсто сего сіянія темноту страха и наказанія пустить; ибо сія ужасная ночъ, для покою крѣпкихъ и ревностныхъ хранителей вѣры и закона, весьма надобна. Но понеже онъ на сіе по неволѣ, и для публичной пользы отваживается; то часто и съ охотою самымъ дѣломъ кажетъ, что какъ языкъ ево къ объявленію прощенія готовъ: такъ сердце ево къ показанію милости склонно.

492.

Хвалами своими, къ добродѣтели; а благодѣяніями, къ трудамъ возбуждаетъ; токмо награжденіе тѣмъ даетъ, которые онаго дѣйствительными заслугами удостоились.

493.

Для полученія себѣ почтенія безъ ненависти; кислое и горькое съ сладкимъ, такъ искусно мѣшаетъ: что хотя временемъ лихъ кажется, однако добрымъ и милостивымъ, быть не престаетъ.

494.

О учиненныхъ себѣ обидахъ, почти никогда и никому не жалуется; ибо кто о прошлыхъ нападкахъ жалобу приноситъ, тотъ къ будущимъ себѣ обидамъ, причину и поводъ подаетъ. Притомже и то не рѣдко случается; что тѣ, кому ты жалуешся: не лутче тѣхъ съ тобою поступаютъ, на которыхъ жалобу приносишъ.

495.

Память ево: никогда минувшихъ вещей не во время, и не къ статѣ не возобновляетъ, а особливо въ такомъ случаѣ; ежели сіе напоминаніе присудствующимъ, или въ отсутствіи находящимся дѣлателямъ минувшаго: печаль или угрызеніе совѣсти, нанесть можетъ.

496.

Полученныя отъ людей милости и благодѣяніи, всѣмъ и вездѣ обьявляетъ; а симъ способомъ, почтеніе отъ друзей

себѣ

себѣ хранитъ; непріятелей, въ границахъ должности ихъ содержитъ; а слѣдующихъ, ктакомуже себѣ благодѣянію привлекаетъ.

497.

Какъ бы кто развращеннно и не порядочно ни жилъ; только онъ ни чьимъ худымъ примѣрамъ не послѣдуетъ, и никого не поноситъ. Ево собственная натура и практіка научила; что всякой человѣкъ слабостямъ и грѣху подверженъ, а самъ по своему смиренію и кротости о себѣ думаетъ: что онъ немощнѣе всѣхъ на свѣтѣ.

498.

Такому ханжѣ и лицемѣру отнюдь не подобенъ, у котораго два лица, и два се́рдца; а оба лукавые.

499.

Всѣ знаки православной вѣры и благочестія, на лицѣ у него написаны; а заповѣди божія на скрижалѣхъ се́рдца ево, еще лутче и яснѣе того воображены.

500.

Ежели чинъ и состояніе ево къ тому не допускаетъ, чтобъ уединенную жизнь имѣть; а притомъ себя отъ свѣта отвлекая къ богу приближаться: то принужденъ

нужденъ будучи въ свѣтѣ жить, ищетъ себѣ покровительства и защищенія сильнаго и знатнаго лица: ибо весьма трудно такого человѣка сыскать, которой бы однимъ своимъ умомъ, безъ помощника и предстателя самъ себя произвесть могъ. Но понеже онъ на дорогѣ стоять, а въ мимошествіи нигдѣ жить не хочетъ; то на непостоянствѣ свѣтскомъ, ни мыслей ни нужды своей не утверждаетъ.

501.

Мысленныя се́рдца своего о́чи, непрестанно къ небу возводитъ; а земное все презирая, ничего кромѣ вѣчнаго блаженства, и безконечной славы не желаетъ: а сожитіе съ богомъ, выше свѣтской славы со всѣмъ великолѣпіемъ почитаетъ.

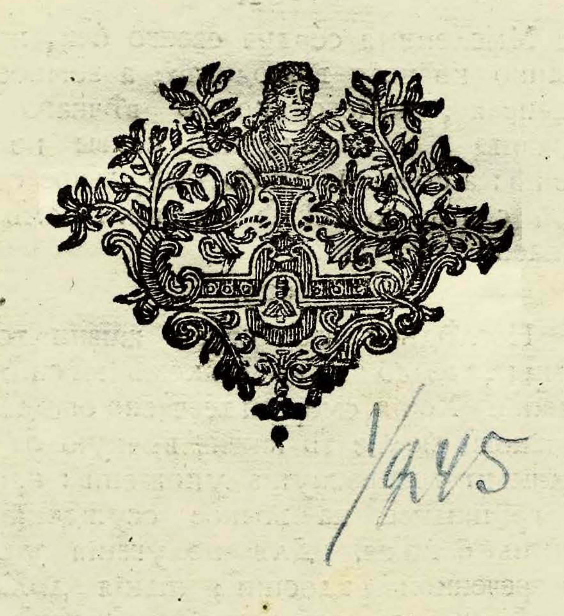
502.

Послѣдней часъ своей жизни всегда помня, вездѣ и на всякомъ мѣстѣ ево ждетъ. Хотя смерти всечасно ожидаетъ, однакожъ болѣе въ жизнь вѣчную съ праведными воскреснуть уповаетъ: нежели съ грѣшными на вѣчное осужденіе востать боится. Для полученія у бога неизреченной радости; такія дѣла до послѣдняго своего дыханія дѣлаетъ, за кото-

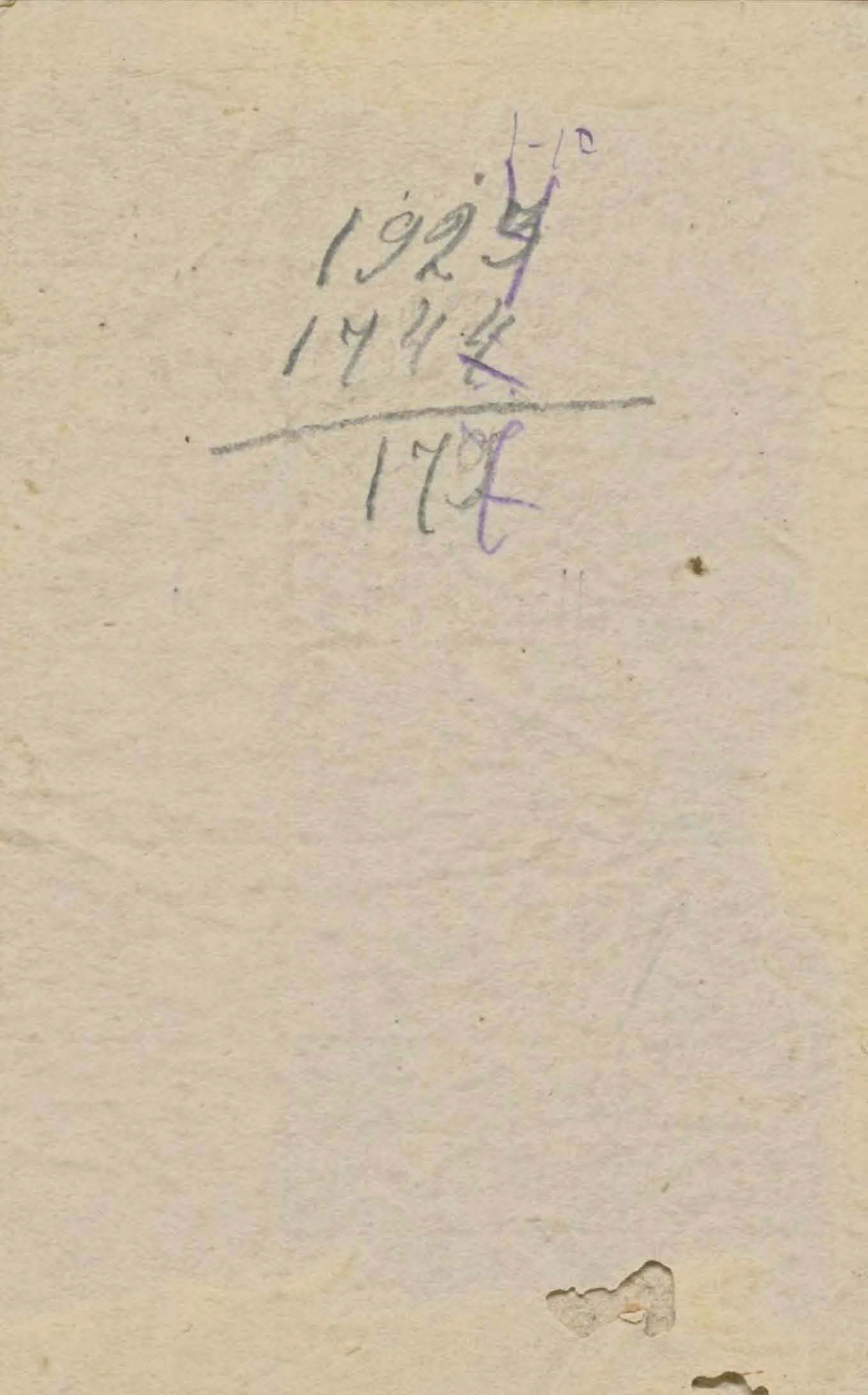
которыя богъ, царство небесное любящимъ Себя, за исполненіе святыхъ Его заповѣдей непреложно обѣщалъ: а теченіе скончавшимъ, и вѣру соблюдшимъ, несумѣнно даруетъ.

КОНЕЦЪ КНИГИ.

Не всякому случится въ Корінѳѣ быть. Горац: 1. книги, письмо 17.



оу. Друдав


1929
1744
17